

A portrait of Alexander Nevzorov, a middle-aged man with grey hair, wearing a red blazer, a black scarf, and a black eyepatch over his right eye. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is slightly blurred, showing what appears to be a building entrance.

Александр
Невзоров

Эноб.

ИСКУССТВО ОСКОРБЛЯТЬ

«Как мне кажется, устои являются настоящими устоями, если их раскачивать и проверять на крепость. И то, что не может устоять — пускай падает. Невзоров тот редкий человек, который не боится проверять, как и что здесь устроено».

18+

СЕРГЕЙ ШНУРОВ

Annotation

«Еретик!» — сказала церковь. «Хулиган!» — сказали чиновники. «Бесстыдник!» — сказали мещане. А Невзоров ответил очередной язвительной колонкой. Легенда ранних девяностых, он вернулся к почтеннейшей публике лучше прежнего: сменил кожанку на костюм, папиросу на трубку, молодую ярость — на горькую иронию зрелости. Неизменна лишь реакция на его тексты: «Он что, издевается, что ли?!» О нет, он абсолютно серьезен. Он врачует раны и бичует пороки, говорит о Боге и человеке, России и Америке, религии и истории. Перед вами — книга Александра Невзорова, который прячет свой трагический прищур за ехидной, бесстыдной и совершенно невыносимой улыбкой.

- [Александр Невзоров](#)
 - [Искусство оскорблять](#)
 - [Кирилл — просветитель пингвинов, или Истина неподтертого зада](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [Двуглавый пенис](#)
 - [Миллион лет слабоумия](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Одинокая Россия желает познакомиться](#)
 - [Не стареют душой сельдереи](#)
 - [Голый патриарх, или Закон Микки-Мауса](#)
 - [Конец РПЦ. Как это будет](#)
 - [Крылышко или ножку?](#)
 - [Мухоморы победы](#)
 - [Дразнилка для гуся. Окончание дискуссии о Галилее](#)
 - [Особо опасное мышление. Из истории фриков](#)
 - [Россия в поисках ада](#)
 - [Иисус Тангейзерович Чаплин](#)
 - [Дурочка Клио, или Почему историю не следует изучать в школах](#)
 - [Теория и практика кощунства. Часть 1](#)
 - [Теория и практика кощунства. Часть 2](#)

- [Теплый сосочек для хунвейбина](#)
- [Вера с ручкой](#)
- [Труженики зада](#)
- [Вкус кала](#)
- [Глядящие в пенис](#)
- [Идущие в анус](#)
- [В когтях пигопагуса](#)
- [Железные лапти Кремля](#)
- [Ложь как жанр](#)
- [Химически чистый цинизм](#)
- [Путин и революция. Нос к носу](#)
- [Лекции 2014–2016 гг.](#)
 - [№ 1](#)
 - [№ 2](#)
 - [№ 3](#)
 - [№ 4](#)
 - [№ 5](#)
 - [№ 6](#)
 - [№ 7](#)
 - [№ 8](#)
 - [№ 9](#)
 - [№ 10](#)
 - [№ 11](#)
 - [№ 12](#)
 - [№ 13](#)
 - [№ 14](#)
 - [№ 15](#)
 - [№ 16](#)
 - [№ 17](#)
 - [№ 18](#)
 - [№ 19](#)

- [notes](#)

- [1](#)

Александр Невзоров
Искусство оскорблять

Искусство оскорблять

Кратчайший конспект цикла лекций в «Эрарте»^[1]

Прошу отметить, что я ни к чему не призываю. Более того, мне бы не хотелось, чтобы мои взгляды кто-либо разделял. Массовое должно оставаться массовым, а штучное — штучным. Есть набор представлений, который ни в коем случае не должен становиться общепринятым.

В данный конспектик я надергал самые разные фрагменты своих лекций. Их генеральная тема — абсолютное свободомыслие и, как следствие, мастерство публицистики. А оно порой нуждается в весьма экзотических иллюстрациях. Естественно, в этом качестве я использую темы и образы, наиболее понятные моим слушателям.

Зачем нужно абсолютное свободомыслие? Разумеется, оно не цель, хотя иногда и позволяет наслаждаться необолваненностью. Оно — инструмент, без которого нет смысла заниматься ни публицистикой, ни наукой.

Политика была, есть и будет прекрасным материалом для отработки навыков глумления. Особенно в этом качестве хороша политическая реальность РФ. Она так сочна и маразматична, что трудно представить себе лучший тренажер. Конечно, хулиганская вольность обращения с ее фактурой приходит только в том случае, когда вы совершенно свободны вообще от любых политических взглядов.

Итак, рассмотрим события последнего месяца.

Национальная эрекция, которую так долго вызывал Кремль, наконец-то свершилась. Одновременно встал и вопрос ее дальнейшего применения.

Но!

Принимающий орган у Сирии оказался ничтожно мал, у Донбасса заминирован, а на Прибалтику чертово НАТО успело нацепить пояс целомудрия. Запасной вариант с Беларусью тоже провалился. Там оказалось все так крепко забито картошкой, что всунуть эрегированное русское величие было некуда. Что теперь делать с этой эрекцией, никому не понятно. Рано или поздно Кремлю снова придется стучать зубами о стакан, напоминая «братьям и сестрам» о волшебных возможностях ладошек.

Этот гадкий момент приближается. Публика соскучилась по державности, то есть по фронтам, застенкам и карточкам. Она хочет в кандалы и под плети. А Кремль таковыми в товарном количестве не

располагает. Кроме шоу «ходячее кладбище», ему нечего предложить населению.

До последней минуты теплилась надежда на воскрешение пыточных традиций. Но, как выяснилось, максимум, на что может рассчитывать общество, — это истязание концертом из дурацких развалин. Росстат пока замалчивает цифру умученных виолончелями, но вряд ли она может впечатлить наследников ГУЛАГа.

Как мракобесные, так и либеральные аналитики — в страшном беспокойстве. Они обнюхивают пресс-выделения друг друга и с попугайской настойчивостью диагностируют у оппонентов «вирус фашизма», «революцию» и «русофобию». Они всегда на слезе, им всегда больно. Конечно, пейзаж украсили бы катафалки, но, к сожалению, от боли за отчизну никто из аналитиков пока не умер.

Они скулят, но соглашаются и дальше быть одним из монстриков на диком полотне России. Увы, никто не хочет дистанцироваться и увидеть чумное очарование ситуации. Они не умеют воспринимать страну как грандиозный анатомический театр, где на каждом столе разложены готовые к препарации смыслы и редкие сущности.

Аналитики сами переморочили себе головы своими причитаниями про «отечество», «народ», «мораль», etc. Эти обременения, конечно, милы, но именно они лишают возможности ясно мыслить. Именно от них следует избавляться в первую очередь. Впрочем, как и от любых политических взглядов и пристрастий. Публицист, нагруженный данными понятиями, напоминает анатома, который ходит в прозекторскую не резать, а рыдать.

Лучше не иметь никакой родины, чем культивировать в этом качестве какую-нибудь дрянь. Просто потому, что «так получилось» и «мать». Не следует терпеть сумасшедшую старуху, которая душит внуков и поджигает портьеры. Один проворот глобуса свидетельствует о том, что выбор возможных «родин» достаточно велик. (Разумеется, это не касается тех ситуаций, когда в перспективе маячит очень большое наследство. Тогда можно потерпеть даже портьеры.)

* * *

Про «народ» следует забыть, как и про уважение к его «выбору».

Тот факт, что зрители «битвыэкстрасенсов», кричателю «крымнаш» и выпиватели миллиарда бутылок водки выбрали себе кумиров, ни к чему не должен обязывать. Политические предпочтения этой публики имеют такую

же ценность, как и их интеллектуальные или культурные пристрастия (то есть нулевую). Понятие «народ» — это всего лишь часть примитивной агитки, сочиненной режимом. Как попы вещают от имени «бога», так и режимы от имени «народа». А упоминание властью этого скользкого понятия говорит лишь о том, что она делает ставку на самые примитивные свойства населения.

* * *

Иными словами, никогда не надо упускать возможности поиздеваться над властью. Для этого можно использовать любой предлог, а если его нет, то следует его создать. А уж вытирание ног о различные святыни — это самая важная часть профессии публициста. Впрочем, разнообразие святынь обязывает и к разнообразию подошв. Большинство святынь ядовиты и требуют прочного протектора на башмаках.

К сожалению, закон РФ лишил нас приятной возможности оскорблять чувства верующих. Но осталось еще много всяких «сакральностей», которые по своей глупости ничем не уступают религии. Например, традиции, идеологии и патриотизм.

При этом не следует опасаться повредить чьи-нибудь убеждения. Настоящий патриот никогда не откажется от своей уверенности в том, что кролики живут в шляпе фокусника.

* * *

Кстати.

Качество мышления может иметь и прямой практический смысл. Вспомним Иеремию Бентама. Этот дерзкий для своего времени мыслитель был мумифицирован. Ларец с его останками разместили в холле Лондонского университетского колледжа. Но со временем вокруг мощей Бентама начались загадочные события. Крышка ларца наутро оказывалась отодвинутой. По ночам в холле билось стекло и регистрировались странные звуки.

Как выяснилось, один из лаборантов, г-н Милль, повадился собирать «нечто вроде масла, вытекавшее из головы Бентама». Г-н Милль пояснил, что эта субстанция наилучшим образом подходит для смазки лабораторных хронометров. Ряд опытов подтвердил, что «масло» действительно вне

конкуренции.

Разумеется, предположение о связи меж интеллектом Бентама и качеством смазки для хронометров — это абсолютная глупость. Но, как и всякая чушь, данная история может служить прекрасной аллегорией того, как голова ученого служит науке.

* * *

Иногда бывают забавные реплики из аудитории.

В частности, прозвучал вопрос о том, какое произведение художественной литературы на меня повлияло в детстве.

Я честно ответил, что, скорее всего, «Преступление и наказание», которое меня уговорили (по диагонали) прочесть. Я был маленьким и еще не умел защищаться от всей этой макулатуры.

Но от данной книжки определенный смысл все же был. Я хорошо усвоил, что, крупно набезобразничав, никогда не следует терзаться. Именно «угрызения совести» чаще всего и ведут к разоблачению. Они существенно искажают поведение и в результате приводят к «проколу».

**Кирилл — просветитель пингвинов, или
Истина неподтертого зада**

Антарктическая проповедь Гундяева имела несомненный успех: шестнадцать пингвинов приняли православие. Вероятно, теперь придется поменять привычный титул на новый: Патриарх Московский и Всея Пингвинов.

Но дело совсем не в новых статусах. Все гораздо стратегичнее. Чудо о пингвинах было явлено «русскому міру» «во утешение», а также для предотвращения возможного раскола церкви после посиделок на Кубе.

Чрезвычайные меры предосторожности понятны. По идее, «русский мір» в феврале мог разорваться на тысячи сект.

Поясним.

Еще недавно лоно РПЦ казалось вечным и уютным. Но кубинский финт ушами перечеркнул всё. Важнейшие традиции православия, по сути, были означены Гундяевым как забавное недоразумение, а убеждения чтимых русских святых — как глупость. Вживую чмокнуть папскую ласту, конечно, не получилось, но, как известно, поцелуи бывают и «воздушными». Православие со всеми его ненавистниками «латинской ереси», вроде Феодосия Печерского и Иоанна Кронштадского, было «слито» за пару часов милой беседы.

Как только таинство большого слива завершилось, то нажалась соответствующая кнопка и в черепах церковных функционеров заработали моторчики. Их жужжание гласило, что на Кубе произошла «встреча тысячелетия», полная непостижимых уму смыслов. Событию был присвоен официальный статус «благодатного». Стало понятно, что при необходимости можно будет оправдать слияние РПЦ даже с культом вуду.

Но!

Никаких потрясений и расколов не произошло.

Не запылали скиты, и не возгремели вериги мучеников. Православная масса просто не заметила обрушение тысячелетней традиции своей веры. Сперва сработал трюк опингвинивания, а затем богомольцев отвлекла няня и другие лабутэны.

В недалеком прошлом значительно меньшие корректировки церковного курса затапливали страну кровью. Самосожжениями и смутами отвечала православная Русь на ничтожные изменения своих духовных традиций.

А вот глобальная выходка Кирилла не произвела на православных

вообще никакого впечатления. Конечно, не обошлось без полемик в курилках семинарий. Но там обсуждался лишь один вопрос: правда ли то, что на исторической встрече Франциск сидел в ластах, тщательно прикрытых рясою? (Это, кстати, возможно, т. к. папа откровенно маялся желанием искупаться и ждал завершения тягомотного «слива».)

Завистливое беспокойство семинаристов вызвала и краснота патриаршего носа, что впрочем, легко объясняется кубинской жарой и ромом.

Нос и лапы... Для паствы, которая когда-то легко убивала и умирала за способ сложения пальчиков, это, конечно, несолидно. Деградация очевидна, но причина ее проста. Религиозная вера сегодня — явление чисто декоративное. Конечно, она еще пригодна как повод для доносов, погромов и хамства, но само ее содержание самим же «верующим» абсолютно безразлично.

Вероятно, можно переписать иконостасы, заменив физиономии святых ликами пингвинов. Бунтов не последует. Благочестивая публика возблагодарит начальство и умилился клювикам.

Православие выдохлось. Ничего удивительного. Даже смертоносный уран со временем трансмутирует в химически скучный свинец.

II

Впрочем, среди погасшей паствы РПЦ имеются и исключения. Неопингвиненные уже проглотили слезы, а теперь мечутся и вопиют: где теперь спасти душу свою?

Их терзания, конечно, оправданы. Но бедолаг хочется утешить. Ведь рынок религиозных услуг велик и разнообразен. А уж способы спасения души представлены на нем в самом широком ассортименте.

Есть люксовые методики, а есть и вполне приличные образцы экономкласса. Есть дремучая архаика, а есть и крутой модернизм.

Конечно, верующий человек предпочитает максимально древние способы, справедливо полагая, что чем невежественнее и тупее был изобретатель «душеспасения», тем больше истины в его методике.

Это правильный подход к проблеме. Убежденность в существовании души — неперенный компонент именно дикарских представлений и первобытного мышления. Только ничем не замутненная примитивность рождает подлинную духовность. Не случайно в эпоху раннего христианства так ценилась «*veris ani intersi*», что переводится как «истина неподтертого зада».

Поясним смысл этого красивого термина, который можно употреблять как в прямом, так и в переносном смысле.

Для разрешения богословских или мировоззренческих споров всегда приглашался какой-нибудь знаменитый отшельник. Отметим, что антисанитарное состояние старца было лучшим свидетельством его духовности. Разумеется, эффектные вериги тоже имели значение. Но подлинная причастность к богу и истине все же определялась по степени загаженности.

Последуем этой благочестивой логике.

Желая найти лучший способ «спасения души», нам надо выбрать из всех задниц мировой истории самую неподтертую. Ее-то мнение и будет самым авторитетным.

Конкуренция здесь очень высока. Не хотелось бы расстраивать патриотов, но их команда — в аутсайдерах. Конечно, и русская церковь может похвастаться глупостью, дикостью и антисанитарией своих учителей. Но... но в данном жанре существуют образцы более впечатляющие. И гораздо более древние. Соответственно, и способы спасения есть получше, чем долбежка лбом об пол или жевание мяса бога.

С ними следует ознакомиться, сделать свой выбор — и навсегда выбросить из головы ласты и красный нос.

Удивительно изящна методика *приморских даяков*. Их шаманы привязывают к пальцам рук множество рыболовных крючков. В момент отделения души от тела — они ловко подсекают ее, зацепляют и тащат.

Но!

При этом они так орут и колотят в бубны, что еще ни одному этнографу не удалось расслышать ответ на свой вопрос о судьбе пойманной души. Конечно, это не так обидно, как полный иконостас пингвинов, но неопределенность удручает.

У народности *гайда* дело обстоит получше. Их колдуны используют большую полую кость, в которую закупоривают заблудившиеся или отлетевшие души.

У разных дикарей методики душеспасения существенно разнятся. Почему? Дело в том, что не существует единого мнения даже о дислокации души в организме человека. Богословы с костью в носу не могут договориться с богословами в митрах.

Папуасы, парапсихологи, кафры и библейские *евреи* уверены, что она находится в крови. *Тасманийцы, бушмены* и *православные философы* определили местом ее обитания сердце. *Племена овамбо, Платон* и *эскимосы* располагали душу в груди и печени, а платоники обнаружили еще одну (добавочную), таящуюся в пояснично-крестцовом отделе позвоночника. По мнению древних *лангобардов*, душа, имеющая вид змеи, обитает в кишечнике, а у *коряков* ее можно наблюдать на макушке в виде небольшого огонька.

Эта неопределенность усложняет дело спасения. Но, к счастью, *зулусы* изобрели метод, примиряющий все противоречия. Этот великий народ совсем недавно перестал есть сигареты и узнал их настоящее предназначение. Лидируя в деле духовности, зулусы ревностно относятся к душе и ее спасению. Ими разработана процедура, для которой нужны всего пять барабанов, мешки и коптильня. Иконостас, потиры и купола не требуются.

Как же свершается таинство спасения?

«Преемник умершего отрезает с трупа часть его половых органов, разрезает на куски левую руку, рассекает нижнюю губу и вырезает с середины лба кусок кожи. Все это он коптит на огне, а потом зашивает в мешочки разной величины» (Б. Оля).

Процесс занимает несколько дней. Сопровождается визгом и барабанным боем. Если в период копчения ритм всех пяти барабанов был

выдержан правильно, то душе обеспечено и спасение, и практически неограниченный срок хранения. Участие пингвинов в церемонии не предусмотрено.

Двуглавый пенис

Рано или поздно настанет день, когда заплаканные проценты снова будут выть над телом хозяина. Назначится день похорон. Но, пока публика украшается бантиками, а караулы шлифуют печальный канкан, непременно должна свершиться одна пикантная процедура.

Великую голову оскальпируют и пустят в последний распил.

Все будет как полагается. Скальп подвешат на бельевой прищепке, чтобы его ненароком не заблевали приставленные к вскрытию лейтенанты. В обнаженную лобную кость вгрызется болгарка. Мозг извлекут и потискают, чтобы выдавить лишние жидкости и побуревшую кровь. Взвешают, измеряют и сделают пару укольчиков. А потом загрузят в формалин.

Опустевший череп скрепят саморезами. Скальп оденут обратно и причешут на косой пробор. Так что, когда лафет затарахтит по брусчатке, в великой голове уже ни будет ни черта.

Через пару недель формалин сделает свое дело. Полушария приобретут приятную резиновость и станут пригодны для изучения. Ничего экстраординарного. Это происходит с мозгом каждого заметного персонажа как местной, так и мировой истории.

Конечно, на вскрытии не всегда дежурят бледные лейтенанты, но сама процедура неизменна. Диктаторы, ученые, литераторы, etc., как правило, укладываются в гроб уже без мозгов.

Дело в том, что до сих пор жива уверенность: через особенности извилин, борозд и желудочков можно разгадать тот «гений и дерзновение», что отличали владельца данного органа от прочих homo.

Это относительно свеженькая тенденция. Ей не более двух столетий.

Разумеется, раньше все было по-другому. Наши деды высоко ценили головной мозг человека. В основании черепа проламывалась дыра, удобная для пролезания лапы, захвата и поедания всех полушарных субстратов. Но когда время питекантропов прошло и нравы огрубели, мозг стали вытряхивать без всякого гастрономического (или иного) применения. Так, в частности, поступали египтяне, любившие сушить и раскрашивать своих покойников. Библия, разумеется, понятия не имела о роли этого органа, а прочие античники полагали, что внутри черепа располагается то же самое вещество, как и в любой другой кости.

Впрочем, вряд ли имеет смысл перечислять все забавности, из которых состоит история постижения мозга. Каждая новая эпоха стремилась

глупостью затмить предыдущую.

Но! Несколько фриков, несмотря на насмешки, костры и проклятия, все же ухитрились понять роль головного мозга и связать свои понимания в систему. Своими трудами они создали во времени цепочку утверждений возрастающей точности. Это был долгий и кропотливый процесс, грубо разрушавший массовые представления. В результате свершился очередной парадоксальный «фазовый переход». Мнение единиц поломало убеждения сотен миллионов и стало общепринятым. Человечество согласилось с тем, что своими успехами оно обязано именно головному мозгу.

Поначалу все это забавляло и восхищало. Сложился культ мозга. Но вскоре культ отцепился от реальности и начал жить своей глянцевою жизнью. Кочуя по изданиям, он соседствует с ягодицами моделей и вместе с ними хорошеет. На сегодняшний день гламурный образ «полушарий со стрелочками» окончательно вытеснил научное понимание, основанное на фактах и важнейших теориях.

Почему это произошло?

Дело в том, что научное знание здесь опять поцапалось с догматами культуры. Разумеется, победил миф об уникальности человека, а знание похоронили в скучных монографиях.

Давайте его раскопаем и посмотрим: а в чем же оно заключается?

Прежде всего в том, что мозг человека — заурядный продукт эволюционного конвейера, совсем не подходящий для «венца творения».

Этот мозг экономкласса, крайне ограниченный в своих возможностях. Что, впрочем, не удивительно. Ведь он был изготовлен для обеспечения нехитрых нужд питекантропа. За последний миллион лет в этом мозге кое-что атрофировалось, а кое-что развилось. Но все по мелочам. «Класс», разумеется, не поменялся.

Обладатель такого мозга обречен на ущербное восприятие событий и явлений. Его органы чувств не воспринимают инфразвук, ультразвук, поляризованный свет, магнетизм и все виды электромагнитного излучения (кроме видимого света). Ему недоступны события всех уровней микромира, а также дифракция, электрорецепция и активная сонация, наделяющая часть животных «звуковидением» и т. д. Будем откровенны: этот мозг чем-то напоминает колено.

От человека скрыты как минимум три четверти важнейших явлений природы. Он схож со слепым и глухим дурачком в Диснейленде, над которым разрываются фейерверки и все вокруг сверкает, горланит, гремит и пляшет. А наш дурачок уверен, что бредет в тишине, по серому, пустому коридорчику клиники. По сравнению с истинной картиной мира наше

пространство бесцветно и примитивно.

К примеру: материя окружающей среды насыщена ярчайшими электромагнитными происшествиями. Они то раздирают, то сшивают реальность. Но в мозгу человека нет субстратов, которые могли бы это зарегистрировать и сделать частью сознания.

Да, появились приборы, позволяющие человеку увидеть часть того, что скрыто от его прямого восприятия. Но это всего лишь компенсаторы.

Поясним.

Каменное рубило возместило homo отсутствие нормальных когтей и зубов, а масс-спектрометры и микроскопы — недостатки мозга. Отметим, что это возмещение кратковременно и доступно лишь единицам. Оно, по сути, ничего не меняет, так как знакомит только с отдельными явлениями. Не существует прибора, который мог бы одновременно и симфонично компенсировать человеку все то, чего он лишен. (Отметим, что сам факт появления приборных компенсаторов является лучшим доказательством того, насколько скрытая от мозга информация была необходима человеку.)

Также следует помнить, что мозг homo — наследник всех этапов развития нервной системы позвоночных. Это нелегкое наследство. Оно постоянно подгружает примитивность в наше поведение, но отказаться от него нет возможности. А вот командование мозгом навсегда осталось за его самыми древними структурами. Напомним, что они сформировались в эпоху палеозоя, когда сила и полноценность агрессий решали почти все, а «иные» качества были совершенно лишними.

Закончился палеозой. Пришло веселое время питекантропов. Оно добавило к наследству еще и деменцию, миллионы лет бывшую нормативным состоянием древнего человека.

Во всем этом нет никакой трагедии. Следует лишь понимать, что иллюзии неуместны. Бедный homo — явно не тот любимец эволюции, на котором она сосредоточила все свои усилия. Конечно, заключенный в нашем черепе ресурс позволил рассчитать альфа-константу и температуру Планка. Это впечатляет.

Но есть подозрение, что оснований для гордости немного. Вспомним, с каким трудом эти высоты дались человечеству. Процесс их постижения «от сих до сих» занял 5 тысяч лет.

Но столько усилий потребовалось не потому, что явления так сложны. Скорее всего, они очевидны и примитивны. Натужность их открытия объясняется лишь низкими «техническими» характеристиками мозга открывателей.

Как видим, знание истории головного мозга закрывает вопрос о его

«таинственных» потенциалах. Тем не менее романтики продолжают поиск материального субстрата «гениальности». Научные институты годами толкут воду в ступе, выискивая в маринованных мозгах склонность к лидерству или ораторский дар.

Великие злодеи XX века исследовались с особой тщательностью. Исключение составил Сталин. Как только у «отца народов» была посмертно подтверждена дифаллия, интерес к его извилинам испарился, а все внимание сосредоточилось на редком уродстве.

К слову.

Самого Иосифа Виссарионовича двуглавость собственного пениса только радовала. Были тайно изготовлены маленькие короны, ленточки и гербы. По вечерам Сталин создавал пикантные композиции, приглашая ближний круг созерцать и умиляться. Кстати, диагноз «паранойя» был поставлен ему Бехтеревым, когда Коба, искрясь и краснея, показал свою «конструкцию» старому психиатру.

С другими маньяками дела обстояли не лучше.

Мозг Чикатило был безнадежно испорчен. Приводившие «вышку» в исполнение прапорщики перестарались и разнесли голову Андрея Романовича в клочья. Другой серийный убийца, Теодор Банди, тоже не смог предложить свои полушария науке. Они сварились в его черепе, когда шериф испытал на Банди предельную мощь тюремного электростула.

Мозг потрошителя Даммера запретил изымать его сентиментальный папа, а вот маньяк Уэйн мозговедов порадовал. Изъятие свершилось аккуратно и вовремя. Но никаких различий меж мозговым веществом Уэйна и известными стандартами не обнаружилось.

С Лениным было еще забавнее. Мозг Ильича был превращен в 30 тысяч препаратов. Над ними 50 лет потели 400 нейроморфологов, гистологов и молекулярных биологов. 13 профессоров так переутомились, что сами отправились на препараты. Двое застрелились, а шестеро свихнулись окончательно. Один из свихнувшихся был уличен коллегами в поедании микропрепаратов латерального коленчатого тела мозга Ленина. Над полушариями Ильича разразились сотни истерик, а общий литраж пролитых слез не поддается учету.

ЦК ВКПб, Наркомздрав СССР и лично товарищ Сталин с каждым годом все категоричнее требовали выявления хоть какой-нибудь уникальности. Этого же хотела и зрелая советская власть. Академика Саркисова, который руководил исследованиями, весь состав спецотдела ЦК уговаривал найти «хоть что-нибудь».

Но, как гласило итоговое заключение, «...основные особенности мозга

В. И. Ленина типичны для почти каждого третьего мозга». Эти данные, разумеется, были долго засекречены. А потом стали никому не интересны.

Но упрямый homo не хочет расставаться со своей мечтой. Так что церебральная комедия повторится и лейтенантам вновь придется заедать лимончиком рвотный рефлекс.

Ожидаемого результата не будет. Субстрат гениальности, разумеется, не обнаружится. Что, впрочем, никак не мешает владельцу очередной «великой» головы с комфортом разместиться в Мавзолее. Выселять Ильича не придется, так как Мавзолей — заведение двуспальное. А при желании там поместится и еще парочка маньяков, включая обладателя двуглавого пениса.

Миллион лет слабоумия

Религиозную веру можно сравнить с покровной шерстью. На первых этапах эволюции густая, сальная шерсть на человеке была вполне уместна. Она грела его, защищала и обеспечивала легким завтраком: в ее зарослях всегда можно было наловить калорийных паразитов. Но прошло несколько миллионов лет, и начался процесс разволосения. Сперва из грязного колтуна показалась голая физиономия. Затем наступила эпоха общего облысения человека. Эволюция неумолимо освобождала его от покровной шерсти, от ее съедобных обитателей и сладости постоянного чесания.

Конечно, это было очень жестоко. Но деваться было некуда. Приходилось лысеть, так как, чуть-чуть взойдя по иерархической лестнице, homo получил доступ к крупной падали. К тушам больших мертвых животных. А этот продукт требовал глубокого погружения. Содержащиеся в нем жидкие и полужидкие гниlostные субстраты пропитывали шерсть и окончательно превращали наших прадедов в ходячую помойку. Так что разволосение человека произошло по той же причине, что и обнажение шеи у грифов. Но гриф — птица деликатная. Она глубоко в падаль не лезла и посему сохранила большую часть оперения. А вот homo оголился почти полностью.

Возможно, все происходило не совсем так, как представляется мне. Но это и не важно. По той или иной причине человек избавился от уютной покровной шерсти. И это оказалось чрезвычайно полезно для его развития, размножения и выживания.

Примерно то же самое должно было произойти и с покровной шерстью его разума, с религиозной верой. Когда-то для примитивного дикарского мышления она была естественна и комфортна. Она согревала и дарила чесательную сладость молитвы. В ней заводились приятно зудящие убеждения. Но по мере изменения интеллектуальной среды эта «шерсть» тоже должна была исчезнуть.

Тем не менее этого не произошло. До сих пор ее носят 90 % людей. Эту «шерсть» подкрашивают, завивают и стригут в соответствии с религиозной модой и местной культурой. Конечно, на ней могут быть большие или малые проплешины, но все же, вопреки всем законам развития, в целом она сохраняется.

У нее сотни названий: каббала, православие, синтоизм, буддизм, ислам, метафизика, etc. Но, несмотря на множество имен и окрасов, это

единое явление, имеющее одну природу и одно назначение. Атрибутика культов различна, но смысл у них общий: наличие внешнего управления миром.

Эту «шерсть» клочьями выдирала наука и выщипывала публицистика. Но она росла как ни в чем не бывало. Наконец квантовая механика препарировала саму реальность. В ее глубине обнаружился набор физических явлений, генерирующих всю видимую и невидимую материю. Разумеется, никаким «внешним управлением» там и не пахло. Но «шерсть» легко пережила и это.

Культивируя злобу и запреты, она всегда откровенно мешала развитию человека. На ее возгонку были впустую потрачены драгоценные столетия. Именно ею запускались «социальные» лифты, возносящие во власть самых примитивных представителей вида. Очевидна и ее бесполезность: любые долбежки лбом в пол перед символом любого божества как минимум безрезультатны.

Согласно всем законам развития, о вере должны были бы остаться только забавные воспоминания. Но эта «шерсть» слезать не собирается, а по-прежнему определяет мировоззрение абсолютного большинства людей.

Массовость религиозной веры не доказывает ее обоснованности или нужности. Можно взять 200 000 000 уток и выучить их одновременно кричать при виде надувного шарика. Утиное единодушие, конечно, произведет шоковое впечатление. Но оно будет не доказательством необычайных свойств шарика, а, скорее, характеристикой уток.

Иными словами, тайну веры следует искать там, где она и находится: в коренных особенностях homo. То есть там, где наши познания и так ущербны, а благодаря усилиям антропологии и психологии с каждым годом становятся все хуже.

Дело в том, что для понимания явления необходимо знать его происхождение.

Фундаментальные качества человека сформировались в ту эпоху, когда понятие «спасти свою шкуру» употреблялось в прямом, а не в переносном смысле. Так называемый «доисторический» период был самым продолжительным и важным для нашего вида. Тогда и решилось, каким быть человеку. Весь механизм нашей высшей нервной деятельности — плод именно того периода, когда homo был стайным животным, промышлявшим поиском падали и каннибализмом. За несколько миллионов лет заложились и закрепились все видовые повадки, особенности поведения и биологические привычки. Абсолютно все основные качества человека родом из той эпохи. В том числе и то свойство,

что побуждает целовать доски с картинками или отрезать головы гяурам.

О влиятельности этого периода говорят и цифры: так называемый «доисторический» период — это как минимум 200 тысяч поколений, а так называемый «исторический» — всего 200. Заметим, что биология учит нас тому, что каждый организм есть колеблющаяся сумма свойств всех его предшественников.

Все то, что предъявляет нам фиксированная история (200 поколений от Шумера), — это пустяк. К тому моменту, как возникла письменность, homo окончательно сложился и лишь реализовывал свои особенности.

Следует понимать, что пудренный парик или каску со звездой надевал не кто-то, а правнук питекантропа, наследник всех свойств этого милого существа. Он же размышлял о гравитации, строил пирамиды и лязгал дверьми газовых камер.

Образ сжигателя ведьм, военного убийцы, вечного насильника, изощренного палача плохо вяжется с гуманистической концепцией эволюции человека. Но стоит только вспомнить, что изнасилования, убийства и все дериваты этих забав были основным делом человека в течение многих миллионов лет, — и сразу все становится на свои места.

Впрочем, у нас нет амбиций характеризовать весь путь этого сообразительного животного. Наша задача гораздо проще: понять, какие именно свойства человека до сих пор сохраняют на его разуме покровную шерсть.

Как возникла и из чего была сделана религиозная вера, более-менее понятно. Напомню, вопрос не в этом, а в тех глубинных качествах homo, которые обеспечили вере поразительную живучесть. Следовательно, нам надлежит спуститься по хронологической шкале на пару-тройку миллионов лет и взглянуть в хитрые глазки наших прадедов.

А тут начинаются проблемы. Нам не к кому обратиться за помощью и фактами. Как выясняется, эволюцией человека занимается не фундаментальная наука, а некая описательная дисциплина, настоящая на фантазиях и опасно граничащая с изыщной словесностью.

С момента учреждения Нобелевской премии прошло 115 лет. Медаль с профилем симпатичного динамитчика стала главным критерием так называемой «научности». Разумеется, с этим не всегда соглашались те, кому она не досталась и не достанется. Но сегодня не существует более авторитетного регистратора достоверности и важности знаний, чем премия Альфреда Нобеля.

Конечно, Нобелевский комитет не всегда был безупречен в своих оценках «персонального вклада» ученых. Случалось, что он обижал

великих и прославлял незначительных. Впрочем, это касалось только персоналий. Непосредственно сами дисциплины, расширявшие знания о вселенной и ее содержимом, регулярно осыпались нобелевским золотом. Физиология пищеварения, реликтовое излучение, генетика и квантовая механика всегда получали то, что им причиталось по праву.

Разумеется, труды комитета имели и обратный эффект. Очертился «нобелевский» круг, за пределами которого осталось все, что не имеет отношения к подлинной науке. Очерчивание было произведено «больно, но аккуратно». Не было никакого разжигания междисциплинарной розни в духе Резерфорда, утверждавшего, что «наука делится на физику и на собирание марок». Разделение на «настоящие науки», «не очень науки» и «вовсе не науки» свершилось как бы само собой. Без деклараций. Через непреклонное и последовательное пресечение попыток «малого знания» пробраться в главный круг.

Хорошей иллюстрацией служит пример так называемого «психоанализа». Одиннадцать раз он выдвигался своими поклонниками на премию и столько же раз был отклонен. Астрологи, историки, антропологи, лингвисты etc. тоже не раз лицезрели ледяную улыбочку Нобелевского комитета, возвращавшего их работы «как не имеющие отношения к фундаментальной науке».

Итак, приговор давно прозвучал.

В 2009 году была предпринята попытка его обжаловать и допустить «не совсем науки» к рассмотрению комиссиями Королевской академии. Но инициаторов этой идеи вежливо выпороли, а тему закрыли. Особо отметим, что по умолчанию принято щадить чувства представителей «малого знания» и как можно реже называть вещи своими именами. Более того, никому в голову не придет вслух насмехаться над их глянцевыми фолиантами, над их коллекциями косточек-камешков и фантазийными трактовками данных артефактов. Считается, что сам факт неприятия «малого знания» в нобелевские дисциплины все объясняет и не требует комментариев. А несогласным предоставляется свобода истекать ядом в любых количествах.

Согласно «нобелевскому счету» в разряде «не наук» находятся: астрология, уфология, психология, лингвистика, история, антропология, археология, хиромантия, демонология, филология, теология, социология и еще несколько «логий» помладше и поскандальнее. Эти разные премудрости связаны общей бедой. Все они абсолютно бесплодны. Точное историческое знание так же невозможно, как и вызов демона.

А у неточного знания есть одна маленькая проблема: оно попросту не

является знанием и пригодно только для забавы. Впрочем, не будем лишний раз беречь раны «не наук».

Все это отнюдь не означает, что археология навсегда поставлена в один ряд с уфологией, а антропология — с хиромантией. Разумеется, это не так. И у археологии, и у антропологии остается шанс стать реальными науками. Возможно, эти дисциплины когда-нибудь преодолеют свою «второсортность», обзаведутся собственными Эйнштейнами и придут за золотом Нобеля. Конечно, этот шанс призрачен. Но он есть. В отличие от демонологии антропология, например, все же имеет дело с реальностью. Но научится ли она обращаться с ней столь виртуозно, чтобы предложить миру выводы, равные константам физики, — большой вопрос.

II

Разумеется, тщетность антропологических изысканий могла бы оставаться личным делом этой дисциплины. Строго говоря, все ее провалы никому не могут причинить ущерба, так как не оказывают никакого влияния на процессы познания мира. Конечно, густота лобкового волоса монголоидов — это очень важный вопрос, но, стиснув зубы, можно обойтись и без его решения.

Если бы дело ограничивалось этой и подобными задачами, то никто не тревожил бы антропологию в ее дальнем чуланчике.

Но!

На свою беду именно она оказалась изучательницей такой воспаленной темы, как эволюция человека. В середине XIX века Дарвин, Гексли и Геккель указали на крайне «низкое биологическое происхождение» homo. Более того, они завещали потомкам разгадать природу и смысл трансмутаций этого животного. «Потомком» вызвалась быть антропология. Ей очень хотелось стать востребованной и важной наукой. Но за 150 лет она, разумеется, не смогла разобраться в причинах превращения животного homo хотя бы в искусствоведа.

Впрочем, надо отдать должное антропологам. С технической частью работы они справились: выкопали, помыли и красиво разложили наборы камешков и косточек. С помощью таких инсталляций удалось вчерне обозначить те изменения, которые произошли с телом животного homo за несколько миллионов лет.

Но, как выяснилось, к загадке человека и происхождению его свойств все это не имеет ни малейшего отношения. Косточки, разумеется, не объясняют причин эволюционной карьеры homo, не расшифровывают причин ее странной этапности и не дают представления о мотивации, которая вынуждала это животное меняться.

Иными словами, мы видим полное фиаско. Все вопросы так и остались без ответов. И нет надежд, что ответы появятся.

Как же столь важная материя оказалась в ведении столь маломощной дисциплины?

Ответ прост. Реальной науке в вопросе эволюции человека пока делать нечего. Но не по причине того, что предмет изучения не интересен. А лишь потому, что не с чем работать. Отсутствуют проверяемые факты, которые можно было бы сложить в самоподдерживающуюся систему. В ту самую,

что порождает крупнокалиберные догадки, а затем и открытия.

Пример такого сложения мы видим в физике, химии, физиологии, биологии. В антропологии этого не случилось. По многим причинам.

В это сложно поверить, но среди авторов антропогенеза нет и не было никого равновесного Планку, Борну, Фейнману, Галилею или Павлову. За все время своего существования эта дисциплина не породила ни одного великого или хотя бы громкого научного имени. Интеллектуальная элита человечества никогда не занималась темой развития человека.

Этот важнейший вопрос был отдан на откуп набору «мутных дедушек», никому не известных за пределами круга интересантов. Вот уже 150 лет эти середнячки списывают друг у друга домыслы о животном, которое каким-то волшебным образом допрогрессировалось до ипотеки и презервативов.

Это отсутствие «имен» удивительно. Ведь разгадка эволюции homo сулила и сулит грандиозные лавры. По идее, на этом вопросе должна была сфокусироваться вся интеллектуальная мощь Европы. Но... даже самые хищные и честолюбивые интеллектуалы в него никогда и не заглядывали. Только по одной причине. Там «и не пахло наживой». Нет фактов — нет и науки, а следовательно, нет настоящей славы или большого золота.

Впрочем, там, где нет науки, как правило, укореняются и расцветают весьма забавные домыслы. Что, собственно, и произошло.

Вспомним «теорию первобытного общества», которая в том или ином виде господствует в палеоантропологии. Она мимикрирует, меняет имена, мастерит «обвесы» из передовой фразеологии, но ее суть остается неизменной. Что же это за теория? Изложим ее кратко и без церемоний.

Это красивая повесть о целеустремленном питекантропе, который мечтал стать человеком. Ради этого он самосовершенствовался и таинственным образом передавал свой опыт следующим поколениям. При отсутствии письменности это было трудновато, но питекантроп справился. Через пару миллионов лет ему наконец удалось вырастить свой мозг до нужных размеров. Мозг стал вполне пригоден для изобретения трусов и нагана. Но наш питекантроп продолжал скромничать и довольствовался ролью стайного животного, шнырявшего в поисках падали. Ничтожество своего положения он компенсировал философствованиями у костра, а также отчаянным промискуитетом и каннибализмом. Вероятно, ему это казалось очень романтичным. Периодически наш герой обколачивал камни и прятал свои поделки в разных местах. Так он провел еще миллион лет, но вдруг вспомнил о своей старой, почти позабытой мечте. И тут же изменился: прикрыл гениталии и перестал есть родственников. Именно эту

загадочную метаморфозу и называли «неолитической революцией». А она уже вывела человека на финишную прямую к фараонам, моцартам и электрическим стульям. Мечта наконец сбылась.

Разумеется, столь откровенная белиберда должна иметь и очень забавные корни.

Поищем. И легко обнаружим эти корни в «пещерных» развлекательных романах начала XX века Ж. Рони «Борьба за огонь», «Пещерный лев» и «Вамирэх»; в повестях Д'Эрвильи и Клода Сенака. Там в пещерах рыдают красотки, а герои машут дубинами и всячески поощряют инструментально-социальный прогресс.

Очевидно, что именно дубина Вамирэха указала антропологии вектор развития. Та послушалась и покорно пошла в указанном направлении. Напомним, что с интеллектуалами в этой дисциплине всегда было плохо. Критически осмыслить навязанную культурой фальшь и восстать против нее было некому. В результате этого печального стечения обстоятельств труды столпов антропологии — Вейнертов-Алексеевых-Зубовых-Гюнтеров-Нестурхов, etc., по сути, являются озанудленным пересказом беллетристики Д'Эрвильи и Рони-старшего. И ничем больше.

Как мог случиться такой конфуз? Очень просто. Трагикомедия «малого знания» началась в конце XIX века, когда ученые господа-антропологи Циммерман, Вайц, Клаач, Ранке, etc. разродились первыми исследованиями филогенеза homo. Им удалось собрать практически все глупости и небылицы о «допотопных обитателях планеты» и изложить их с академическим пафосом.

Публикации этих трудов вдохновили беллетристов на создание уже литературных образов пещерных людей. Естественно, «первобытные» романы писались по лекалам любовно-героических драм. Не трудно заметить, что все «вамирэхи» и «гаммлы» — это стандартные типажи бульварного жанра начала XX века. Они мыслят, действуют и страдают по его законам. Конечно, они одеты в шкуры, озарены кострами и могут погрызть кость. Но на переносицах этих питекантропов заметны следы пенсне.

«Пещерная» тема оказалась победоносной и быстро захватила книжный рынок и массмедиа. Романтический дикарь Вамирэх зарычал со всех газетных полос и обложек. Разумеется, тут же подсустились живописцы и скульпторы. В нагнетании фальши художникам удалось перещеголять даже литераторов. Вернисажи заполнились «храбрецами каменного века». Кисти и резцы Кунерта, Февра, Кремье и иже с ними быстро сформировали нужную эстетику, а та легко породила стереотип

«героя-охотника» и древнего прогрессиста. Стереотип стал массовым и легко закрепился: отважный мечтатель с дубиной вполне отвечал самым строгим требованиям к «прадедушке». Такого предка иметь было не стыдно, он не разрушал нарциссический миф культуры, а даже добавлял в него пикантности.

Юная и еще очень тщедушная антропология не смогла устоять против многоопытного монстра культуры и «легла под него». Иными словами, культура здесь опять нокаутировала науку, навязав ей абсолютно ложный образ древнего человека.

Под влияние культурного стереотипа, разумеется, подпало следующее поколение антропологов. (Напомню, что Резерфорд и Гейзенберги среди них не были.) Оно принялось обслуживать стереотип — и «собака закусилась свой хвост». Началось вечное вращение антропогенеза вокруг вымысла бульварных романистов. Круг замкнулся. Как следствие, возникла «теория первобытного общества», сделанная не из фактов, а из мнений и выдумок. Именно по этой причине «малое знание» и не способно ответить ни на один вопрос, включая тот, что рассматривается нами.

Разумеется, винить тут некого, мы видим несчастный случай. Но вся эта глупейшая история сохраняет свое влияние по настоящее время. Бедного Вамирэха продолжают доить в надежде на то, что из него наконец закапает научная истина.

Конечно, никто не посягает на священное право оставаться дураком. Но пусть антропологи сами таращатся в свой подойник. Как знать, может быть, произойдет чудо: он наполнится константами, а Нобелевский комитет признает антропологию наукой.

Впрочем, в том, что она ею пока не является, тоже есть свои преимущества. Мы получаем право «гулять по буфету, ни в чем себе не отказывая». Где нет констант, не может быть и ошибок.

III

Чтобы решить наш вопрос, разумеется, надо в первую очередь вымести из темы весь смысловой мусор, накопленный антропологией за 150 лет. Включая и «вамирэхов», и специфическую терминологию. Она хороша лишь для создания «дымовой завесы», скрывающей бесплодность этой дисциплины.

Вероятно, подлинная история раннего homo была совсем другой и слагалась по совершенно иным принципам, нежели полагает антропология. Однако ее подробностей мы никогда не узнаем. Конечно, есть раскопочные «полуфакты» и намеки, но количество их ничтожно, а пустоты меж ними огромны. Надо иметь мужество оставлять пустоты пустотами, а не заполнять их фантазиями и спекуляциями.

Впрочем, не все так безнадежно. Кое-что у нас есть. Мы можем объективно и точно определить «умственное состояние» древнего человека. Сделав это, мы легко вычислим и некоторые его фундаментальные свойства. (Возможно, среди них завалялось то самое, что позволяет религиозной вере сохраняться до настоящего времени.) Узнать, каким было существо, умершее миллион лет назад, мы можем по принципу исключения. Через простой подсчет того, чего оно было лишено.

Полное перечисление того, что было неведомо питекантропу, — бессмысленное дело. Это практически все, из чего «сделан» человек. И это касается отнюдь не квантов и не трудов Павлова. Нет, речь идет о простейших знаниях и понятиях, обязательных для каждого человека.

Итак, берем собирательный образ человека и начинаем вычитать из него позицию за позицией. Отчислив все, чего просто не мог знать ранний homo, мы получим существо, не дотягивающее даже до нормального слабоумия. С соответствующими повадками и поведением. Это и есть наш прадед. Мы увидим, что его «умственный капитал» значительно меньше, чем у вечных узников режимных психиатрических клиник. Тем не менее, судя по огромной продолжительности «доисторической эпохи», питекантропу в его дементности было вполне уютно. А вот первые опыты мышления должны были причинять ему почти боль, разрушая комфорт привычного безмыслия.

Питекантроп не виноват. Он и не мог быть другим. Но за миллионы лет слабоумие впиталось в вид и стало одним из режимов работы ЦНС. Его функция — защита от дискомфорта, причиняемого развитием. Со временем

оно похорошело и стало очень влиятельной силой, обеспечившей человека множеством незатейливых радостей. Вероятно, в том числе и религиозной верой. Каждую победу слабоумия над развитием золотила культура, услужливо превращая очередную глупость в объект «всемирного наследия» и «веху цивилизации».

Простой пример — пирамиды Египта. По сути, это первый зримый символ торжества слабоумия. Их возведение означало, что дальнейшую судьбу человечества во многом будет определять его дементное прошлое.

Поясним.

После загадочной «неолитической революции» homo сбился в крупные стаи. Произошла неизбежная социализация. Ее следствием стали письменность и накопление практического опыта обращения с камнями, глиной, деревом, металлом, etc. Египетская эпоха рафинировала и усугубила этот первичный набор знаний. Она же, впервые в истории вида, объединила эти технологии с усилиями сотен тысяч человек и в результате воздвигла пирамиды.

Но зачем она это сделала? Для чего понадобились огромные сооружения, обошедшиеся в тысячи грыж и смертей? Как выяснилось, исключительно для того, чтобы положить в них парочку сушеных покойников.

Возможно, это совпадение, но такой подход весьма характерен для клинической картины деменции. Слабоумный пациент, овладев каким-нибудь новым навыком или предметом, как правило, придумывает для него самое идиотское применение.

Анналы психиатрии хранят память об узнике Сальпетриера, беззлобном и тихом Алене Морсоне. Он был на хорошем счету и иногда помогал ставить клистир буйным больным. Эти процедуры так впечатляли тихоню, что однажды он не выдержал и похитил прибор. Морсон удалился с ним на крышу больницы, где использовал клистир как телескоп для наблюдений за звездами. По мнению почти всех пациентов, ему удалось открыть множество новых планет и созвездий. Все они были загадочны и прекрасны. Правда, одна из планет Морсона почему-то была покрыта густой шерстью.

Одинокaя Россия желает познакомиться

Судя по всему, «русский бог» не справился со своими основными обязанностями. Несмотря на то что в сжатые сроки был развернут его масштабный культ, Иегова-Иисус оказался неспособным обеспечить даже такую мелочь, как импортозамещение. Не говоря уже о цене на нефть и мало-мальской прицельности бомбометания.

Может быть, стоит сменить бога?

Следует помнить, что на небесном рынке труда околачиваются сотни временно безработных, но еще вполне респектабельных богов и богинь. Они предлагают свои услуги как частным лицам, так и целым народам, гарантируя решение продовольственно-товарных дефицитов и вечность выбравшего их режима.

К примеру, сейчас совершенно свободна древнеегипетская специалистка по плодородию богиня Мут. «Русскому миру» должен быть чрезвычайно близок ее имидж. Это ненасытно кровожадная мать, рожаящая взрослых солдат и с улыбкой пожирающая их трупы. Это противница абортoв, косметики, астрономии и туризма. У нее прекрасные рекомендации с последнего места работы: коллеги по пантеону, а также многие папирусы пирамид характеризуют Мут как упертую и мстительную извращенку. Что особенно ценно, красавица-богиня имеет вагину невероятных размеров, что позволит накрыть ею остатки науки и промышленности РФ. И тогда уже ничто не помешает установлению в стране тотальной духовности.

Отметим, что материальная сторона культа этой богини существенно экономичнее православия. Нет необходимости в километрах парчи и тоннах бижутерии. Тем не менее сам обряд единения с Мут гораздо зрелищнее, чем крестные ходы и литургии.

Один раз в году верховное жречество и первые лица государства должны собраться на берегу «полноводной реки» и публично совершить над ее водами акт мастурбации. Древнеегипетское начальство изливало семя свое в Нил. Но сойдет и любая другая акватория, вроде Волжской, Невской или Москвы-реки. Никакой ломки иерархии не потребуется. Церковное руководство надо будет лишь побрить наголо и немножко раздеть. Согласно заверениям Книги мертвых, исполнение этого таинства гарантирует плодородие земель и рост национальной валюты.

Вопрос приживаемости этой древнеегипетской скрепы может быть

решен в кратчайшие сроки. Если Россия всерьез относится к одной религиозной белиберде, то почему бы ей с таким же почтением не отнестись и к другой?

Сегодня мы имеем возможность наблюдать за вызреванием нарыва национального величия. И уже понятно, что русские полны решимости вырастить его до чрезвычайных размеров и во имя этого рекорда готовы на все. На отказ от свобод, прав, продуктов, медицины, курортов, развития, благополучия и технологий. На обнищание и изоляцию. На полный разрыв с цивилизацией. Им очень хочется, затворившись от мира, сосать свою самобытность и лелеять драгоценный нарыв.

Несомненно, это очень возвышенный выбор. Конечно, он не слишком оригинален. Нации уже неоднократно выращивали нечто подобное.

К сожалению, было экспериментально доказано, что такие нарывы содержат лишь боль, нищету, разруху, очереди и похоронки. Причем в столь неограниченных количествах, что хватает на всех. И на тех, кто жаждет страданий, и на тех, кого похоронки в восторг не приводят. Более в этих нарывах ничего нет. Да и гной не отличается особой питательностью.

Наивная Россия полагает, что в ее фурункуле будет что-то другое. Что сочность нарыва стоит благополучия пары-тройки поколений. Что трясение кокошниками, брюхами, крестами, бородами и ржавыми ракетами будет иметь результатом самоподдерживающееся процветание и вечное общенародное счастье.

Но, как выяснилось, национальное величие — редкостно бессмысленная штука, не имеющая никакого практического применения и смысла. Оно не способно ни одеть, ни прокормить, ни вылечить. Оно годится только для того, чтобы выдавить слезы восторга из физиономий изборских черносотенцев, празднующих победу над инакомыслием и презервативами.

А более ни для чего. Стремление к нему — пустая трата времени, отнятого от действительного развития. Пройдет пара лет, нарыв лопнет. Разоренная — и резко поумневшая — страна опять начнет подмигивать соседям по миру, кланяться и знакомиться с ними заново.

Возможно, соседи опять поверят и отложат заготовленные для России осинового колья. Что, впрочем, маловероятно. Высосанная своим нарывом, РФ будет так слаба и беспомощна, что соседям трудно будет удержаться от соблазна раздербанить ее окончательно. В этом случае «русский бог» уже точно не спасет. Вся надежда только на красавицу Мут и эффективность старого египетского обряда над речкой.

Не стареют душой сельдерей

Все погибшие «за родину» отдавали свою жизнь за глупости, ошибки или капризы режима

К ветеранам ВОВ, а также к любым иным реалиям СССР или РФ данный текст не имеет никакого отношения. Все совпадения случайны.

В 1870-х годах дагеротипы (первые фотографии) перестали быть диковинкой и начали распространяться в Европе. Именно это обстоятельство позволило хозяйкам публичных домов Гамбурга многократно повысить доходность своих заведений. Причем без каких-либо затрат на обновление или улучшение штата.

Каким образом?

Очень просто. Подвыпившим матросам демонстрировалась фотографическая карточка девицы неописуемой соблазнительности. Бандерша клялась в том, что именно это существо и достанется щедрому клиенту.

Матросики раскалялись, выворачивали карманы и занимали очередь. А хозяйка, воспользовавшись сложной системой дверей борделя, куда-то исчезала.

Через некоторое время звучал колокольчик, дверь отворялась, и матрос получал возможность взгромоздиться на «гения чистой красоты». Разумеется, все происходило в полной темноте. Как правило, роль «совершенства с дагеротипа» играла сама бандерша, успевшая забежать, стащить затхлые панталоны и расположиться в удобной позе. Тьма и краткость контакта спасали ее от разоблачения, а матрос до конца своих дней сохранял уверенность, что прожил жизнь не зря.

Как вы, вероятно, уже догадались, сценка в лупанарии иллюстрирует схему отношений человека с режимом и «родиной». Иллюстрация корректна. Ведь и у «родины» большая часть скрыта во тьме истории, что дает власти возможность подсунуть клиенту все что угодно.

Режим может быть сколь угодно глуп, злобен и губителен. Он может плескаться в «крови и гное народа», насиловать, унижать и убивать миллионы своих подданных. Но если он умеет показывать единственный фокус, то убиваемое и насилуемое население всегда будет ему благодарно.

От режима требуется всего лишь суметь прикинуться «родиной».

Сделать это не просто, а очень просто. Дело в том, что понятие «родина» является настолько абстрактным и иллюзорным, что легко трансформируется в любую политическую материю. Образуется забавный конструкт, в котором иллюзия и реальность слиты без всяких видимых швов и переходов. Где кончается одно и начинается другое, различить почти невозможно.

Конечно, на 99,9 % данный конструкт состоит из чистого режима. Однако не следует преуменьшать и роль иллюзии. У нее важная наркотическая функция, которая позволяет власти резать по живому и мертвому, творя «от имени отечества» любые дикости.

Практически каждый режим с легкостью проделывает эту подмену. Конечно, это жульничество чистой воды, но народ жаждет быть одураченным. Он хочет родину. Отказать ему в этом — еще большая жестокость, чем гноить в лагерях и расстреливать.

Строго говоря, прекрасное понятие «родина» является чистым надувательством. Никакой «родины» ни у кого никогда не существовало. Была лишь последовательность режимов, которые распоряжались населением к своему собственному благу. Чтобы «жить долго и счастливо», режимы ткали нужную им мифологию и пропитывали ее ядом патриотической романтики. Этой паутиной и обволакивалось поколение за поколением.

Разумеется, иногда такие паутины бывают сотканы виртуозно, хотя чаще встречаются образчики попроще. Лучшим сырьем для их изготовления являются байки о подвигах предков. Как известно, такие сказки можно генерировать в неограниченных количествах. В пределах собственного языка и своей культуры любая нация никак не ограничена в этих фантазиях. Иллюзия «родины», сделанная из таких ингредиентов, обеспечивает прекрасное послушание и должную энергичность одураченных.

Конечно, от режима требуются некоторые усилия для того, чтобы патриотическая паутина была крепкой, клейкой и ядовитой. Но этот труд окупается. Ведь все погибшие «за родину» на самом деле всегда отдавали свою жизнь за режим. За его глупости, ошибки или капризы. (Разумеется, они думали иначе.)

Отметим, что «родины» не ведут войн и не устраивают репрессий. Они бесплотны и существуют только в воображении. Войны и репрессии — это всегда забава режимов.

Во всем этом нет ничего страшного. Это обыденный, всех устраивающий порядок вещей. Погибшие, как правило, довольны, а

изувеченные как минимум удовлетворены. Мало того что трюк подмены срабатывает безотказно, сама по себе война — это редкая и приятная возможность для населения соприкоснуться с величием исторических процессов, подвигом, святостью, жертвенностью и другой белибердой.

Долгое время режимы концентрировали память о своем военном величии в парадных портретах и монументах властителей. Выжившую в сражениях мелкоту бросали гнить в нищете и забвении. Затем пришло осознание, что культ обвешенных побрякушками стареньких солдатиков, отдавших за режим глаза или ноги, может работать на него продуктивнее, чем любые портреты и триумфальные арки.

Сыграло свою роль и гениальное изобретение в виде военных наград. Как известно, эта древняя хитрость позволяет любой власти совершить очень выгодный обмен. Человек отдает режиму слух, зрение, годы или конечности, а взамен получает блестящую блямбочку. Как правило, жертва такого мошенничества очень радуется тому, что ее надурили, и гордится символом своей глупости.

В лупанариях Рима дряхлых любителей побренчать медалями называли «апиями», то есть сельдерейми (от лат. *apium*). Возможно, это прозвище возникло из-за традиции украшать веточками апиума гробницы, но скорее по причине сходства ветеранских физиономий с корнем сельдерея.

Со временем сельдерейская составляющая стала важной деталью иллюзии «родины». Началось восторженное почитание апиев, вне зависимости от того, за что именно они уродовались и получали свои блямбочки.

Но!

Мы знаем, что бывают режимы, даже умирать за которые — преступление. Те, что превращают страны в тюрьмы и всё пропитывают рабством, доносами и смертью. Те, что убивают и гноят миллионы своих же граждан, а недобитых и недопосаженных — унижают и насилуют.

Но если возникает внешняя угроза, то и тут идет в ход старый трюк по имени «родина». И он опять срабатывает. Миллионы строятся и с песнями идут умирать за возможность и дальше жить в смерти.

А защитив режим и вернувшись, победители покорно залезают обратно в свои кандалы и клетки. И потом еще долго вспоминают, как спасли «отечество», хотя на самом деле они отстояли лишь право нищенствовать, строчить друг на друга доносы идохнуть в расстрельных рвах.

Этот экзотический выбор мог бы показаться загадкой, если бы мы не

знали о всемогуществе одного старого трюка. Остается один вопрос: сколько долго, а главное, зачем надо сохранять память об этом выборе?

Голый патриарх, или Закон Микки-Мауса

Недавний конфуз, происшедший с обладателем «Серебряной калоши», доказал старую истину: патриарх может быть каким угодно, но только не голым. Он может быть мрачным распутником, как Феофил, или, напротив, веселым кастратом, как Стефан I, ставший «святейшим» в 18 лет. Он может быть бородавчатым, как тайный еретик Кирилл Лукарий, или прославиться невероятной силой и громкостью испускания газов, как Иоанн Грамматик — «свечи гасящий и хоры заглушающий».

Константинопольский, Иерусалимский, Антиохийский и другие патриаршие престолы хранят отпечатки самых благочестивых ягодич мира. Нередко их владельцы были глухими, хромыми, лысыми и косыми. Порой они бывали припадочными, а иногда страдали диареей, подагрой или недержанием. Но, как выяснилось за две тысячи лет, любая специфика внешности, поведения или здоровья не имела и не имеет никакого значения для исполнения обязанностей «святейшего».

Впрочем, одно строжайшее табу всегда существовало: никогда и ни при каких условиях патриарх не мог быть голым. Тем более он не мог в таком виде дефилировать в поисках мелких курортных удовольствий. И дело совсем не в старческом «телес обвисании», и не в потешности семейных «труселей», а в том, что патриарх, как и любой другой актер исторического театра, ровно на 100 % «сделан» из своего костюма, грима и роли. «Ибо парча — это кожа его, а параман — тело его». Разоблачать патриарха не следует, ибо даже в русском языке слово «разоблачать» имеет отчетливый двойной смысл, в том числе и крайне неприятный для разоблачаемого. Лишенный наряда и аксессуаров, переодетый в простое «тело», любой патриарх лишается своей ролевой магии, «десакрализуется» и превращается в заурядного старикашку, место которого в очереди за пивом.

Но дело совсем не в многострадальном Кирюше, который умудрился вляпаться в очередной скандал. В данном случае он служит лишь наглядным пособием, с помощью которого мы можем проиллюстрировать мысль о хрупкости всякого «высокого» образа и через это подобраться к надуманности таких понятий, как «личность», «харизма» и «пассионарность».

Как видим, нагота бывает почти смертельна. В той или иной степени это касается любого персонажа как церковной, так и светской истории.

Понятие «нагота», конечно, не следует трактовать только в прямом смысле этого слова. Позолоченная кожа любого сакрального «фрукта» — это не только клобук, панагия, латы, мундир или перья. Это и навороты героических фантазий, и «натянутые» на персонажа нужные факты, которые легко штампуются летописцами и корректируются историками. Счистив эту кожуру, мы почти гарантированно получим что-нибудь весьма жалкое. Следует помнить, что любая «историческая фигура» соотносится с реальным человеком, из которого она «сделана», примерно так же, как Микки-Маус с обыкновенной мышью.

Поясним.

Есть многомиллиардный бренд: блистательный Микки, герой всемирного культа. Эта мышь занимает пьедесталы в Диснейлендах и служит там объектом своеобразного поклонения. Миллионы людей украшаются изображениями Микки или его символикой (ушками), участвуют в посвященных ему шествиях, фейерверках, праздниках и вообще всеми способами «умиляются имени его». А есть реальный прототип милого Микки — *Mus musculus*: грызун со специфическим запахом мочи и способностью перепакостить все, с чем он соприкасается.

Поучаствовав в диснеевском культе мыши и сняв «ушки», поклонники смышленного Микки привычно травят своих домашних «маусов» фосфидом цинка или ломают им хребты в мышеловках. Их можно понять. Прототипы героев, как правило, заслуживают именно фосфида. И это касается не только мышек.

Если мы вскроем позолоченные туши истории или культуры, то непременно обнаружим, что они кишат прототипами и их дериватами (производными). Как правило, их связь между собой полностью обусловлена «законом Микки-Мауса». Закон действует как в одну, так и в другую сторону: реальные персонажи обвешиваются красивыми мифологемами, а к мифическим героям «приделяются» свойства реальных людей.

Даже волшебный деревянный мальчик Пиноккио — и тот, как выясняется, был «срисован» с пожилого инвалида-алкоголика Пиноккио Санчеса, который на ярмарках Тосканы промышлял демонстрацией своих протезов. Деревянными у Санчеса были ноги, левая рука и часть носа. Его спектакли не отличались режиссерскими изысками: суставчатым протезом ноги Санчес бил под зад ассистента. Тот с воплями падал, а вечно пьяный Пиноккио вскидывал «под козырек» деревянную руку и кокетливо раскланивался.

Кстати. «Закон Микки-Мауса» ставит точку в дискуссии об

историчности И. Христа. Применяв его к столь щекотливой теме, мы не оставим в ней никакой интриги. Вполне возможно, что какой-то экзальтированный раввин с тяжелой судьбою и с именно таким «Ф.И.О.» действительно жил и умер в Иудее I века, а конструкторы христианства просто использовали его как «вешалку», на которую нацепили паранормальные способности и прочий «суповой набор» античного божества (т. е. непорочное зачатие, чудеса, воскресение и т. д.).

Также вспомним Маугли. В киплингской легенде это осиянный блеском древнеиндийского золота разговорчивый красавец, а также друг кобр, слонов и крестьянок. Но! Мы знаем, с кого Киплинг списал своего Маугли. И можем оценить контраст меж знаменитым образом и действительностью.

В миссионерских приютах Султанопура и Агры писатель имел возможность потрогать концом своей трости подлинных «диких» детей. Отличительной чертой «лесных» детишек были кровоточивые мозолистые наросты на локтях и коленях размером с «кекс на две персоны», так как передвигались они только на четвереньках. Настоящие «маугли» отличались полным отсутствием речи и каких-либо проблесков интеллекта. Обследовавший их доктор Д. Уишау свидетельствует, что «дикие индусские мальчики были действительными идиотами, какова бы ни была причина их идиотизма». Они пачкали все своими фекалиями, до крови кусали обслугу за ноги и постоянно мастурбировали. Впрочем, в условиях приюта они, как правило, умирали быстрее, чем у добрых индусов созревало окончательное решение об их давлении.

Иногда наличие прототипа очевидно, но сам он остается скрыт от потомков и исследователей. Романтикам это позволяет надеяться на то, что, к примеру, «Маленький принц» был плодом лишь педофильских галлюцинаций французского летчика, но не существовал *in carne* (в мясе).

Култ богов, пророков, героев, полководцев и других «пассионариев» — один из самых любимых культов homo. Человечество млеет от перьев, мундиров и «харизм», а именами своих любимцев маркирует эпохи. На этом культе основаны религии, история и культура. К сожалению, для его разрушения недостаточно одного, даже химически чистого цинизма самой высокой концентрации. Требуется нечто более существенное.

Иллюзия того, что в человеческих стаях существуют особи, наделенные чрезвычайными свойствами, качественно отличающими их от других людей, является очень стойкой. Существует даже отрасль истории, всерьез изучающая «пассионариев». Люди очень любят приписывать глобальные события особенностям той или иной «личности».

Это забавное заблуждение имеет много корней. Один из них — отсутствие понимания того, что практически все «харизматики» на 100 % сделаны из случайных обстоятельств, а также из требований политической моды и специфики своего времени. В чуть другой реальности они остались бы никем, а их «удивительные» свойства не оказали бы никакого влияния ни на историю, ни на культуру. (Представьте себе Моцарта в раннем неолите, Резерфорда во времена крестовых походов или Гитлера как жителя блокадного Ленинграда.)

Оценивая «великие имена», не следует забывать, что за каждым Микки-Маусом прячется обычная мышь. Особенно хорошо это видно на еще «теплых» примерах Наполеона, Гитлера, Сталина, Мао или им подобных фигур. На них списывается вся кровь и глупость, хотя данные фигуранты были лишь «вишенками на тортах» своих эпох и народов. Вся Германия была Гитлером, а СССР — Сталиным. В произошедших трагедиях личные качества вождей не имели никакого особенного значения.

Конечно, все они могли отчасти влиять на процессы, но не в силу наличия какой-то «харизмы», а лишь потому, что имели чисто механическую возможность это делать. Но напомним, что они не изобретали ее самостоятельно, а лишь пользовались тем механизмом власти, который образовался во времена фараонов и не претерпел существенных изменений.

Но! Среди них нет Саурана-гипнотизатора, который мог бы волшебным образом внушить доброму и наивному народу идеи рейха или «русского мира». Диктаторы и президенты — это лишь тамбурмажоры, которые с помощью «жезла власти» задают ритм конвульсиям злобы и восторга, возникающим в массах естественным образом. Если жезл опустится или будет отброшен, «оркестрик» играть не перестанет.

По всей вероятности, любая роль личности в истории — очередной самообман, а некая интеллектуальная или поведенческая уникальность — миф, в реальности не существующий и ни на что не влияющий.

Впрочем, до тех пор пока мы остаемся в так называемом культурно-историческом поле, где все оценочно и зыбко, данные утверждения остаются лишь декларацией. Чтобы доказать их, нам придется переместиться в качественно иные сферы.

По счастью, помимо солдафонов, пророков и вождей, образ каждого из которых самым очевидным образом подчинен «закону М.-Мауса», мы располагаем и фигурами другого свойства. Теми, кто в действительности менял реальность мира или повышал шансы нашего вида на выживание.

Мы имеем в виду творцов науки. Вот на их-то примере мы и попытаемся доказать недоказуемое: вздорность и выдуманность представлений об уникальности личности.

Напомним, что взаимосвязь личности ученого и его открытия является несомненной и общепринятой догмой (такой же несомненной, как связь особых свойств Сталина и репрессий). Быть может, существенный вклад в науку — это действительно результат совершенно особых, неповторимых свойств, присущих лишь конкретному ученому и никому иному? Полная уверенность в том, что дело обстоит именно так, была однозначно высказана множеством творцов современного знания. Наилучшим образом эту мысль сформулировал нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Джон Кэрю Экклз, видевший именно в факте научных открытий лучшие доказательства свободы воли человека и «великий фактор личности».

Джеймс Дьюи Уотсон, тоже лауреат Нобелевской премии, сооткрыватель структуры ДНК и автор «Молекулярной биология гена», которую по праву можно назвать одной из самых важных книг человечества, полагал, что «каждый шаг (науки) вперед, а иногда и назад — очень часто событие глубоко личное, в котором главную роль играют человеческие характеры и национальные традиции».

Еще более категоричен другой нобелевский лауреат — Кристиан де Дюв, который пишет, что «создание теории — это напряженный творческий процесс, несущий на себе отпечаток личности автора», а эйнштейновская теория относительности, по мнению Де Дюва, несет на себе «отпечаток индивидуальных, личностных черт, свойственных только ее создателю».

На первый взгляд данная точка зрения кажется единственно логичной и возможной. Но лишь на первый взгляд. А при соприкосновении с фактами от этого красивого предположения не остается даже *loci udi* (мокрого места).

Дело в том, что очень многие важнейшие изобретения, а также выявления законов природы и свойств материи были почти синхронно совершены учеными, никак не связанными между собой, полностью независимыми друг от друга, разнесенными национально, географически, социально и религиозно.

Вероятно, здесь все же следует остановиться и конкретизировать понятие «независимость открытий в науке».

Что же это такое?

Это термин, которым мы маркируем некий высокий научный результат, если к нему пришли ученые, не имеющие возможности

заимствовать мысли и идеи друг у друга. Приведем краткую подборку фактов, то есть перечислим те открытия, которые были совершены «независимо» и «одновременно»:

Кавендишем и Кулоном открыт закон притяжения и отталкивания электрических зарядов; Парацельсом и У. фон Гуттенем заявлено о влиянии сифилиса на головной и спинной мозг; Ж. Жансеном и Локайером сделан спектральный анализ протуберанцев солнечного диска; Рамзаем и Лангле выявлены свойства гелия; Дарвином и Уоллесом сформулирована теория эволюции; Адамсом и Леверье обнаружена планета Нептун; Маркони и Поповым изобретено радио; Опариным и Холдейном открыты принципы абиогенеза; Мариоттом и Бойлем вычислены особенности поведения газов; Августом Теплером и Вильгельмом Гольцем изобретена электрофорная машина; Скалигером и Арецио осознано существование кинестезии; Гей-Люссаком, Жаком Шарлем и Дальтоном выведен закон объемов; фон Герике и Торичелли определены свойства вакуума; Ж. Фернелем и П. Форестом определено отравляющее влияние ртути на головной мозг; Галилеем, де Шезо и Ольберсом разгадан парадокс черноты Вселенной; Борелли и Жюреном обнаружены капиллярные явления; Герцем и Лоджем зафиксированы электромагнитные волны; Томсоном, Джермером и Дэвиссоном расшифрована дифракция электронов; Ньютоном и Гуком определен закон обратной пропорциональности квадрату расстояний; Гюйгенсом и Галилеем созданы маятниковые часы; Котуньо и Можанди выяснена роль ликвора и законы его циркуляции меж желудочками мозга; Декартом и Снеллиусом открыт эффект преломления света; Беннетом и Энди смоделирован электроскоп; Шееле, Пристли и Лавуазье классифицирован водород; Мальпигием и Г. Баджливи зафиксирован механизм возникновения гемиплегии; Майером и Джоулем понят принцип эквивалентности; Галилеем и Шейнером обнаружены пятна на Солнце; Латуром и Фарадеем установлено сжижение газов; Дальтоном и Вольтой описано поведение паров; Менделеевым и Мейром открыт периодический закон; Вейнбергом и Харди доказан закон генетического равновесия; Расселом и Герцшпрунгом составлены диаграммы-классификаторы звезд; Мюрреем Гелл-Маном и Дж. Цвейгом написана квантовая модель элементарных частиц (гипотеза кварков); Мёбиусом и Листером выведен парадокс «ленты Мёбиуса»; Лобачевским и Бойяи разработана гиперболическая геометрия.

Список можно продолжить, но полагаем, что приведенного достаточно.

Итак, мы убедились в том, что ученые, не имеющие меж собой ничего

общего ни по воспитанию, ни по образованию, ни по убеждениям, никак не знакомые между собой, примерно в одно и то же время приходили к одним и тем же выводам по важнейшим вопросам мироздания.

Даже в нашем коротеньком списке смешались модники и неряхи, пламенные фашисты и унылые русские инженеры, утонченные академики и пивовары, весельчаки и меланхолики, фанатичные христиане и атеисты, убежденные холостяки и примерные главы семейств, плебеи и аристократы, а также бургомистры, коммунисты, роялисты, пэры, революционеры, настоятели монастырей и дуэлянты.

Перечисленное нами выше — лишь видимая, официальная часть образов великих ученых. В большинстве случаев деликатность не позволяла биографам углубляться в некоторые особенности их быта, привычек и наклонностей. Но мы знаем, что у любого homo имеется очень живописная оборотная сторона.

Подозревая об этом, мы можем обоснованно предположить, что различия меж свершителями одних и тех же открытий были еще разительнее: меж фон Герике и Торичелли, Мариоттом и Бойлем, Маркони и Поповым были не просто «разницы», а целые «пропасти».

И тем не менее они, независимо друг от друга, в одно и то же время приходили к одним и тем же судьбоносным выводам. Все личностные, национальные, религиозные, бытовые, политические разницы не играли никакой роли.

Но быть может, эта несвязанность открытия и личности присуща лишь относительно локальным прозрениям? Быть может, самые грандиозные теории все же основаны на неких неповторимых чертах их создателя?

Нет. Как мы можем убедиться, подмеченная нами закономерность распространяется на любые открытия, независимо от их масштаба.

К примеру:

Чарльз Дарвин и Альфред Рассел Уоллес никогда не встречались и не общались. До 1858 года Дарвин понятия не имел о существовании Альфреда Рассела. Но в июне указанного выше года Уоллес прислал Дарвину набросок статьи «К тенденции независимого возникновения вариаций из оригинальной формы». Распечатав пакет, потрясенный Дарвин увидел в строках Уоллеса свою собственную теорию, нюансы которой он скрывал до времени даже от столь близких друзей, как Хукер и Лайель.

«Я никогда не видел более поразительного совпадения. Если бы у Уоллеса был мой черновик, написанный в 1842 году, он не смог бы сочинить для него лучшего резюме» (Дарвин о работе Уоллеса).

Разумеется, есть теории не менее глобальные, чем эволюционная.

Абиогенетическая была независимо разработана Александром Ивановичем Опариным и Джоном Холдейном, которые были очень надежно изолированы друг от друга географией, разностью научных школ и самой банальной политикой (то есть некоторой «закупоренностью» раннего СССР). Поначалу оба трагично восприняли известие о наличии «конкурента» на другом континенте, но ситуацию (отчасти) спас рыцарственный Холдейн, признавший разработки Опарина более емкими и масштабными, а соответственно, и более значимыми.

Неоднозначное происхождение также имеют теории: квантовая, генетического кода, относительности и условных рефлексов. При всем (условном) благоговении перед именами Эйнштейна, Павлова, Крика, Планка никого из них нельзя назвать их «автором» (в примитивном и однозначном смысле слова «автор»).

Мы можем осторожно сделать вывод, что нам нет и не может быть никакого дела до бытовых привычек или личных взглядов того или иного создателя науки. Все слагаемые личности не имеют никакого значения. Как, впрочем, и сама личность. Ученый может быть сатанистом, жадиной, онанистом, мотом, ростовщиком, карманником, религиозным фанатиком, педофилом, убийцей, клеветником, завистником, героем, вором, гомосексуалистом, девственником, нормальным развратником, ханжой или кощунником, угрюмым молчуном или блестящим оратором. Для результата его работы все это имеет не больше значения, чем форма крышки его гроба. Или цвет его глаз.

Он может быть самоучкой, как Реомюр, Фаренгейт, Ампер, Лаплас, Дальтон, Кеплер, а может быть аббатом, как Мендель, или журналистом, как Энгельс, академиком, как Опарин, или наемником, как Декарт, переплетчиком, как Фарадей, школьным учителем, как Циолковский, приказчиком в бакалейной лавке, как Шлиман, или профессиональным обитателем лабораторий, как К. С. Лешли. Но и это все тоже ничего не значит. В историю науки данные персонажи вошли «обнаженными», при входе сбросив сутаны, латы, сюртуки и лабораторные халаты. Впрочем, как выясняется, дело не ограничилось предметами гардероба. Строго говоря, там же, при входе, они оставили и свои имена.

Дело в том, что в самом открытии мы никогда не найдем примет личности того, кто его совершил. Оно удивительно «безлико» и никак не связано с характером, привычками и взглядами его автора.

Давайте «отвяжем» постижение ДНК от имен Крика, Уотсона, Уилкинса, Франклин, Эвери, Чаргаффа и на несколько минут забудем эти имена. Забудем и трагикомедию, сопутствовавшую пониманию роли и

«пространственной конфигурации» дезоксирибонуклеиновой кислоты. Сделав все это, найдем ли мы в спиралях азотистых оснований или в порядке водородных связей хотя бы отголоски того пикантного факта, что Дж. Уотсон вообще не знал химии, а Ф. Крик не имел никакой научной степени? Нет. Не найдем.

Увидим ли мы в разгаданной последовательности аденина — тимина — гуанина — цитозина грустную тень О. Т. Эвери или слезы умирающей Франклин? Опять-таки нет. Не увидим.

А теперь заглянем в окуляр микроскопа. Есть ли там напоминание о голландском суконщике, играющем стеклянными шариками (с их помощью в цеховой среде было принято инспектировать качество сукна)? Сперва он просто забавлялся. Но затем, комбинируя то шарики, то их половинки, суконщик разглядел сквозь них движения сперматозоидов в «вязкой жидкости, собранной после законного соития с г-жой Левенгук».

Содержится ли в окуляре микроскопа хоть какое-то указание на фасон шляпы этого суконщика, или на то, какому божеству он кланялся по воскресеньям? Разумеется, нет. Не содержится.

Как видим, все личностное опять дематериализовалось и сгнуло, как не имеющее никакого значения. Более того, у нас появилось еще одно основание для уверенности в том, что между индивидуальностью ученого и его открытием нет вообще никакой связи.

Итак. Мы видим, с какой легкостью можно разрушить один из основных мифов культуры. Миф о личности и ее «чрезвычайном значении».

Но что мы получаем взамен него?

Почти ничего, за исключением образа науки как реальности, живущей по своим законам. Самые великие имена в ней оказываются почти слепыми исполнителями закона неизбежного развития интеллекта. Того самого интеллекта, который всегда найдет правильное местечко и шалуну Кирюше, и Бонапарту, и самому Микки-Маусу.

Конец РПЦ. Как это будет

«Отец церкви» Ориген Александрийский был настоящим христианином. Поэтому он дословно исполнил наказ своего бога, высказанный в Евангелии (Мтф.19:12), — и широким жестом отхватил себе детородный орган по самые тестикулы, став скопцом «ради царствия небесного».

К сожалению, его благочестивому примеру последовали не все христиане, хотя обмен пениса на «царствие небесное» с их точки зрения должен быть чрезвычайно выгодным делом. Можно сказать, сделкой жизни.

В русской церкви это евангельское предложение тоже, как правило, игнорировалось. Митрополиты, архиепископы и епископы, не говоря уже о монашествующей братии и мирянах, выбирая между «царствием небесным» и собственным пенисом, уверенно выбирали пенис. Это вдвойне печально, так как именно опыт Оригена мог бы предохранить РПЦ от множества неприятностей в прошлом и настоящем, а также научить ее стойкости, которая, возможно, ей скоро потребуется.

Очень долго существовала иллюзия, что РПЦ умеет намертво спаиваться с любым видом государственной идеологии, а погибнуть может только вместе с ней. Именно этому православных учила специально придуманная история России. Именно нечто подобное внушил им идеолог русского нацизма — Федор Достоевский. Это всегда придавало попам необыкновенную уверенность в судьбе собственного бизнеса и своем корпоративном благополучии.

Конечно, церковная торговля ничем — это бизнес сверхдоходный. Но и чрезвычайно хрупкий, так как полностью зависит от капризов и настроения власти. А также от того, насколько власть уверена в эффективности церкви.

Судорожно спасающий страну от распада, сегодняшний Кремль, разумеется, пускает в дело все, что есть под рукой. Все, что может «скрепить» страну, особо не разбираясь в качестве этих скреп. В том числе и церковь. Но не исключено, что абсолютная неэффективность РПЦ рано или поздно будет им замечена.

Что произойдет в этом случае?

РПЦ, конечно, забылась и недооценила опасность такого разоблачения.

Как мы помним, церковь всегда утверждала: она — понятие вечное и никакие «врата адовы не одолеют ее». Но сегодняшнее православие, вероятно, слабо представляет себе подлинный потенциал этих «врат».

Если разоблачение состоится и в очередной раз станет понятно, что церковь никого ни с кем не скрепляет, то, вероятно, произойдет следующее.

В этот раз не будет никаких «львов рыкающих, плоти христиан жаждущих», и никаких матросов со штычками. Попов никто и пальцем не тронет. Все будет гораздо хуже.

Ставшая ненужной Кремлю, РПЦ мгновенно утратит неприкосновенность во всех СМИ.

Заскрипят, отворятся те самые «врата» — и грянет из них голубой гром.

Все главные каналы ТВ заполнят заплаканные пономари, иподьяконы, послушники, семинаристы и юные иноки. И каждый из них будет живописать злоключения ануса своего, который ежедневно был терзаем «митрополиты, архиепископы и епископы». И терзаем не всегда с молитвой.

Шоумены, еще вчера, преданно чмокавшие попам ручки, будут гневно трясти документами уголовных дел, выведывая у плакс пикантные подробности анальных практик, а узнавая — рыдать вместе с ними, «исказив ужасом лица свои».

Разумеется, не все скандалы будут окрашены в чисто голубой цвет. Найдется в эфире местечко и для пары сотен черных педофильских историй. Тут еще шире отворятся «врата» — и восплачут не только жертвы и шоумены.

Тут будут рыдать все: мамыши, доверившие попам деток, сами детишки, удаленные бабушки по скайпу, операторы и студийные клакеры. Даже суровые криминалисты, приглашенные в эфир для рассказа о специфике вагинальных и сфинктерных разрывов у несовершеннолетних, тоже «излиют слезы своя».

Следует понимать, что рыдательный потенциал данной темы, конечно, не бездонен, но достаточно глубок. СМИ отработают его по полной программе, вероятно, не раз вспомнив про Оригена Александрийского.

Конечно, публике надо не только поплакать, но и похохотать. Обеспечение веселья по церковной теме тоже не будет проблемой.

В этом смысле отличным информационным товаром станут страсти в женских монастырях. Обыватель узнает наконец, что такое «глубокий сестринский» поцелуй, постигнет настоящий смысл выращивания инокинями кабачков сорта цукини и поймет подлинное предназначение

молоденьких послушниц.

Нетрудно предсказать и все последующие перемены медийных блюд.

Скорбные гаишники зальют эфиры кровью, поведав тысячи историй о поповском беспределе на дорогах.

Училки во весь голос затянут песнь о нелепости «основ православия» в школах.

Прозревшие главы администраций развернут батальные полотна, повествуя о своих битвах с жадными попами за социальную недвижимость и госземли.

Проснутся тетеньки из СЭС. Они затрещат о вирусных пузырьчатках полости рта, кандидозах, гнойных флегмонах и других болезнях, неизбежно передающихся в том случае, когда сотни не очень здоровых людей что-нибудь едят одной ложкой из одной миски, как это бывает при обряде причастия.

Медийный рынок ненасытен до всякой сочной жути: «врата» откроются настежь — и РПЦ припомнят все. Что было и чего не было. Затравленные попы будут искать колокольни, чтобы быть с них сброшенными, но не найдут их; они будут хвататься за чаши с ядом, но в тех окажется лишь старый кефир.

А шоу-бизнес, истосковавшийся за годы русской весны по свежатинке, продолжит распинать бедолаг.

Особенно будут стараться те, кто сильнее прочих подхалимничал на крестных ходах и молитвенных стояниях: депутаты, певички-державницы, мотоциклисты и другие разносчики православной духовности.

Разумеется, тут же сыщутся охотники поковыряться в загадочной смерти Редигера (Алексия II) и в церковных финансах. Увы, единственный аудит денежных проделок духовенства превратит епископат РПЦ в толпу печальных эков. Попов погонят из школ и армии, а отжатые ими планетарии и больницы вернут государству.

Последним и самым страшным ударом «врат» будет установка в церквях кассовых аппаратов. После этого рынок магических услуг рухнет.

К такому варианту «гонений» РПЦ окажется абсолютно не готовой. Под хохот публики Гундяев сбежит, переодевшись распятым мальчиком из Донбасса. Чаплин прикупит котелок, наконец отрастит нормальные усики и продолжит служить своей фамилии в московском мюзик-холле. А сама церковь скукожится и надолго замолкнет.

У нее, конечно, будет выбор: либо сгинуть окончательно, растворившись в сотне других культов, либо выжить и продолжить борьбу за возвращение клиентов.

Выжить ей будет не просто.

Ватикан, оказавшийся в похожей, но менее сложной ситуации, пошел ва-банк. Он резко смахнул со стола отпедофилированных им младенцев «яко же не бывших» и свершил резкую имиджевую реформу. Вместо папы-истукана он предложил папу-шпану. Это был сильный ход, но фингалом и трамвайным билетиком Франциска полностью прикрыть «большой ватиканский срам» все-таки пока не удалось. Следующим шагом, вероятно, будет рогатка, случайно обнаруженная ЦРУ в личных вещах понтифика. По крайней мере, иезуиты все надежды на спасение католичества возлагают именно на нее.

А вот РПЦ так легко отделаться не получится. Придется менять не только девочек, но и мебель. Ставшая ненужной Кремлю, РПЦ вынуждена будет подчиниться свирепым законам шоу-бизнеса. В обряды и литургическую практику придется вносить кардинальные изменения. Очень неплохо будет смотреться выезд нового патриарха из царских врат на моноколесном электросамокате, а также энергичные «танцы с чашами». Так как сильный медийный резонанс имел только один прецедент плясок в церкви, то преподавать хореографию в семинариях, вероятно, будут приглашены Pussy Riot.

Возможно, РПЦ изобретет еще какие-нибудь приманки. Возможно, она вернет себе часть своей старой клиентуры и будет, никем больше не обижаемая, под стрекот кассовых аппаратов существовать по темным углам страны. Разумеется, под крепким надзором налоговых органов и СЭС, постепенно разрушаясь под тяжестью собственной ненужности. Но ни к каким существенным вопросам и событиям РПЦ допущена уже никогда не будет. Так что если России и суждена дальнейшая история, то она явно будет свершаться без попов.

Крылышко или ножку?

Долгожданная точка в истории царских останков

Идентификацию скелета Николая II проводят с таким рвением, как будто бы его кости собирают не для символического погребения, а для изготовления уникального холодца.

Двадцать лет очень дорогие комиссии фехтуют чьими-то берцовыми костями и сверлят уши чиновников генетической терминологией. Двадцать лет криминалисты мажут друг другу лица грязью из «ганинойямы» и «понасенковалога», а патриоты репетируют рыдания над гробом последнего царя. Пресса и публика томятся в ожидании дня икс, когда под тысячегласное пение останки Николая Кровавого будут торжественно размещены в саркофаге Петропавловской крепости.

Хотя, как и любое другое, данное захоронение имеет весьма условный смысл. Никакая подлинность скелета и не требуется. Главное, чтобы «костюмчик сидел»; надгробная плита должна быть оснащена рекордным количеством двуглавых орлов и экстраординарной династической терминологией. Этого будет совершенно достаточно. По сути, нет никакой разницы, какие именно кости будут под ней сложены. Это могут быть останки любого дворника или двадцати пяти морских свинок. Более того, в саркофаг можно вообще ничего не класть. А можно разместить там швабры или загранпаспорт Кобзона.

Что бы там ни лежало, казачки почетного караула все равно расчувствуются в ожидании поминальной водки. А народу совершенно безразлично, что именно будет находиться в могиле. Приливы его чувств регулируются не тождеством ДНК, а мощью оцеплений и присутствием на церемонии «первых лиц».

Напомним, что совсем недавно был поставлен эксперимент с известным «поясом». По степени подлинности этот предмет можно сравнивать только с «настоящим» пропеллером Карлсона, который недавно экспонировался на выставке «Мир маленьких придурков».

Но! Эксперимент оказался удачным. Сработала «память материала»: Россия воспользовалась первым же предложением, чтобы принять привычную ей форму огромной заплаканной очереди. В известном смысле мероприятие оказалось даже успешнее, чем опыты с другими святынями: с Мавзолеем и Макдоналдсом. Возможно, это произошло потому, что организаторы «пояса» сумели реализовать огромный поцелуечный

потенциал народа.

Конечно, к наполнению царского саркофага необходимо активнее привлекать РПЦ с ее огромным опытом одурачивания граждан.

Вспомним двадцатые годы. Большевики тогда произвели показательные вскрытия топовых церковных мощехранилищ. Помимо гнилых костей, кукол и личинок моли они обнаружили там даже дамские подмышечники, чайники, доски и банку фиксатуара «Брокар». Все производилось публично, фиксировалось на кино — и фотопленку, но на последующей почитаемости артефактов никак не отразилось.

Как только злодеи в пейзах и кожанках уложили «мощи» обратно, воцерковленная публика продолжила молитвенное общение с чайниками и фиксатуаром.

В истории с царскими останками можно перенять этот драгоценный опыт.

Тотальное воскресение мертвецов, которое обещает христианская догматика, вероятно, будет сопровождаться различными катаклизмами и объявлением чрезвычайного положения. В такой ситуации нет особой разницы, кто именно вылезет из-под могильной плиты в Петропавловке: свинки, дворник или половинка Николая II.

Конечно, подготавливая день икс, следует еще поработать над образом последнего царя, который пока тянет только на недалекого дядечку с папироской и балеринкой.

Вероятно, кроме его умения руководить массовыми расстрелами населения на Невском проспекте, стоит вспомнить и его страсть к выкладыванию геометрических узоров из лично убитых им котов и ворон.

Не следует, вероятно, делать только одного. Ни в коем случае не надо на крышке саркофага в Петропавловке упоминать запредельный рейтинг этого дядечки.

Мухоморы победы

Пойдет ли человечеству на пользу глобальная атомная война?

Ружьишко, конечно, зависелось. С тех пор как его разместили на «гвоздике» Хиросимы, ядерное оружие украшает сцену человеческой истории, напоминая о том, что все самое интересное еще впереди. Согласно законам драматургии это ружьишко, конечно, выстрелит. Сможет ли оно кардинально изменить существующую реальность и конструкцию цивилизации?

Само событие, по всей вероятности, неизбежно.

Почему? Потому что за 70 лет, прошедших с того момента, когда первый ядерный мухомор вырос над японским захолустьем, не произошло даже частичного поумнения homo. Напротив. Различные дикарские игрушки вроде традиций, религий, побед и патриотизмов стали еще популярнее. Все фундаментальные иллюзии тоже чувствуют себя прекрасно и продолжают определять мировоззрение абсолютного большинства. Человек остается во власти сказок о своей уникальности, бессмертной душе, божественной любви и важности национальных интересов.

Напомним, что все эти красивые химеры вечно голодны, а насыщаются они только кровью. Много веков химеры демонстративно чавкали поколениями и целыми народами, но человечество продолжает ими умиляться. Увы, оно не трезвеет, несмотря на весь свой горький опыт. Оно твердо уверено, что у цивилизации — отличный этический фундамент.

Вообще, как выяснилось, иллюзии — штука огнеупорная. Костры веры, пожары революций и пламя войн не причиняют им никакого вреда. Вероятно, пришло время испытать их чем-нибудь погорячее. Необходимые температуры как раз и могут быть предоставлены как обычными урановыми бомбами, так и различными «слоечками» типа FFF или W88.

Впрочем, иллюзионные накопления столь обширны, что урановые градусы зажарят лишь малую часть заблуждений человека о самом себе. Того, что останется, будет вполне достаточно, чтобы при случае повторить ядерный фейерверк.

Корневых причин происшедшего искать, разумеется, никто не будет. Культура и история подольют масла, и событие получит оценку в соответствии с имеющимися «этическими представлениями». Это

автоматически выведет ситуацию на второй, а затем и на третий круг. Так что надеяться на то, что в третий-урановом огне человечество переплавится во что-нибудь попримечательнее, наверное, все же не следует.

Конечно, существует утешительная байка о том, что неким «сдерживающим фактором» сработает обоюдная смертоносность ядерного бомбометания. Полагаю, что это утверждение ошибочно.

Дело в том, что любые атомные удары не представляют никакой опасности для тех, кто принимает решение об их нанесении. В распоряжении решателей имеются комфортабельные бункеры, из которых можно безопасно наблюдать за взаимными ядерными бесчинствами. Разумеется, наблюдать со слезами на глазах, нашептывая (в зависимости от континента) песенки про пальмы или березки. Из глубины этих бункеров (по радиосвязи) можно будет по-сталински постучать зубами о стакан и в очередной раз напомнить, что «мы за ценой не постоим». И перепуганная «цена», испепеляясь вместе со своими котами, домами и детишками, опять будет вынуждена согласиться с такой щедростью. А как иначе? «Цена» приучена служить расходным материалом для обеспечения нужд различных родин, религий, границ, а также общей эстетики истории в целом. С «ценой» достаточно лишь поговорить (из бетонных недр) от имени и по поручению великих иллюзий, чтобы она расчувствовалась и подставила лбы под потоки нейтронов.

Хотя винить во всем только решателей судеб было бы некорректно; мы имеем дело с фактом взаимной дрессировки. Люди сами приучили власть расходовать их на «великие цели» безоглядно и безотчетно.

Это положение можно иллюстрировать множеством примеров, но самым свежим будет так называемый «Бессмертный полк», шествие которого иногда можно наблюдать в России. Суть мероприятия заключается в том, что идущие большими организованными колоннами граждане РФ несут на палках портреты погибших на войне родственников. Это символизирует сплочение народа в скорби и безмолвный, но грозный вызов тому врагу, по вине которого погибли изображенные на портретах люди. Но!

Чрезвычайно велика вероятность того, что примерно на трети портретов запечатлены те, кто был уничтожен исключительно по вине самого советского командования: перебитые заградбатальонами, брошенные в бессмысленные атаки, заморенные фронтовым или тыловым голодом, замороженные, «сваренные» в котлах, а также расстрелянные пьяными СМЕРШевцами. Солдатское мясо в России всегда было исключительно дешево и, как правило, тратилось генералами с

феерической расточительностью. Но никому из участников шествия не придет в голову обвинить в смерти отца или прадеда тех мясников-генералов СССР, которые были действительными виновниками гибели их близких. Тем самым шествие «Бессмертного полка» превращается в индульгенцию власти, в предложение ей и впредь расходовать жизни без всякого стеснения.

Как известно, основой русской духовности и идентичности является еврейский фольклор, воплощенный в так называемом православии. В данном случае он не учит фаршировать щуку, но зато прививает стойкую привычку распинаться и распинать. Увы, к XXI столетию православная идея настолько выдохлась, что вряд ли сможет послужить хорошим наркозом в тот день, когда над РФ и миром поднимутся ядерные мухоморы победы.

Вся надежда только на манекенщиц и теноров, которые продолжают утверждать, что «красота спасет мир». Вероятно, им вскоре представится возможность поразить ею продукты деления 235-го урана или дейтерида лития. Правда, возможны справедливые опасения, что диалог теноров с нейтронами может быть увлекательным, но недолгим.

Дразнилка для гуся. Окончание дискуссии о Галилее

Если со мной говорят от лица истины, я сразу понимаю, что имею дело с идиотом

Специалисты по «сидению на стуле» что-то расшалились и взялись меня поучать. Кажется, они всерьез вообразили, что прошлое — это их собственность, куда без конвоя историков никому даже и заглядывать не следует.

Полагаю, что стоит воспользоваться этой ситуацией и прояснить отношения меж нашими двумя ремеслами. (А заодно дать историкам урок вежливости.) Разумеется, я могу это сделать только с позиции публицистики.

Что же это за позиция? Поясняю.

Публицистика — это пулеметное гнездо на колокольне. Она дает возможность с разумной высоты расстреливать кого угодно, а также устраивать любые фейерверки, при этом ни за что не отвечая.

В качестве учебного пособия я намерен использовать вот эту рецензию на мою статью об одном эпизоде войны подлинного знания с «научным миром». Благодаря появлению данного труда мы имеем добротный и очень свежий «препарат» стандартного видения трагедии Галилея.

Возьмем указочку и пройдемся по этому «препарату».

Начнем с того, что у нашего рецензента, несомненно, есть личная мотивация. Она не совсем понятна. Остается надеяться, что это простой зуд быть замеченным. Хуже, если им движет «магическая связь с прошлым» и знание «истинной картины» событий. В этом случае ему пора подумать об участии в «битве экстрасенсов».

Для начала мы остановимся на более лестном для нашего рецензента предположении: это всего лишь зуд. Если это так, то данная мотивация должна оказать специфическое влияние на набор аргументов и выводы.

Наш «препарат» сейчас даст нам возможность это выяснить.

Мы увидим, как легко в умелых руках «историческое знание» гнется и рихтуется, приспособляясь к обслуживанию любой цели и идеи. Так как у этого знания нет никакого реального фактологического костяка, то оно крайне пластично. У него нет констант и даже догматов. С ним можно

вытворють все что угодно. Я это делаю вполне откровенно, причем заранее предупреждаю, что буду по своему усмотрению «округлять» фактуру. Но, оказывается, то же самое втихаря делает и наш историк-рецензент. А это уже непорядок.

Напомню, что публицистика сама не роется в архивах и сундуках. Она лишь пользуется тем, что подготовлено для нее корифеями различных дисциплин. Ее задача — делать глобальные выводы, обобщать и формулировать. А уж какую именно из множества предложенных ей доктрин она выберет — это ее личное дело. История служит публицистике. Но никак не наоборот.

Дело историка — добыть для публициста материал и красиво разложить свой «товар», стараясь при этом не пакостить соседу, который на соседнем лотке предлагает свой. Дело публициста — пройти по этим торговым рядам, выбрать приглянувшееся и использовать его для парадигм и выводов.

Но наш рецензент пытается нарушить правила этой вечной игры. Озвучивая свой загадочный зуд, он делает вид, что никаких иных представлений о процессе Галилея, кроме его собственных, вообще не существует. Это тем более забавно, что игнорируются версии, принадлежащие исследователям значительно более известным и успешным, чем он сам.

Итак, внимание. (Обнажаем указку.)

У Сантильяны, Ронана, Хаммеля, Сперанского, Эйнштейна, Коэна, Менкена, Льюиса et cetera нет почти никаких сомнений в том, что процесс Галилея был цеховой склокой астрономов и математиков. Сантильяна однозначно свидетельствует о «научном» характере процесса. Колин Ронан пишет о том, что «происшествие с Галилеем напоминает эпизод из советских времен, когда находившийся в фаворе Лысенко преследовал генетиков». Чарльз Хаммель убежден, что «осуждению Галилея послужили лишь интриги ученых». Сперанский приводит этот процесс как пример противостояния аристотелианцев с математиками. Отметим, что у Эйнштейна (хотя он лишь коснулся темы) тоже не было сомнений в научной подоплеке процесса.

Передвинем указочку чуть ниже по тексту, туда, где рецензент настаивает на банальной трактовке процесса как противостояния знания и веры.

Стремилась ли церковь осудить Галилео? Отметим, что даже доминиканцы, всегда жаждущие кого-нибудь сжечь, и то (в лице Мараффи) выступают за оправдание Галилея. Папа в письме герцогу Тосканскому

пишет о Галилее: «Мы видим в нем не только великие дарования к науке, но также и любовь к благочестию. Он более, чем кто-либо, одарен всеми качествами, дающими ему право на папское благоволение».

Почему-то рецензентом «забыто» и то, что после процесса папа продолжил выплачивать уличенному в злостной ереси Галилею... пенсию (Хаммель). Маловероятно, что эта общеизвестная подробность неведома рецензенту. Возможно, она умышленно изъята им из набора доводов, так как разрушает миф о том, что Урбан сильно надулся на Галилео.

Как видим, наш зоил умело замалчивает неудобные для себя детали. Это прекрасно, так как подтверждает нашу версию о мотивации «зудом», а не «магическим видением прошлого». Скорее всего, наш рецензент здоров и просто играет безответными «фактами».

Но! Историк угадать надо аккуратнее. Пассаж про епитимию вышел очень коряво. По версии рецензента, папа «наказал» Галилея чтением псалмов.

(Здесь следует вычертить кончиком указки самую замысловатую козябру из всех возможных.)

Однако даже самому захудалому медиевисту следует знать, что чтение псалмов не может считаться настоящей епитимией, поскольку входит в обиходное молитвенное правило каждого католика. Дополнительные псалмы могли назначаться духовником, узнавшим на исповеди о том, что его чадо, к примеру, чрезмерно увлеклось рассматриванием писающих прачек. «Прописав» еретика Галилею псалмы, Урбан, вероятно, просто «подмигнул» ему, лишний раз напомнив обиженному старику про исключительную мягкость приговора и старую дружбу.

«Ученость» или неученость папы Урбана — тоже весьма дискуссионный вопрос. Наш милый критик берет на себя смелость аттестовать познания Урбана в астрономии и математике и приходит к выводам, неутешительным для бедного Барберини. Но! (Стучим указкой.) Вероятно, ему следовало бы припомнить, что Погребысский, Майстров, Фигуиер характеризуют папу именно как «ученого»; Хаммель представляет Маттео Барберини не иначе как «ученого математика», а Р. Коэн — как астронома.

Был ли Галилео медиком? (Рисуем указкой знак вопроса.) Безусловно, по единственному имевшемуся у него образованию он медик. Правда и оно не было завершено, что позволило современникам обзывать Галилея «лекарем-недоучкой» или просто «недоучкой», а биографам именовать его «великим недоучкой» (Предтеченский).

У меня нет ни малейшего желания и дальше щелкать по носу бедного рецензента. Полагаю, приведенного достаточно, чтобы убедиться либо в

намеренных подтасовках и передергиваниях, либо в некоторой неполноте его знаний. Впрочем, я надеюсь на то, что за свой труд он щедро вознагражден читательским ажиотажем и ликованием местной общественности.

Конечно, «дураки и гуси созданы специально для того, чтобы их дразнили». Но мы не будем больше беспокоить нашего доцента. Его следует оставить во власти его зуда. А возможно, в мире его «фиолетовых грибов» и уверенности в магической связи историка с прошлым. В том, что только он знает «подлинную картину» былого.

Будем откровенны: такое состояние историка никому не мешает. Если он способен добывать в своей архивной шахте «руды» и аккуратно подавать ее наверх, в науку и публицистику, то беднягу не следует лишний раз нервировать. Пусть ворчит. Он как может делает свое нелегкое дело. В утешение оставим ему опечатку в дате смерти кардинала. Здесь у него есть законная возможность раздуть щеки «профессионального историка» и почувствовать свою незаменимость.

Разговор совершенно о другом. О вещах гораздо более сложных и важных. И историк в таком разговоре уже неуместен. (Откладываем указку.) Настоящая проблема заключается в том, что моя картина суда над Галилеем точно так же фальшива, как и та, что предлагается моим рецензентом. Будем откровенны: они равноценны по своей ущербности. Ни у меня, ни у него нет ни единого факта.

Поясню. Все, что мы не можем многократно проверить и повторить, не может считаться фактом в строгом смысле этого слова. А другого смысла, кроме строгого, у этого слова, увы, не существует. Мы лишь можем допускать, что, возможно, дело было «так» или примерно «так».

Любое событие, как крупное, так и мельчайшее, состоит из огромного множества слагаемых. Достаточно легкого искажения любого из них, смещения любого акцента, изменения порядка нюансов — и вся огромная картина обрушивается в «неточность». А из неточности есть одна дорога — в «нефакт», то есть в беллетристику, которая отличается от сочинений Саббатини или Дюма лишь занудством.

Реальное прошлое — это россыпи вероятностей, допущений, косвенных свидетельств, артефактов, клочки воспоминаний, обрывки догадок, наборы баек и двусмысленные документы. Эти россыпи огромны, но ни в какую цельную картину они обратно никогда не сложатся.

Приведем поясняющий пример. Предположим, нам удалось бы собрать все колечки, сережки, кулончики, запонки и зубные коронки, сделанные из золота, добытого, к примеру, в жилах Чувальского

месторождения. Предположим, все это золото мы бы переплавили, частично раздробили, частично спекли, затем отчешуили и попытались бы вернуть обратно в берега уральской речки. Но как бы тщательно мы ни произвели все эти действия, воссоздать жилу во всей ее цельности, ветвистости и специфичности химического состава именно чувальского золота у нас никогда не получится. Почему? По множеству причин. Уникальность его химсостава исчезла в тиглях ювелиров, которые очищали или тонировали металл присадками. Милая гвоздеобразность крохотных вкрапов золота в руду безвозвратно утрачена в плавилках и ретортах. Воссоздать ее геометрию заново могли бы только процессы силурийского катаклаза и катагенеза, которые уже никогда не повторятся.

Но даже если бы мы смогли ценой каких-то немислимых усилий восстановить химсостав и даже форму золотых вкрапов, все равно проложить жилы обратно не получится. Все вмещающие их породы измельчены и перемешаны в процессе золотодобычи. Чтобы вернуть изначальные слоения кварцевых толщ, сфалеритов и блеклой руды, нам пришлось бы заново создавать Землю.

Примерно так же обстоит дело и с «жилами» событий подлинной истории. Во многом это вина историков. Желая изготовить свой «кулончик или колечко», каждый из них вновь перелопачивал и дробил «вмещающие породы» — и лишь усугублял хаос.

Отчасти это прекрасно. Поняв, что никаких «фактов истории» не существует, мы получаем право на исключительную свободу обращения с материей прошлого. Пытаясь найти ответы на различные вопросы, сегодня мы имеем право на все: на искажения, фантазии, на применение чистой лжи и любые подтасовки. Ведь, подбирая наугад «числовой шифр» к замку того или иного события, мы вправе использовать любые «цифры». Как справедливо говорил классик, характеризовавший историю как самую бессмысленную из дисциплин: «Не имеет значения, какой именно вздор предпочитается другому вздору».

Смириться с отсутствием настоящей картины былого очень тяжело. Ното выдрессированы на то, что наличие у них понятной и лестной для них «истории» — это важная часть их бытия. Согласиться с тем, что известная история — это, по всей вероятности, на 98 % иллюзия, грубо сострепанный и многократно переписанный миф, вероятно, будет для них невыносимо. Но рано или поздно это придется сделать. Ведь когда-нибудь и история станет наукой.

Возможно, лет через двести физика научится конструировать квантовую картинку любого прошедшего события. Теоретически это не так

сложно и вполне реально. Возможно, эти картинки будут иметь строгую послойность, и наука научится «отлиставать» квадриллионы таких картинок и созерцать квантовую реальность, бывшую 800, 300 или 300 000 лет назад. Научившись придавать ей зримость или расшифровывать ее математически, люди смогут поглядеть в глаза эргастеру, узнать, была ли в реальности битва при Фермопилах, и подсчитать количество грудей Анны Болейн. Утверждения, домыслы и допущения обретут проверяемость. В истории появятся факты — и она наконец станет наукой.

Впрочем, для того чтобы это произошло, должно прийти целое поколение фриков. Таких же бесстрашных и фанатичных, как Коперник, Галилей, Дарвин, Вагнер, Агассис, Эвери, Гамов, Шлиман и Фарадей. Впрочем, новым фрикам будет потяжелее, так как хребтина доценского мира со времен спора Галилея с Ватиканом существенно добавила в прочности и толщине.

Особо опасное мышление. Из истории фриков

Наука потешалась над Галилеем, предлагая ему глядеть на небеса не в телескоп, а в большой клистир (по профессии Галилео был не астрономом, а медиком). Как известно, дело кончилось тем, что доктор Галилей очень глубоко засадил этот клистир в зад штатной учености XVII столетия. Вынуть она его так и не смогла, но со временем научилась им приветливо помахивать

Макс Борн еще в 1968 году хладнокровно отметил, что «наука разрушает этический фундамент цивилизации». Будем надеяться, что Борн прав и дело именно так и обстоит. Плохо лишь то, что наука разрушает этот негодный фундамент слишком медленно.

Вспомним, что «этика», как, впрочем, и все прочие «красивые» понятия, предназначена для придуманного существа, не имеющего ничего общего с реальным человеком. Когда данный «фундамент» создавался, homo еще ничего не знал о самом себе. И, уж разумеется, не ожидал, что из «венца творения» он будет скоро разжалован в сообразительное, но очень агрессивное животное, навсегда обреченное таскать в себе свойства всей предшествующей ему эволюционной цепочки.

Гуманисты наивно удивляются абсолютной неспособности этики всерьез влиять на поведение человека. Но в этом нет ничего странного. Та этика, что была придумана для правнуков Адама, непригодна для потомков диметродона.

Как мы видим на примерах прошлого, ставка на этот фиктивный «этический фундамент» непременно приводила к очередному конфузу: по самому пустяковому поводу homo снова и снова заваливал планету трупами, насиловал, разрушал и калечил, существенно тормозя развитие своего вида. Затем он делал передышку и вновь предавался любимой забаве. Впрочем, как мы знаем, и само мастерство трупотворения, воплощенное в культе солдафонов и военной героике, тоже является существенной частью «этического фундамента».

По множеству причин его разрушение, подмеченное Борном, идет недопустимо медленно. Особых надежд на скорое и эффективное его уничтожение, разумеется, нет. По всей вероятности, прежде чем наука

разгромит эту фальшивку и на смену ей будет создана какая-нибудь новая основа для поведения, более подходящая реальному homo, люди трижды успеют захлебнуться в собственном гное.

Почему?

Прежде всего по причине весьма неспешного развития самой науки. Эта неспешность имеет много причин. В первую очередь это, конечно, весьма ограниченные возможности мозга человека и та «деменция», которую homo унаследовал у прямых предков, миллионы лет являвшихся обычными стайными животными-падальщиками.

Тормозит развитие науки и культура, почти целиком основанная на нарциссическом культе «венца творения».

Еще одной существенной причиной является тот факт, что свободомыслие нигде не преследуется с такой яростью, как в академической среде, а реальные движители науки немедленно получают клеймо «фриков».

Всякому пришедшему в «мир науки» гораздо комфортнее встроиться в марширующие колонны доцентов, выучить их корпоративные кричалки и всю жизнь покорно «считать свои ракушки». Эта серенькая судьба незavidна, но она полностью страхует от самых страшных обвинений — в занятиях «лженаукой» и во «фричестве».

Судьбы Галилея и его условного «близнеца» в XX веке Освальда Теодора Эвери — прекрасная иллюстрация к обширной и поучительной истории фриков.

Драма доктора Галилео, как и все, что принадлежит истории, не содержит фактов в серьезном смысле этого слова. Следовательно, мы можем несколько «округлять» имеющуюся условную фактуру, то есть делать то же самое, что стыдливо (и молча) делают все историки.

Конечно, есть некая грань в бесстыдстве интерпретации. Ее всегда приятно переходить, но в данном случае этого, к сожалению, не потребуется. История Галилея, как ее ни поверни, не потеряет своих главных очертаний.

Говоря о XVI и XVII столетиях, мы делаем ошибку, размежевывая науку того времени и церковь. Это неверно. Церковь и наука были одним целым.

В XVII веке официальных ученых, ориентированных на обеспечение богословской картины мира, были тысячи. Каждый из них имел возможность публиковаться и занимать кафедры лучших университетов. Мы можем, конечно, следуя традиции, назвать их «схоластами», но это обозначение будет очень условным.

Отметим, что среди «схоластов» были не только мастера красивого шарлатанства или подтасовщики фактов. Ничего подобного. В большинстве это были абсолютно добросовестные исследователи.

Да, они не сумели преодолеть притяжение «христианской истины» и именно под нее «гнули и рихтовали» естественные науки. Но делали они это вполне искренне и самоотверженно.

Именно официальная наука Ватикана и считалась настоящей ученостью, а такие, как Бруно, Коперник, Галилей и Везалий, имели репутацию «фриков», экзотических прыщиков, вскочивших на благородном носу подлинного знания.

Коперник неслучайно так долго тянул с публикациями своих открытий, понимая, что *De Revolutionibus Orbium Coelestium Libri Sex* будет квалифицировано осмеян и объявлен лженаукой. Он писал: «Меня пугает мысль о презрении из-за новизны и отличий моей теории» (цит. по M.B. Hall. *The Scientific renaissance 1450–1630*).

Как выяснилось чуть позже, Коперник оказался прав. Его труд на долгое время стал объектом не академических обсуждений, а лишь насмешек. Над ним глумились многие. От авторов популярных дидактических поэм и энциклопедий (Де Бартаса и Ж. Бодена) до столпов науки (Тихо Браге и Ф. Бэкона).

С церковной же точки зрения никакого особого криминала в работе Коперника не наблюдалось. Папа Лев X отнесся к ней иронично, но весьма доброжелательно, а кардинальская курия его поддержала. В 1532 году система Коперника была официально представлена на чтениях в Ватиканских садах, причем не кем-то, а личным секретарем папы. Коперниканство вообще воспринималось благодушно, пока ситуацию не обострил скандалист Бруно, объявивший себя его верным адептом.

В XVI–XVII веках научная ревность уже существовала. «Специалисты» умели защищать свои «владения» от любых чужаков. Чтобы получить право голоса в науке, необходимо было примкнуть к соответствующей касте (астрономов, химиков, картографов), разумеется, полностью разделяя ее взгляды по всем ключевым вопросам. Была отработана и тактика нейтрализации диссидентов и пришельцев, нелегально пробравшихся в дисциплину. Она была примитивна, но она работала.

Каста умело использовала тактические преимущества своей «высоты». Она устраивала академический погром новых взглядов, а затем обязательно спускала свою оценку «этажом ниже», к беллетристам, прессе и интеллигенции (в самом широком смысле этих понятий, вполне

применительных и к XVII веку). Те, мало понимавшие в сути вопроса, но доверяющие званиям и титулам, охотно начинали травлю, за пару лет превращая практически любого новатора в посмешище. Так повторялось из века в век.

Копернику, разумеется, припомнили то, что по профессии он церковный староста, но в астрономии — дилетант; Галилею рекомендовали почаще глядеть в клистир, а не в телескоп, намекая на его основную профессию.

Периодически возникали отчаянные персонажи, которые пытались ломать хребты и академической касте, и ее подпевалам. Если дело доходило до открытого и упорного противостояния, то в ход шли дрова. Как показал пример Бруно, пяти полениц хватало, чтобы прекратить любой спор, ставший некомфортным для академиков.

Драма Галилея — это отнюдь не конфликт церкви и знания. (Такое представление сложилось под влиянием пристрастных атеистических брошюр.) Конечно, христианская составляющая в этой истории была, но отнюдь не она была доминантой. Драма Галилея — это преимущественно внутринаучное противостояние; это схватка благородного академизма с дерзким «фриком», зачем-то посягнувшим на здравые и, как тогда казалось, очень перспективные представления о Вселенной.

Присмотримся.

Обвинители и судьи Галилея — исключительно ученые. Пусть вас не вводят в заблуждения их церковно-иерархические титулы. Инициировавший и возглавивший процесс папа Урбан VIII (Маттео Барберини) — известный астроном своего времени, убежденный геоцентрик, последователь Аристотеля и Птолемея. Кстати, именно Урбан VIII с предельной резкостью осудил «охоту за ведьмами» в Германии и первым сократил бюджеты провинциальных консисторий инквизиции. Барберини, до того как стал папой, много лет дружил с Галилеем и даже посвящал ему восхищенные стансы. Друзья подолгу и страстно спорили о «конструкции неба». Более того, та работа Галилея, что стала основным предметом обсуждения на процессе, была сделана по прямому указанию Урбана, предложившего Галилею сравнить системы Птолемея и Коперника в фундаментальном труде.

Как видим, главное действующее лицо процесса, папа Урбан VIII, на роль фанатика-мракобеса категорически не годится.

Второй по значимости (заочный) персонаж — великий инквизитор, кардинал Роберто Беллармино. На его мнение в ходе дознания постоянно ссылались обе стороны. Он был не просто знаменитым ученым, но

настоящей звездой академизма. И тоже если и не другом, то приятелем Галилея. Его отношение к коперниканству как к научной гипотезе отнюдь не было «инквизиторски» однозначным. Именно он в свое время пожурил астронома за излишнюю приверженность к занятой, но «лженаучной» идее движения Земли и предложил Галилею изыскать доказательства поубедительнее, чем простые ссылки на Коперника.

Еще в 1616 году Беллармино дал научное заключение, в котором черным по белому было начертано: «Если сказать, что предположение о движении Земли и неподвижности Солнца позволяет представить все явления лучше, чем принятие эксцентриков и эпициклов, то это будет сказано прекрасно и не влечет за собой никакой опасности. Для математика этого вполне достаточно».

(Впрочем, умерший в 1623 году Беллармино присутствовал на процессе 1633 года лишь в виде очень влиятельной тени.)

Прочие фигуранты процесса, как непосредственные, так и заочные, участвовавшие в нем своими трудами или консультациями, сплошь математики, механики и астрономы. Иезуит Горацио Грасси был исследователем природы комет, а Киарамонти — создателем фундаментального труда *De tribus stellis quae annuis*. Столь же высок был научный авторитет Ф. Бонавентуры, Дж. Полакко (автора *Anticopernicus catholicus*), В. Магно, Клавия (Христифора Клау), А. Фоскарини и других обвинителей и осторожных защитников.

Никто из этих ученых мужей не стал бы оспаривать шаровидность Земли, длину ее экваториальной окружности или сам факт движения планет. Они прекрасно знали работы Эратосфена Киренского, Аристотеля, Птолемея, Кеплера и легко чертили геоцентрические схемы Тихо Браге. Любой из этих «схоластов» мог математически доказать, что коперниковские (пруссские) таблицы местоположения планет имеют ряд существенных изъянов, заметных любому «настоящему» астроному.

«Схоласты» в совершенстве знали современную им физику, следовательно, были убеждены, что тело обладает лишь одним видом движения и уже по этой одной причине Земля не может одновременно вращаться вокруг собственной оси и двигаться вокруг Солнца. Они искренне полагали, что на их стороне не только научные хитросплетения, но и самый обыкновенный здравый смысл: под их ногами ничего не вращалось, а планеты явно кружили вокруг Земли, то отдаляясь, то приближаясь. Коперниковская система, на которой базировались взгляды Галилея, для «схоластов» была ошибкой, уже сданной в архив по причине своей нелепости. А упрямство фанатично преданного ей Галилея —

антинаучной выходкой милого, но «спятившего старика», тормозящей развитие естествознания.

Мы все как-то подзабыли, что в качестве существенного аргумента в пользу доказательства вращения Земли Галилей предъявлял наличие на ней... приливов и отливов. При этом он категорически отрицал влияние Луны на эти явления. Ошибочность данного аргумента уже тогда была очевидна.

Галилей, как и любой homo, вообще умел и любил ошибаться. Он делал это сочно и яростно. В научном споре с Орацио Грасси, ученым иезуитом (который был консультантом папской стороны процесса), Галилео утверждал, что кометы — это испарения земли, «нагревающиеся за счет своей исключительной мягкости». Грасси возражал: кометы — это вполне реальные космические тела, имеющие свои орбиты. Галилей весьма едко высмеял иезуита, но, как выяснилось впоследствии, прав был все-таки Орацио.

Повторяем: конечно, в процессе затрагивалась и церковная догматика, но лишь по той причине, что Библия вообще была точкой отсчета того времени, в том числе и для науки. Но если бы сутью процесса был конфликт гелиоцентризма и догматов веры, а обвинители — церковными фанатиками, то Галилея сожгли бы без всяких собеседований, споров и увещаний.

Главная загадка этого судилища — грубейшее нарушение всех правил и принципов инквизиционного дознания. Установив преступление против основ веры и получив его неопровержимое доказательство в виде признания, Урбан VIII обязан был отправить Галилея на костер. Однако этого не случилось.

Еретик, успевший растиражировать свои взгляды в книге, не был даже заключен хотя бы на год *in carceribus*, то есть так называемым «легким заточением», предполагавшим сухую камеру, без приковывания к стене, полу или потолку. Следует отметить, что сам процесс дознания производился не в подвалах инквизиции, а в одном из римских дворцов. Галилей провел под замком всего несколько дней после третьего (второго?) допроса. Местом его краткого заключения были пятикомнатные дворцовые покои с видом на Ватиканские сады. Галилею были приданы слуга и камердинер.

Чуть позже папа устал переубеждать старика, вспылил и предъявил в защиту геоцентрической теории набор щипчиков из пыточного арсенала инквизиции. (Его лишь показали обвиняемому, да и то издали.) Галилею этот довод показался настолько убедительным, что он сразу признал

научную правоту своего старого друга Барберини.

После отречения Галилей был направлен «под домашний арест» в поместье Алчетри, где до своей смерти проживал с родственниками, прислугой, с правом принимать гостей и заниматься исследованиями.

Невозможно объяснить и тот факт, что на Галилея так и не было возложено никакой епитимьи, хотя любой нарушитель границы церковных канонов как минимум приговаривался к нашивке на одежду желтых кругов и крестов, оповещавших, что их носитель повинен в «некоторой» ереси.

Как видите, стоило нам присмотреться повнимательнее, отбросив стереотипы, и на наших глазах история Галилея превратилась в тривиальную цеховую склоку астрономов, в состязание гипотез, которое формально выиграл Ватикан, заклеивший взгляды оппонента «лженаукой».

От того, что происходит сегодня в Кембридже или Миланском университете, «гелиоцентрическая драма» отличается лишь наличием властных возможностей у одной из дискутирующих сторон. Ничем более.

Папа при этом повел себя не как церковный иерарх, а как рыцарь и ученый. Приговор Галилею (с поправкой на жесткость того времени) — это блестящий образец академической учтивости и благородства.

Если мы поищем аналоги галилеевской истории в «светлых научных столетиях», то обнаружим их без всякого труда. Но ни великодушия, ни жалости к оппоненту мы уже не увидим. Лауреат Сталинской премии профессор Ольга Лепешинская, почтеннейший профессор Фон Гебра, директор Института генетики АН СССР Т. Д. Лысенко, ведущий биохимик Рокфеллеровского института А. Мирский, а также Линнеевский кавалер, глава естественно-исторического отдела Британского музея Р. Оуэн — при возможности «административно» дотянуться до оппонента и уничтожить его проявляли себя гораздо подлее и жестче, чем инквизиторы XVII столетия.

Впрочем, не будем брать «кровавые» хрестоматийные примеры, когда носители самых высоких научных степеней негодяйничали на полную катушку, отправляя несогласных с их гипотезами по тюрьмам, лагерям и психбольницам. Возьмем «мирную» историю Теодора Освальда Эвери (1877–1955), которая в XX веке почти «дословно» повторила драму Галилео Галилея.

Эвери задолго до Уотсона и Крика понял роль дезоксирибонуклеиновой кислоты и провозгласил, что именно ДНК и есть тот самый «трансформирующий агент», управляющий белками и их порядком. На свою беду, Эвери не только продекларировал, но и предметно доказал то,

что именно ДНК ответственна за хранение и перенос генетической информации. Поставленный им опыт с пневмококковыми бактериями был (и остается) более чем убедительным.

Эвери экстрагировал ДНК из штамма пневмококковых бактерий, которые имели капсулы вокруг клеток и по сему назывались «гладкими». Эвери ввел эту ДНК в те клетки пневмококков, что не имели капсул. Существенное количество потомков обычных бактерий превратились в гладкие.

Что в результате случилось с Эвери? Его унизили всеми способами, растерзали и выкинули из науки. Кто это сделал? Попы-мракобесы? Нет.

Это сделал авторитетнейший и милейший Альфред Мирский, ведущий биохимик Рокфеллеровского института, устроивший травлю с «улюлюканьем», загонщиками и «стрелками на номерах». Он лишний раз подтвердил, что является прекрасным организатором научного процесса, мобилизовав для травли безответного Эвери практически всех генетиков и биохимиков Англии и Америки. Мнение о том, что «Эвери в науке не место» стало общераспространенным, а его имя — нарицательным для обозначения «фрика». К издевательствам было аккуратно добавлено прямое административное давление, благо Эвери был работником Рокфеллеровского института.

Теодор Освальд, сделавший одно из самых важных за всю историю науки открытий, не был ни бойцом, ни трибуном. Он вообще не отличался храбростью и умением за себя постоять. Сломленный травлей, он отрекся от своего открытия, признав его ложным, и в связи с «утратой научного авторитета» покинул академический мир, уволился и полностью прекратил все исследования. Он прожил еще несколько лет, не прикасаясь ни к какой литературе, ни с кем не контактируя и ничем не интересуясь. Его домочадцы знали, что любой разговор о генах, кислотах и белках вызывает у Теодора Эвери безмолвные слезы и долгое оцепенение.

До сих пор неизвестно, узнал ли вообще Эвери о том, что его открытие было безоговорочно подтверждено, а сам он номинирован на Нобелевскую премию. К нему пытался пробиться Эрвин Чаргафф, но Эвери отказался общаться, а вскоре умер.

Существуют десятки примеров такого рода. Каждый связан с открытиями в важнейших вопросах познания. И каждый из них есть свидетельство отчаянной дерзости тех, кто не побоялся обвинений в лженауке, клейма «фрика» и презрения доцентской массы.

Конечно, всегда есть риск оказаться реальным дураком и, шагнув через все «сплошные», остаться посмешищем. Но это уже как «карта ляжет».

Россия в поисках ада

Некоторые явления становятся более понятными через аналогию. Для того чтобы разобраться в том, зачем и почему вдруг в России раскопался Иосиф Виссарионович, вспомним один старый, но эффектный эксперимент с пауками.

Итак. Выберем в семействе ликозид (Lycosidae) самого агрессивного самца и аккуратно отделим ему кончики педипальп (лапок, на которых находятся мешочки со спермой). Затем сделаем паучку рассечение пигидия (попки) и извлечем еле видимые половые протоки. Ланцетом перенесем их на стеклышко и туда же положим отделенные педипальпы. Разумеется, созданный нами сексуальный натюрморт внешне будет существенно проигрывать живому возбужденному арахниду, которого мы разместим рядом со стеклышком.

Но если мы все сделали правильно и выбрали для препарации действительно самого злобного самца, то контрольная самочка-ликозида выберет наш натюрморт. Живой самец будет ею проигнорирован. Бедняга затоскует, и все его восемь глаз, один за другим, грустно потухнут. А вот самочка, заламывая лапки и дрожа, будет притираться к стеклу своим гонопором, упрямо пытаясь совокупиться с запахом мертвого злодея.

Все это сильно напоминает новый «выбор России», которая сегодня не скрывает симпатии к Иосифу Сталину. Разумеется, сколько бы РФ ни «елозила задом по стеклышку», она не забеременеет никем похожим на Виссарионовича. Но она елозит. Она в очевидной тоске... и охоте.

Похоже, тысяча лет непрерывных изнасилований и побоев не прошли для нее даром. У нее выработалась стойкая привычка быть битой, и ей нужен тот, кто сможет поизгаляться над ней по-настоящему. Путин, судя по всему, Россией в этом качестве не воспринимается. Страна не видит в нем настоящего, сортового тирана, способного так же смачно плескаться в ее крови, как это делал Иосиф.

Конечно, Россию можно понять. Ей вновь становится скучно. Национальный экономический апокалипсис, для наступления которого было сделано все, что возможно, как-то глупо «завис»; мерзкие майя с обещанным «концом света» надурили, а долгожданная война заглохла, как фанерная «Армата». Никаких других общенациональных развлечений для «народа-богоносца» в ближайшем будущем не просматривается. Остался только запах мертвого Виссарионыча, которому Россия решила

демонстративно отдаться за неимением других доступных забав.

Ничего особо трагичного в этом нет. По множеству причин реконструировать подлинный сталинизм в масштабах страны сегодня невозможно. Но наблюдаемый ныне феномен «неосталинизма» вполне достоин исследования. Конечно, он декоративен, но ему не откажешь в знаковости и способности характеризовать народные массы. Это состояние России тем более любопытно, что инфекция сталинизма идет явно не из Кремля, а самозарождается в «недрах народных».

В чем же тайна сталинского обаяния? Несмотря на критично раздутый пузырь «культа победы», Иосиф Виссарионович как «главком» всерьез воспринят быть никак не может. Уж слишком очевидна «пирровость» этой победы. Иначе не пришлось бы плести вокруг нее такой мощный кокон защитного вранья и законодательно оборонять победу от любых серьезных исследований ее природы. Конечно, «любители твердых рук» в этом не признаются, но вышеупомянутая «пирровость» — уже давно секрет Полишинеля, и со временем этого, конечно, перестанут стесняться.

Впрочем, и сегодня отсутствие у Иосифа хоть каких-нибудь полководческих талантов уже слишком очевидно. Следовательно, дело совсем не в «победе».

Дело в другом. У представителей народа-богоносца существует непобедимая потребность унижать друг друга, являющаяся естественным следствием своеобразного развития государственного организма и культа начальствования. Но возможность сочно унизить появляется далеко не всегда. Очень часто она остается всего лишь мечтой. А вот Сталин оказался способен этой русской мечте приделать настоящие крылья.

Поэтому он и дорог как большой ученый, как изобретатель способа дать народу возможность досыта попить крови друг у друга, почти ничем не рискуя.

Естественно, кто-то должен был суммировать и художественно оформить это изобретение, чтобы сберечь, а при случае иметь возможность передавать его из поколения в поколение. Разумеется, больше всех к сохранению и возрождению памяти Сталина приложила ручки интеллигенция с ее жеманной любовью к истории и «сохранению памяти» с помощью табличек, свечек и стихотворений. Ее рыдающие «Архипелаггулаги» не только заботливо сохранили память о «всенародном кровопийце», но и сделали ее поучительной и... соблазнительной.

Следует понимать, что подобного рода литература служит в том числе и превосходным методическим материалом. Все эти рыдания в гораздо большей степени являются учебниками для будущих репрессоров, чем

предостережением для возможных жертв. Они учат, что в России массовое унижение друг друга вполне осуществимо и может быть абсолютно безнаказанно. А чтобы оказаться в роли палача, а не жертвы, надо всего лишь правильно выбрать сторону и иногда демонстрировать элементарные навыки холуйства.

И все же такого рода чтение полезно и потенциальным жертвам. Они тоже учатся: покорности в прохождении этапов, умению умирать в замороженных бараках, есть солидол и упиваться собственной духовностью.

Более того, сегодня окончательно оформилась возможность сложить пазлы событий. Теперь все точно знают, как именно будет выглядеть возмездие за репрессии, если история повторится. Ответом на миллионы убитых, запытаных, замороженных, изнасилованных и изувеченных будет страшная месть интеллигенции. Лет через восемьдесят она привинтит какие-то таблички на какие-то подъезды. И там же, в отместку палачам, прочитает стихотворения.

Глупо предполагать, что все эти пикантные нюансы остаются незамеченными очень сообразительным и откровенно скучающим народом. Не следует забывать, что когда-то именно он был очень вдохновенным строчителем 23 000 000 доносов, с энтузиазмом мерз на пулеметных вышках лагерей и по-хозяйски запускал лапы в трусы заплаканным женам политэзков.

Вряд ли что-то существенно изменилось в его природе. Возможно, грезы новых поколений еще не слишком конкретны. Ведь они еще не испытали упоения доносом. И не задумались о том, как приятно будет понаблюдать за соседом по «элитке», которого среди ночи уводят граждане с маузерами.

А зря не задумались. Вероятно, это позволило бы им острее ощутить свое участие в великой судьбе великой страны. Да разрешило бы давний спор с соседом о парковочном месте.

Они пока не понимают, в чем именно заключена для них притягательность образа Иосифа. Возможно, они никогда этого и не поймут. Что, впрочем, не мешает им и дальше тереться «задом о стеклышко».

Иисус Тангейзерович Чаплин

Иисус Х. вернулся в медийное пространство. Благодаря «Тангейзерам» и «Шарли» этот персонаж древнееврейского фольклора существенно освежил свой рейтинг и по узнаваемости почти догнал Милонова, Гундяева и Кобзона.

В связи с этим стал уместен вопрос: а кто он, собственно говоря, такой? И на каком основании его имя разместилось столь близко к титаническим фигурам «русского мира»?

Как выяснилось, внятного ответа на этот простой вопрос не может дать никто. Конечно, есть каноническая характеристика Иисуса Х. Она заключается в том, что очень свирепое божество по имени Иегова неким необъясненным способом — вероятно, минуя влагалище, фаллопиевы трубы и воронку, — вселилось в матку еврейской девочки и зачем-то провело там нормативные девять месяцев пренатального периода.

По всей вероятности, Иегова вынужден был пройти все полагающиеся стадии эмбриогенеза. Родившись обычным порядком, божество получило новое «земное» имя — Иисус, а спустя какое-то время приобрело профессию раввина, т. е. учителя и толкователя Торы, наделенного правом проповедовать в синагогах.

Судя по всему, отчаявшись перевоспитать «избранный народ» с помощью потоков, огненных дождей и массовых убийств, божество решило вразумить их личным исполнением нотаций о любви к ближнему — очень предусмотрительно не конкретизировав, кто этим «ближним» является, а кто нет.

Далее разыгралась драма, типичная для того экзальтированного времени: пиры, предательства, проповеди, исцеления, блудницы, хождения по воде, бичевания, багряницы и хаотичные марширады от одного села до другого.

В итоге всесильное и принципиально бессмертное божество разыграло перед врагами и поклонниками спектакль собственной смерти. Умереть оно не могло никак и ни при каких условиях, о чем знало. Хотя бы в силу того, что являлось всемогущим и бессмертным богом, создателем и управителем всего мира (или же его некоей неотделяемой и единосущной частью). По истечении небольшого срока уже похороненное божество полностью восстановило все свои физиологические функции и в полном здравии предстало перед публикой, после чего, считая свою миссию оконченной,

«вознеслось».

О вознесении, то есть, по всей вероятности, о вертикальном взлете, мы не имеем никаких данных. Евангелия скупко констатируют сам факт «взлета», ни единым словом не конкретизируя скорость божества, его траекторию, направление и другие параметры полета. Строго говоря, перед нами хороший опыт экстремального туризма, но другие персонажи мирового религиозного фольклора проделывали фокусы не менее оригинальные, чем Иисус.

Как видим, вопрос, кто это вообще такой, пока остается без ответа.

Долгое время Иисус Х. фигурировал только в поповских заклинаниях и был мало кому интересен, кроме так называемых «верующих». Впрочем, даже они особо не углублялись в подробности происхождения своего кумира и в его коммерческое значение. К тому, что Иисус Х. регулярно «ходил по рукам» киношников, эстрадников и живописцев, все относились спокойно. У Иисуса неплохо получалось работать «перчиком», без особых затрат принося трагизм в любую ахинею.

Сейчас ситуация поменялась. До церковников наконец дошло, «кто это такой», и красавец Чаплин повел поповские полки на штурм провинциального театра, который решился добавить пикантности в какую-то оперную скукоту.

Следует понимать, что поповские стенания про «оскорбление чувств», как и все на свете, имеют простую финансовую подоплеку. В действительности Иисус Х. является неплохим брендом. Конечно, он не так успешен, как значок «Кока-Колы» или странная козябра General Electric. Но ему не откажешь в узнаваемости и, соответственно, в доходности.

Отметим, что поповская обида на режиссеров, эстрадников и романистов, стригущих раскрученный церковью образ, совершенно справедлива. Именно попы в течение многих сотен лет вкладывались в Иисуса Х., финансируя создание его бесчисленных изображений, а также посвященных ему песен, зданий, речовок и представлений. Теперь они хотели бы пользоваться Иисусом единолично, выжимая из этого бренда все для себя самих.

Тангейзерный скандал показал, что делиться Иисусом попы ни с кем не намерены. Это понятно. Непонятен только дикарский стиль церковников. Вместо того чтобы юридически оформить свое исключительное право «на любые изображения и упоминания» Иисуса Х., они опять начали строчить кляузы, скандалить и потрясать статьями УК.

Надо отдать им все права на этот бренд. Пусть единолично им пользуются. Они это заслужили. Вероятно, образ Иисуса быстро

задохнется в безвоздушном пространстве церкви. Но невелика беда. Мы неплохо знаем те компоненты, из которых он собран.

Невозможно найти образ, который был бы столь же вторичным и собирательным, как Иисус Х. Беззастенчивость, с которой его евангельская «биография» сшивалась из обрывков полузадушенных магий и мертвых культов, можно извинить лишь поспешностью, с которой создавалось новое верование, а также необходимостью набрать хоть какую-нибудь биографическую фактуру для нового божества.

Присмотримся.

От ассиро-вавилонского бога Мардука евангельскому Иисусу достались в «наследство»: шутовская коронация, багряница, избиения, терновый венец, казнь, спасение своего народа от гнева злых духов ценой своей жизни, стражники при гробнице, разбегающиеся в ужасе при виде воскресшего мертвеца, и даже въезд в город на ослике.

От финикийского Адониса и фракийского Диониса — вся история со сброшенными погребальными пеленами, хождение по воде, пещера-гроб, а также некоторые нюансы воскресения.

От фригийского Аттиса — водяное «крещение», превращение воды в вино, трехдневный срок пребывания в смерти перед «воскресением», прощальная «тайная» вечеря с учениками и «причастие».

От греческого Асклепия — способы исцеления слепца при помощи намазывания ему век слюной.

От Гора, Диониса и Гермеса — рождение в хлеву.

От Митры, Гора и Кришны — звездочеты-волхвы, навестившие новорожденного бога в «вертепе», а также рождественская «звезда» и вся история с избиением младенцев и бегством.

«Моральная» часть Евангелий целиком плагиатирована из египетских и митраистских источников, а факт «вознесения» — это всего лишь апофеоз старой доброй левитации, описанной еще Лукианом в его рассказе о «гиперборейских фокусниках».

Отметим, что все упомянутые боги были непорочно зачаты, родились в пещере или в хлеву от матерей-девственниц; всем им демон или злой дух предлагал богатство и власть; все умели ходить по воде, летать и исцелять; все умерли во «искупление» чего-нибудь, а не просто так, и все, разумеется, воскресли.

Идеологи христианства уже давно нашли очаровательное объяснение скандальных «совпадений». По мнению Тертуллиана и прочих «отцов церкви», разумеется, это «козни дьявола и демонов». «Для того, чтобы осмеять Христа и заставить людей считать, что христиане лишь копируют

веру в языческих богов, демоны стали вдохновителями мифологии. Демонам было заранее известно, чему будут учить христиане, и поэтому они измыслили сходные мифы и обряды и коварно разыграли их до евангельских событий» (цит. по: Дж. Б. Рассел. Сатана: восприятие зла в ранней христианской традиции. 1981).

Понятно, что каждое из упомянутых божеств тоже не было самостоятельно и оригинально. Аттис, Дионис, Митра, Озирис и пр., в свою очередь, «сделаны» из элементов своих предшественников, богов еще более ранних и, вероятно, более примитивных, родословия которых уходят к духам неолита.

Разумеется, у любого божества есть свой «срок годности». Иногда он заканчивается вместе с особенностями века, который его породил и культивировал, иногда божество естественным образом утрачивает кредит доверия и аннулируется. А новая эпоха рвет просроченных богов на лоскутья, чтобы сшить из них что-нибудь модное и новенькое. Конечно, сконструировать принципиально новое божество будет очень сложно. Все лоскутья слишком хорошо известны, а набор их ограничен.

Но из этой непростой ситуации все же есть выход. Ищущим символы подлинного драматизма оперным режиссерам, пафосным романистам и культуре в целом следует присмотреться к чукотскому Пивчунину. Этот бог был знаменит своими крохотными размерами — по разным данным, от 3 до 12 см. Своей миниатюрностью он умело пользовался, незаметно проникая под юбки и в *gima prudenti* девственниц. Оказавшись там, разумеется, он совершал непорочное зачатие. Порочное для него было затруднительно по причине небольшого роста.

Дурочка Клио, или Почему историю не следует изучать в школах

Известная фраза «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего» является лишь фигурой речи и не содержит вообще никакого смысла

Распады больших государств хороши уже тем, что наряду с различными драмами они предлагают еще и набор первосортных головоломок. Сегодня тоже все идет как по нотам. Свернувшись калачиком, безропотнодохнет рахитичная экономика. Рядышком, уткнувшись в пустые соски, помирают ее «щенята». То есть всякие там иллюзии, науки, надежды, права, дерзновения и законы. Солдафоны, сияя кокардами и шевеля усами, строятся для своего «последнего и решительного» канкана. Их не смущает тот факт, что в XXI веке канканировать придется не под Оффенбаха, а под Гейгера.

Но помимо этих «мелких радостей», типичных для смуты XXI века, образуются, как мы уже говорили, и весьма любопытные головоломки. Вполне достойные изучения. В частности, к таким относится приступ общенародной злобы, адресованный всему миру вокруг. Эта злоба иррациональна и необъяснима, а скорость ее распространения завораживает. Обычно она именуется красивым словом «патриотизм», но суть ее от этого не меняется. Она остается чистой злобой, чуть подслащенной национальным нарциссизмом и истерической покорностью «начальству». Примерно то же самое уже было в России лет сто назад. Но тогда данный феномен как-то не успели обследовать. (Помешали украшенные пулеметными лентами матросы и другие евреи.)

Такая эпидемия злобы — крайне любопытное явление. Не совсем понятно ее происхождение и причины возникновения. Также остается загадкой, в чем именно она черпает силы для своего триумфального шествия по стране.

Разумеется, некоторую роль в ее распространении играет пропаганда. Но эта роль не так велика, как принято думать. Как известно, порнографический журнал способен вызвать эрекцию, но он никому не может вырастить пенис. Не следует записывать в распространители эпидемии и церковь. Конечно, возбуждение злобы — это прямая

обязанность данной организации, но влияние церкви остается ничтожным. Бедняга Гундяев как сидел, так и сидит, обнявшись с одним-единственным процентом рейтинга «народного доверия».

Подозрительно легкий ответ на наш вопрос о происхождении истерической покорности русских своему начальству предлагает социология. Действительно, согласно ВЦИОМу, через много лет метаний и страстей, в 2015 году российское общество застыло в знакомых цифрах: 85 % покорных и 15 % непокорных. Напомню, в течение очень долгого времени примерно таким было соотношение крепостных людей и свободных граждан в царской России.

Согласитесь, аналогия многозначительная и весьма лестная для современных вольнодумцев. Но! Эта версия не может быть поддержана данными генетики. Скорее, наоборот: ДНК не занимается такими пустяками, как передача сословных особенностей. Так что эту гипотезу придется отбросить, а схожесть цифр списать на забавное совпадение.

И все же попробуем разобраться в этом феномене. При этом мы обязаны помнить, что наши «вычисления причин» могут быть и ошибочными. Ведь простое мышление — это худший вид математики. Используя его, мы обречены заменять точность чисел скудными словами и размытыми понятиями. Даже если, следуя правилам математики, мы будем скрупулезно удалять из мышления все «личное», то все равно возможна любая досадная ошибка. И все же попробуем.

Итак. В чем же причина той эпидемии злобы, которая называется «патриотическим подъемом»? На первый взгляд все очень просто. Существует ясная взаимосвязь: чем ниже уровень интеллекта особи, тем выше ее потребность ощущать свою принадлежность к сильной и многочисленной стае. Это нормальное свойство homo, унаследованное от тысяч предковых поколений. Чем стая свирепее и бесстыднее, тем сопричастность к ней становится слаще. Возникает культ стаи, разоблачать который бессмысленно. Отметим, что к слову «стая» мы можем подобрать любой эпитет: «народ», «нация», «отечество». Суть от этого не изменится.

Но!

Не всегда все складывается, как хотелось бы homo. По разным причинам «родная» стая может быть сконфужена, ослаблена или «опущена». В этом случае особи логично было бы примкнуть к другому, более успешному сообществу и вновь обрести «комфорт сопричастности». Но это не всегда возможно, так как языковые, финансовые и географические нюансы препятствуют легким переходам из одной стаи в другую.

Что же делать в таком случае? Есть ли лекарство, позволяющее утолить эту «национальную боль», которая может быть и весьма острой? Разумеется, есть. Если сегодняшние успехи стаи весьма скромны, то в ход идет так называемая «история». Рисуя величавые картины давнего и недавнего, она, вопреки любой очевидности, помогает особи вновь ощутить себя частью сильного и агрессивного сообщества, испытывающего лишь временные трудности. В этом и заключены волшебная сила и притягательность истории, а также ее основная функция.

Дело в том, что почтительная страсть к прошлому не имеет никакого другого рационального объяснения. Более того, с точки зрения здравого смысла уважение к прошлому можно характеризовать только как странное извращение.

Поясним. Вспоминая Наполеона или Суворова, мы, конечно, можем умиляться блеску пуговиц на их мундирах. Но при этом не следует забывать, что речь идет о существах, находящихся на гораздо более низком уровне человеческой эволюции. Ведь «человек» — это только то, что он знает. А этим персонажам было неведомо еще слишком многое из того, что сегодня стало общим местом. Соответственно, их восприятие мира, их рефлексия и поведение были существенно примитивнее нашего.

Тем не менее культ истории силен и популярен. Причина этой популярности отчасти понятна. Теперь давайте рассмотрим качество самого культа.

Дочь Мнемозины и Зевса тихая девочка Клио задумывалась греческими мифологистами как особа строгая и благопристойная. Ей вменялось в обязанность держать грифель и свиток, а также важным девичьим голосом перечислять заслуги забытых мертвецов. Конечно, она должна была хорошо выглядеть, но при этом не позволять никому задирать свой мраморный подол. Так бы оно, вероятно, и было, если бы Клио, как ее сестрица Урания, стала богиней астрономии или опекала трагедию, как Мельпомена. Но девочка на свою беду стала богиней истории. Тут-то и выяснилось, что, по известным причинам, ее хотят все, так как всем нужно героическое прошлое. Подлинное или вымышленное.

Три тысячи лет непрерывных изнасилований изменили характер «девочки со свитком». Клио научилась по щелчку пальцами принимать нужные позы. А в зависимости от глубины пенетрации — издавать оргазмические крики строго в соответствии с пожеланиями насильника.

С известной долей уверенности можно утверждать, что не менее 99 % так называемой «истории» является просто ссылками одних фантазеров на других. История так и не приобрела ни одного признака науки: она не

содержит в себе никаких проверяемых и повторяемых компонентов и не может быть подвергнута экспериментальному анализу. Да, есть артефакты, раскопочный материал и материальные свидетельства. Но, как известно, трактовать их можно любым удобным образом.

По всем параметрам история является всего лишь разновидностью беллетристики, специально приспособленной для утешения наций в их трудные минуты. А вот подлинное прошлое человечества, выдавленное нужными и красивыми мифами, по всей вероятности, утрачено уже безвозвратно.

Возьмем ближайшее к нам масштабное историческое событие — Вторую мировую войну. Даже здесь мы увидим, что большая часть фактов уже успешно и непоправимо деформирована. Мясники и мародеры превращены в великих полководцев, реальные герои подменены удобными, а важнейшие причины победы аккуратно забыты.

Если мы двинемся чуть глубже в века, то обнаружим возрастание этой деформации фактов. Здесь уже присутствует полная перелицовка самого смысла событий. К примеру, трагическое, но от этого не менее позорное поражение русской армии при Бородине превратилось в «победу русского оружия». Конечно, тут не обошлось без Толстого и других переплавщиков исторической фактуры в беллетристику. Впрочем, то, что было не по зубам историкам, всегда удавалось литераторам.

Вспомним Лжедмитрия. Почти за сто лет до Петра I он начал реформировать Россию: открыл границы, разрешил хождение всех валют, узаконил музыку и живопись, выписал ученых из Польши и Германии, запланировал создание университетов, отобрал у попов доходы, переименовал Думу в Сенат, начал реформу армии. Но для поэта Пушкина Лжедмитрий — это грязный Гришка, примитивный авантюрист, пытавшийся изувечить лик «святой Руси». А вот Петр I, который делал ровно то же самое, что и Лжедмитрий, — герой и гений.

Как это могло получиться? Очень просто. На тот момент уже сложилась «культурная традиция» восхищения Петром и возмущения Лжедмитрием. Как можем убедиться, эта традиция водила поэта на очень коротком поводке, по своему усмотрению заставляя его либо облизывать, либо облаивать различных персонажей.

Исходя из всех этих хрестоматийных примеров, мы вправе предполагать, что по мере еще большего «углубления в прошлое» деформация фактов возрастает в геометрической прогрессии, полностью искажая и перекраивая все, что возможно. Вероятно, мы никогда не узнаем, какой в действительности была русская история.

Это досадно, но никакой трагедии в этом нет. Мы понимаем, что знание предковых форм не является обязательным условием для продолжения развития вида. А для публики есть специфический миф, успешно утоляющий ее «национальные боли». Миф свирепый и примитивный, выстроенный лишь на крови, хвастовстве, штыках, безостановочном грабеже соседей и невиданном «величии». Вероятно, это именно он и питает очередной приступ общенародной злобы. Снять приступ возможно. Но для этого необходимо удалить или радикально изменить сам миф, который русские всерьез считают своей «исторической памятью». Лучше, конечно, этого не делать, так как взамен этого мифа предложить нечего. Но, в очередной раз щадя его, все же следует помнить, что у такого «прошлого» всегда хватит сил удавить любое будущее.

Теория и практика кощунства. Часть 1

У всех культов и религий есть одна небольшая проблемка. Она заключается в отсутствии бога как такового, а также любых косвенных признаков его существования.

Эта досадная мелочь, конечно, нервирует верующих. Правда, не всегда. Они сами уже научились мириться с этим фактом, но очень переживают, когда о нем узнают другие. Верующим кажется, что когда открывается истинное положение дел, то они со своими свечками, культом вяленых мертвецов и чалмами выглядят глуповато.

Секрет отсутствия бога, конечно, можно маскировать невнятицей пышных обрядов, ритуальными танцами или демагогией про «духовность».

Можно. Но только до определенной минуты. А она рано или поздно приходит, и тогда практическое отсутствие божества становится очевидно всем и каждому. Согласитесь, для верующего это не слишком приятное мгновение. Выставленный дурачком, он, как правило, впадает в бешенство, которое (в меру его испорченности) может быть реализовано как через простой скандал, так и через очередь из АКМ.

Есть много различных способов обнажить пикантный факт богоотсутствия. Но универсальной способностью расставить точки над *i* в этом вопросе обладает лишь хорошее, сочное кощунство.

Почему? Потому что, напрямую задев личное достоинство бога, кощунство, по идее, должно спровоцировать его на немедленные ответные действия.

По сути, бог получает подзатыльник. Конечно, он может поджать хвост и промолчать, но для существа с таким грозно-кровавым имиджем, как, например, у иудео-христианского бога, это не слишком приличная поза. Безмолвие и бездействие божества в этом случае работает на его десакрализацию, т. е. на рассвящивание. Рушится профессиональная репутация бога, крепко вколоченная в сознание публики.

Сочинители религий списывали основные черты богов с самих себя. Поэтому мстительность, мнительность и истеричность стали характерными особенностями и сверхъестественных персонажей.

Конечно, есть вариации. Есть культы помягче и пожестче. Но вот иудаизм, христианство и мусульманство давно попали в капкан собственной пропагандистской кампании. Они, в отличие от других религий, отрезали себе всякие пути к отступлению, придумав для себя не

просто очень злобного, но еще и чрезвычайно капризного бога. Их бог начисто лишен чувства юмора, а 80 % его лексики — это шантаж и кровавые угрозы.

Конечно, все божества, от буддийской Палден Лхамо до чукотского Пивчунина, склочничают, истерикуют и истребляют людей. Но Зевс хотя бы периодически отвлекается на осеменение зазевавшихся гречанок, Палден часть времени тратит на пошив аксессуаров из кожи сына, а вот у библейского бога нет никаких других занятий, кроме самолюбования и запугивания бедных homo. Самоутверждается он исключительно посредством массовых убийств и распальцовок. И то и другое, судя по Библии, имело сумасшедший успех у скотоводов древности:

«И изолью на тебя негодование мое,дохну на тебя огнем ярости моей... Ты будешь пищею огню, кровь твоя останется на земле, не будут и вспоминать о тебе ибо, я, господь, сказал это» (Иезекииль 21–31,22).

«И будете есть плоть сынов ваших и плоть дочерей ваших будете есть» (Левит 26–29)

«Старика, юношу и девицу и младенца и жен бейте до смерти» (Иез. 9–6.).

«Кто вдали, тот умрет от моровой язвы; а кто близко, тот падет от меча, а оставшийся и уцелевший умрет от голода... и узнаете, что я — господь...» (Иезекииль 6-12,13).

Даже ничем не обиженный, этот бог кидается с неба камнями, поливает людей огнем или насылает на них эпидемии, войны и несчастья. (Нав. 10–11).

Он может засушить дерево, не обнаружив на нем в марте месяце плоды, а даму, оглянувшуюся на свой пылающий дом, щелчком пальцев превращает в соляной столп. (Мтф. 21–19; Бытие 19–26).

Без всяких причин он уничтожает целые города и вырезает народы, а в один прекрасный момент устраивает массовое убийство всего человечества в целом. В водах всемирного потопа библейское божество хладнокровно топит всех, включая грудничков, беременных дам и древних старух, сделал исключение лишь для своего доверенного лица по имени Ной.

Отметим, что Библия предлагает нам очень специфическую картину бедствия. Все внимание акцентировано на кораблике, где уютно расположились зверюшки и Ноево семейство. Сотни тысяч, а возможно, миллионы детей и взрослых людей, мучительно умирающих в этот момент, удостоены лишь небрежного упоминания: «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота...» (Быт. 7-23).

Невинная шуточка деревенских детей в адрес его другого доверенного

лица (пророка Елисея) тоже вызывает немедленную реакцию бога. Но поскольку он все время изобретает какие-нибудь новые способы убийств, то малышей не жгут серой и не топят, а рвут медведицами. «И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (4 Царств, 2-24).

Бог и медведицы после этого, вероятно, меланхолично ковыряют в зубах, предоставив матерям собирать и оплакивать останки разорванных детишек.

Вообще, согласно «священному писанию», дети — это особая слабость христианского бога. Он любит и умеет их уничтожать.

Мы правда не знаем, каким именно образом бог убил всех первенцев в Египте (Исх.12–29). Но массовый забой младенцев — это именно его имиджевая акция, к которой он тщательно готовился, обсуждая ее с Моисеем. «Священное писание» христиан дипломатично сообщает лишь о том, что «сделался великий вопль в земле Египетской, ибо не было дома», где не было бы маленького мертвеца.

Любил бог оттянуться на грудничках (1 Царств 6-19, Пс.136-9), но не обделял вниманием и внутриутробников (Осия 14-1). По этому поводу в книге пророка Осии употребляется особо пикантное выражение — «рассечь беременных».

Впрочем, разорванные дети, массовые убийства и насылания эпидемий — это штатный репертуар. Просто для поддержания в публике должного градуса «страха божия» и непреходящего напоминания о «величии его». Настоящая истерика божества начинается тогда, когда он в той или иной форме получает подзатыльник. Т. е. становится объектом насмешек или прямого глумления.

Естественно, никто из персонажей «священного писания» не называет бога «идиотом». Никто не рисует на него карикатур. Древнееврейские кощунства имеют весьма деликатную природу. Но! Даже попытка просто заглянуть в «ковчег завета» вызывает немедленную и очень злобную реакцию бога: «И поразил он жителей Вефсамиса за то, что они заглядывали в ковчег и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек» (1 Царств 6-19). Забавная выходка мальчишек Надава и Авиуда, осмелившихся воскурить какой-то не тот ладан, приводит к тому, что «и вышел огонь от господа и сжег их и умерли они перед лицом господним» (Левит 10-2).

Мы можем предъявить множество таких примеров, на даже и этих достаточно, чтобы составить представление о характере и наклонностях Иеговы-Саваофа-Иисуса. В течение двадцати веков его имидж молниеносного и беспощадного карателя тщательно поддерживался и

культивировался церковью.

Естественно, любая невинная шуточка в адрес бога должна и сегодня гарантировать нахалу превращение в пригоршню праха. Причем немедленно. А уж в случае прямого оскорбления «божьего величества» должны треснуть небеса, а архангелы — извлечь мечи огненные и порубить нечестивца на сотню обжаренных кусочков.

Расщепление культовых досок (икон) на вернисаже должно было бы завершиться потоками пылающей серы с небес. А песенка в ХХС — мгновенным разрыванием кощунниц, по меньшей мере, надвое. Но... звучат песенки «пуссей», летят иконные щепки, скрипят фломастеры «Шарли» — и ничего не происходит. Не летят шестикрылые серафимы и не разверзают небес шестнадцатиглазые херувимы. Многократно обещанное Библией кровавое шоу оказывается всего лишь древнееврейской сказкой. Такой же глупой и злой, как и фигура ее центрального персонажа.

Этот момент для всякого «верующего», выдрессированного в убежденности, что бог всемогущ, всеведущ, а главное, крайне свиреп, почти невыносим. Конечно, ему тоже очевиден признак «отсутствия». И тогда он собственной суетой пытается замаскировать ту нестерпимую тишину и будничность, что наступает после кощунства. И он заполняет ее воем миллионного митинга, автоматными очередями или голосом Марины Сыровой.

Верующих можно понять. Им очень не хочется выглядеть дураками, впустую потратившими жизнь на долбежку лбом об пол и поцелуи с сушеными трупами. Имея некоторый религиозный опыт, они точно знают, что в результате кощунства ничего не произойдет, и берутся сделать за своего бога его «работу».

Ситуацию подогревают попы. Когда обычными способами факт отсутствия бога завуалировать уже не удастся, то сочиняются новые статьи Уголовного кодекса, разжигаются костры, а верующим придумывают некие «особые чувства», которых нет у других людей. Эти «чувства» сегодня неплохо заменяют бога, сами становясь объектом поклонения.

О том, существуют ли эти «чувства» на самом деле, мы поговорим во второй части нашей статьи.

P. S.

Существует стереотип, основанный на каноническом и догматическом невежестве. Верующие наивно делят Ветхий и Новый Завет, вероятно, предполагая, что в них идет речь о разных богах. Отнюдь.

Особая пикантность ситуации заключается в том, что Иисус и разрыватель детишек медведями — это один и тот же бог, в зависимости от

конъюнктуры меняющий имена и т. н. «сущности».

В христианстве не три бога и не два. Он один.

Теория и практика кощунства. Часть 2

Прежде чем поцеловать попу руку, подумайте, что он делал ею пять минут назад

Когда звучит простой вопрос: «А можно ли оскорблять чувства верующих?» — скисают даже самые прожженные либералы. Идеологические шпажки тут же запихиваются в ножны. Наступает время оговорок, десятков различных «но» и расшаркиваний. В результате получается невразумительное блеяние, не содержащее вообще никакого ответа.

Хотя ответ на этот вопрос предельно прост: на тех территориях, где не существует прямого законодательного запрещения на такое оскорбление, делать это, несомненно, можно. Более того, нужно. И даже необходимо.

Конечно, есть территории, избравшие своим уделом интеллектуальную деградацию или не имеющие никаких амбиций развития. Их список известен: Бангладеш, Россия, Нигерия, Афганистан и другие державы, ориентированные на самобытность и духовность. Там законы, защищающие «чувства верующих», разумеется, используются и применяются.

В кодексах развитых стран подобные запрещения иногда встречаются (в виде юридических окаменелостей), но в основном цивилизованный мир следует решениям Венецианской комиссии при Совете Европы, давно рекомендовавшей «исключить кощунство из числа правонарушений».

Смысл этой рекомендации понятен. Дело в том, что право на кощунство — гораздо более важное право, чем это кажется на первый взгляд. Кощунство — существенная компонента свободомыслия, позволяющая лаконично выразить свое отношение к набору тех архаичных нелепостей, что лежат в основе любой религии. Более того, публичное кощунство является прекрасным способом напомнить верующим, что они не единоличные владельцы мира, культуры и информационных пространств. Что помимо их воззрений существуют и диаметрально противоположные.

Это напоминание полезно и для самих верующих. Дело в том, что в благоприятных средах они быстро забываются и теряют ориентиры поведения. Что впоследствии неминуемо приводит к драмам. Мы многократно наблюдали, как попы сперва суют всем под нос руки,

назойливо требуя поцелуев, а потом обижаются, созерцая свои окровавленные культи. Периодически натываясь кадыком на клинок атеизма, верующие трезвеют и «возвращаются в берега». Это сохраняет балансы и позволяет избежать неприятных эксцессов.

Возвращаемся в нашу тему. На территории РФ мы, к сожалению, лишены возможности публично кощунствовать. Почему мы говорим «к сожалению»? Потому что сегодня нам необходимо выяснить, существуют ли у верующих некие особые «чувства». Конечно, это проще было бы сделать на каком-нибудь живом примере. На минуточку запустив механизм кощунства, мы бы легко разглядели и конструкцию пресловутых «чувств». Верующие выучены отзываться на такие провокации и своей реакцией всегда предоставляют превосходный исследовательский материал. Но! По известным причинам (148-я ст. УК) мы не можем этого сделать, а поэтому будем рассматривать механизм «кощунство — оскорбление чувств», ни в коем случае не приводя его в движение. Так сказать, в статике. Впрочем, и выключенный, этот механизм тоже понятен, а ковыряться в нем пинцетом логики еще удобнее.

Итак. Предположим, что «чувства верующих», т. е. некие неведомые науке и недоступные другим людям ощущения, действительно существуют. В таком случае мы имеем дело с феноменом. С паранормальным явлением, достойным тщательного изучения. Практически каждый «верующий» утверждает, что наличие таких «чувств» радикально отличает его от всех остальных людей. Это серьезное заявление. Отметим, что сегодня оно является претензией на целый набор существенных привилегий.

Какова же природа этих «чувств»? По логике вещей они должны быть приложением к тому комплексу догматов, с исповедания которых начинается всякий верующий. Но если это так, то они должны быть неизменны точно так же, как само христианство. И иметь столь же древнее происхождение. В этом случае оскорбительное для верующих IV века должно столь же сильно оскорблять поклонников Иисуса и в семнадцатом столетии. А то, что было нестерпимо для христиан X века — непременно должно «сработать» и в XXI. Так ли это? Посмотрим.

Начиная с III века христиан смертельно оскорбляли Гомер, Эврипид, Софокл, Эсхил, а также вся античная классика. Почему? Да потому что эти авторы в своих сочинениях упоминали или прославляли языческих богов. Посему Гомера и прочих Софоклов запретили преподавать в школах, а их сочинения сжигались, закапывались в землю или соскребались с пергаментов. Тех, кто осмеливался их декламировать или просто читать, убивали. Бесконечное количество книг, содержащих имена Озириса, Зевса,

Гермеса, Марса и других конкурентов Иеговы-Иисуса, было уничтожено.

Афиней Навкратисский в своем «Пире философов» называет относительно точные цифры: он пишет, что примерно 800 имен античных писателей и ученых и около 1500 их произведений были утрачены навсегда в период расправы последователей Иисуса с античной литературой.

В 391 году епископ Феofil дожег Александрийскую библиотеку. Там оставалось порядка 26 000 томов «оскорбительной» литературы. Благочестивейший Валент приказал специально собрать по всей Антиохии книги дохристианского периода и уничтожить «без всякого следа». Папа Григорий I в 590 году издал декреталию, обязывающую покончить с «мерзостью» Гомеров, Апулеев и Демокритов. В ворохах сжигаемых книг частенько находилось местечко и для ученых того времени.

Хотя надо отдать должное христианам: в ту пору они еще любили разглядывать мучения своих оскорбителей и предпочитали убивать их каким-нибудь бездымным способом. Например, срезая с них мясо острыми ракушками. С живых. Именно так им удалось покончить с первой женщиной-астрономом Гипатией, убитой по распоряжению св. Кирилла Александрийского.

Надо сказать, что не только книги, но и вся античная культура «оскорбляла чувства верующих во Христа». Последователи «пресладкого бога» сносили храмы, дробили статуи, смывали фрески, крошили камеи и скалывали мозаики.

Спустя всего несколько веков мы видим представителей этой же веры, любовно коллекционирующих древнеримское и греческое искусство. Они уже мастерят стеклянные капсулы для камей с Аполлоном и сдувают пылинки с мраморных глаз Афины. По какой-то загадочной причине то, что так сильно терзало верующих и причиняло им «душевные муки», становится объектом их же восхищения, изучения и торговли.

Здесь становится правомерным первое сомнение в наличии неких особых «чувств», остро и напрямую связанных с верой.

Дальше все развивается еще любопытнее. Наступает минута, когда самым сильным оскорблением чувств верующих становятся... иконы. На секундочку заглянем в православную Византию VIII века. Гомер уже никого не волнует. Зато мы видим огромные костры из икон. Видим иконописцев, которым в наказание за их творчество отрубили пальцы или сварили руки в кипятке. 338 православных епископов на соборе 754 года (во Влахернской церкви) объявляют иконы самым страшным оскорблением религии и требуют их полного уничтожения. Православные толпы рыщут по всей Византии, выискивая повод оскорбиться посильнее. Они его легко

находят, так как иконы есть в каждом доме. Тому, у кого в доме обнаруживают живописное изображение Иисуса Иосифовича или его мамы, эту икону разбивают об голову. После разбития крупные фрагменты некогда священных досок заколачивают в зад их владельцев. Или в глотку. Ставится на поток и глумление над образами. Поверх ликов на иконах рисуются свинособащьи или «иные демонские рыльца».

338 православных епископов потирают лапки и еще усерднее зажигают верующие толпы, в красках расписывая нюансы той душевной боли, которую должна причинять истинно верующим иконопись. Но через несколько лет все меняется волшебным образом. 338 православных епископов, пошушукавшись, вновь берутся за дело — и по всей Византии начинается облава на тех, кто колот иконы и варил в кипятке руки живых иконописцев. В результате тех же самых православных, которых оскорблял факт существования икон, начинает оскорблять даже мысль об их сожжении или раскалывании. Начинается новый поиск виновных. Их находят без всякого труда и поят свинцовыми расплавами. Византийский пейзаж украшается трупами с выжженными ртами и внутренностями. Это — кощунники-иконоборцы. Теперь именно они вызывают ненависть христиан. Ровно такую же, как несколько лет назад вызывали иконописцы и иконостасы. 338 православных епископов светятся счастьем, а иконы вновь объявляются особо почитаемыми предметами. Наигравшись в иконоборчество, верующие устремляются на поиски новых поводов оскорбиться.

Разумеется, сравнение христиан с бандерлогами, которые, погромив и напакостничав, быстро теряют интерес к объекту погрома и бегут искать новые, более сильные ощущения, не слишком корректно. Пока воздержимся от него. Посмотрим, что было дальше.

А дальше было еще интереснее. Христиане начали оскорбляться вообще на все, что попадалось им под руку: на астрономию, химию, книгопечатание, палеонтологию и ботанику. На открытие аптек, электричества и рентгеновских лучей. Опустим хрестоматийные и всем известные примеры Де Доминиса, Бруно, Бюффона, Мигеля Сервета, Шарля Этьена, Ивана Федорова, et cetera. Рассмотрим менее известные, совсем недавние скандалы.

Самое начало XIX века. Оскорбленные анатомией русские семинаристы под водительством казанского епископа Амвросия врываются на анатомическую кафедру Казанского университета, громят учебные коллекции, а все, что остается не расколото и не затоптанного, сбрасывают в специально заготовленные гробы, отпевают и хоронят под

колокольный звон и пение.

Середина XIX века. Верующим нанесено новое страшное оскорбление: огромные кости, которые, по их мнению, служат доказательством существования описанных Библией великанов (Быт. 6–4, Числ. 13–34), наукой объявлены останками древних ящеров. Ученых прямо обвиняют в кощунстве, умалении авторитета «священного писания» и посягательстве на «основы благочестия».

Конец XIX века. Теперь верующие возмущены тем, что гинекология может стать легальной отраслью медицины. Возможность разглядывания, обсуждения, изучения и изображения *gima pudendi* приводит их в невероятную ярость. А спустя всего 50 лет христианки, сидя в гинекологических креслах, весело машут билетиками в ставшие модными палеонтологические и анатомические музеи.

Много столетий верующие имели возможность решать любые вопросы с помощью костров. Когда у них отобрали спички, они ринулись в юридические бездны, требуя защиты своих особых «чувств» особыми законами. Перечислить все, что на протяжении двадцати веков вызывало их истерики, практически невозможно. Это изобретение железных дорог, радио, авиации, бурение скважин и объяснение происхождения видов. Сегодня мы можем с уверенностью утверждать: все, что когда-то оскорбляло религиозные чувства, обязательно становилось гордостью человечества.

Но дело даже не в этом. Нас больше беспокоит тот факт, что оскорбленность верующих каждый раз вызывалась некой новой причиной, а через некоторое время проходила без следа. Более того, всласть пооскорблявшись, христиане оказывались очень активными и благодарными пользователями того, что недавно причиняло им такую «душевную боль».

При всем желании мы не видим никакой связи их «чувств» с догматами их веры или другими паранормальными фактурами. Мы видим лишь обыкновенную людскую злобу, умело направляемую их идеологами то на одно, то на другое. Эта злоба пририсовывала в VIII веке свиное рыльце Христу на иконах, в XVI заставляла громить первую в России типографию, а в XIX травила Дарвина. Приглядевшись еще пристальнее, мы можем заметить (помимо злобы) нетерпимость к инакомыслию и новациям. Несомненно, злоба и нетерпимость — это сильные чувства. Но они не являются уникальными и не дают прав на привилегии.

Даже этот краткий анализ позволяет (с известной уверенностью) утверждать, что «особые чувства» верующих являются фикцией. Таким же

надуманным и искусственным понятием, как и сама вера.

Дело в том, что религиозность не есть врожденное и неизбежное свойство человека. ДНК не занимается такими пустяками, как передача конфессиональной принадлежности. Вера — это всегда результат внушения, научения или подражания. Она всегда обусловлена условиями среды обитания и обстоятельствами. Точно так же обстоят дела и с «оскорблением чувств». Если верующего не выучить оскорбляться, то он никогда и не будет этого делать.

Давайте рассмотрим это утверждение на очень простом примере. Для максимальной наглядности нашего мысленного эксперимента возьмем фигуру главного христианина России, ревнителя православия Владимира Гундяева, известного под церковным псевдонимом «патриарх Кирилл». Предположим (бывает всякое), что маленького Володю в возрасте двух-трех лет украли бы цыгане. И, заметая следы, перепродали бы в другой, дальний табор. А оттуда — еще дальше. Госграницы для цыган понятие условное. Посему перепродажи кудрявого малыша могли бы завершиться в Ассаме, Бихаре или другом штате прекрасной Индии. Разумеется, воспитанный джунглями, Володя был бы совершенно другим человеком. Он не знал бы своего настоящего имени. Его родным языком стал бы бенгальский. Ни о каких Христах, дикириях и кафизмах он не имел бы ни малейшего представления. Его богами стали бы слонолицый Ганеш, многорукая Кали и обезьянка Хануман. Его чувств никогда не оскорбила бы шалость «Пуссей». А из щепок спиленного «Фемен» креста наш герой сложил бы костерчик и весело зажарил на нем жирную праздничную кобру.

Теплый сосочек для хунвейбина

Необходимо строить второй Московский Кремль. Существующий маловат. Он явно не в состоянии обеспечить всех желающих поучаствовать в обряде лизания кремлевских стен.

Даже до появления хунвейбинов Хирурга там было тесно.

Ряженные казачки отпихивали православных писателей. Журналисты-державники теснили ожесточенно лижущих хоругвеносцев, а бородавчатые коммунисты грубо толкали ура-аналитиков.

Разумеется, эти действия свершались под наблюдением прапорщиков, но неприятные инциденты все равно имели место. Черносотенцы умышленно повредили язык Кургиняну, а лимоновцы силой захватили лизательный участок георгиевцев.

Теперь к лакомым кирпичам прорвались еще и хунвейбины.

Конечно, помимо очевидного патриотического, это действие имеет и секретный смысл. Все участники процесса убеждены, что в древних стенах, построенных итальянцами, есть теплые волшебные сосочки, способные снабжать сосущего счастьем и материальным благополучием. Главное — до них долизаться.

(Эта мысль, кстати, не так абсурдна, как кажется на первый взгляд.)

Но все это лирика. Главное, что в России теперь есть хунвейбины. Они очень похожи на своих китайских предшественников. Целями, уровнем развития и массовостью.

Хунвейбины — это именно то, чего так не хватало сегодняшней России для полноты картины. Теперь физиономия страны окончательно приобретет мужественные орочьи черты.

Примечательно, что хунвейбины появились именно тогда, когда «уличный вопрос» был окончательно снят. Скулящий протест Болотной схлопнулся. Остались лишь одиночки, готовые в знак протеста против повышения цен в общественных туалетах выйти и молча помочиться себе в штаны.

Понятно, что всякая расправа является очень соблазнительным мероприятием. Даже с описавшимися.

Но!

Голова робкого интеллигента, который еще осмеливается быть чем-то недовольным, как известно, не является безразмерной. Она просто не способна принять на себя больше семи резиновых дубинок одновременно.

А это количество вполне обеспечивают легионы ОМОНа.

Где на интеллигентской голове найдется местечко еще и для хунвейбинского кулака — пока непонятно. Ищут, думают. Но это вопрос технический, и он, конечно, будет решен.

Конечно, возникновение широкого движения хунвейбинов дискредитирует Россию как полицейское государство. Остается надеяться, что баталий между хунвейбинами и полицией за право избить парочку студентов все-таки не случится.

Забавно, но все это уже когда-то было. Чем закончилось — знаем. Черносотенцы 16–17-го годов, приводившие себя в экстаз кричалками про «веру, царя и отечество», тоже очень любили украшаться космами, бородами и бляшками по всему туловищу.

Их мужества, конечно, хватило на пару еврейских погромов. Но в основном они были заняты битьем стекол и избиениями безоружных журналистов.

В семнадцатом году они разбегались, переодевшись курсистками и горничными. Новым хунвейбинам (в случае чего) будет сложнее. Им придется удирать, гремя осыпающимися с задов заклепками. Это может их выдать, так что костюм таджикского маляра будет оптимальным решением.

Забавно, что для той реальной опасности, которая существует для нынешней власти, никакие Хирурги не помеха. Под одной ее пяткой хватит места для всех мотоциклистов России. И она даже не расслышит их хруста.

Вера с ручкой

Если человек не хочет, чтобы над его религией смеялись, он всегда может выбрать себе не такую смешную религию

События на rue Nicolas Appert, 10 очень забавно вздыбили просвещенную публику. Сегодня европейская общественность марширует, негодует, рыдает, возлагает, утирает, заламывает, а также замирает в минутах молчания. Все это сильно напоминает житие святой Прозалирии.

Как известно, святая дама тридцать лет не снимала свои монашеские наряды. Ни днем ни ночью. А когда по какой-то причине она наконец разделась, то с ужасом обнаружила у себя груди, недурной зад и другие анатомические аксессуары явно греховного предназначения. Св. Прозалирия не смогла смириться с этим безобразием, глубоко оскорбившим ее религиозные чувства, и бросилась в монастырский колодец. Утопиться ей не удалось, так как колодец оказался узковат и святая, разумеется, застряла, не долетев до воды.

Примерно то же самое мы видим и сегодня, но уже в исполнении г-д Олланда, Меркель, Кэмерона, а также всей многомиллионной массовки, скорбящей по карикатуристам из «Шарли». Вся эта просвещенная публика (в той или иной степени) долго привечала различные религии, любила поговорить о «вере», «духовности», а также о христианских, исламских или буддийских вечных «ценностях» и их значении. И вдруг с изумлением выяснила, что терроризм — это непереносимая и обязательная составляющая любой хорошо разогретой «веры». Непонятно, откуда возникла иллюзия того, что религия бывает без терроризма? Без попыток распространить свои взгляды и идеалы при помощи крови, страха, злобы и принуждения?

Последние две тысячи лет «вера» только этим и занималась, заливая мир кровью, озаряя его кострами и генерируя ненависть людей друг к другу «по признаку отношения к тому или иному божеству». Разденьте любую религию — и под сусальными покрывалами словес о «любви» и «смирении» вы в первую очередь обнаружите непримиримую злобу ко всем, кто осмеливается думать иначе, чем предписано «верой».

Даже нам, не видевшим тех костров, на которых христиане заживо жарили беременных женщин, все же довелось посмотреть на христианскую злобу в ее натуральном виде. Давайте вспомним Брейвика, процесс над «Пуссями», погромы выставок и непримиримую риторику обнаглевших

попов.

Откройте Библию — и вы своими глазами увидите учебник примитивного экстремизма, пропагандирующий насилие, убийство, ненависть по религиозному, национальному, расовому и всем прочим возможным признакам. Кстати, именно Библия первой возвела убийства детей и инвалидов в добродетель. (Об исключительной «глубине» и «мудрости» этого сборника древнееврейских кровавых сказок очень любят рассуждать именно те, кто Библию никогда не читал и плохо представляет себе, что именно там написано.)

До сих пор существует наивная уверенность, что религия учит какому-то «добру». Эта иллюзия может быть основана только на невежестве или на умышленном игнорировании истории церквей, вер, конфессий и народов.

Приведем самый простой, хрестоматийный пример, который по факту невозможно оспорить.

В России религия безраздельно царствовала почти 1000 лет. Никто не смел мешать ей воспитывать русских по своему усмотрению. Как известно, в результате этого воспитания, возвращенный на чистой «вере», «народ-богоносец» в 1917 году пошвырял попов с колоколен, с особым удовольствием перенасиловал и убил поповских дочек, а заодно расстрелял и растерзал всех, до кого смог дотянуться. Напомним, что никаких других людей, кроме как крещеных, воцерковленных, катехизированных и причащенных, в России 1917 года просто не было и быть не могло.

Такого рода глобальными фактами переполнена мировая история.

А уж простой терроризм — это вообще обиходный инструмент всякой «веры». Она легко достает его из «широких штанин» и весьма эффективно применяет при первом же удобном случае.

Религиозный терроризм бывает локальным, как в случаях с Джордано Бруно, Мигелем Серветом, башнями Всемирного торгового центра, Гипатией, «Пуссями» или с редакцией «Шарли». Причем неважно, имеет или нет религиозный террор судебную оболочку. В Пакистане тоже «судят» изнасилованных девочек, прежде чем забить их камнями.

Бывает терроризм и помасштабнее, когда организуются крестовые походы, сжигания староверов, истребления катаров и альбигойцев, массовые удушения гяуров, насильственные крещения целых народов, уничтожения библиотек и цивилизаций.

Мусульмане, кстати, что-то мельчают. Совсем недавно по тому же самому «религиозному признаку» они легко вырезали целые города и страны. И им для этого не требовался формальный повод в виде каких-то карикатур.

Надо сказать, что ислам в своей беспросветной жестокости не слишком оригинален. Он всего лишь примерный ученик христианства. Родившись на 600 лет позже, он по-деловому аккумулировал тот опыт «религии любви», который имел счастье наблюдать и испытать на себе лично.

Сейчас тема оскорбления «чувств верующих» стала особо модной. Что имеется в виду под этими «чувствами», совершенно неясно, так как наличие или отсутствие религиозной веры в принципе недоказуемо. Конечно, есть известный евангельский тест, предлагающий передвинуть взглядом гору, исцелить наложением рук онкологического больного и потискать голыми руками ядовитых змей. В том случае, если все три фокуса получатся, то исполнитель вправе претендовать на звание обладателя некоторого, весьма небольшого, размером с «горчичное зерно», количества «веры».

Удивительно, но все христиане упорно уклоняются от прохождения этого теста. Вполне возможно, что самый пылкий фанатик, исцеловавший взасос тысячи икон, оставшись наедине с собой, покатывается от хохота, рисуя усы и рожки на портрете известной дамы с младенцем. По всей вероятности, 99,9 % благочестивцев, испытывающих постоянную «оскорбленность чувств», именно так себя и ведут. Быть православным в России сегодня настолько выгодно, что заподозрить носителей крестиков в искренности нет ни малейшей возможности.

Конечно, бывают прецеденты и очень сильной увлеченности религиозной идеей. Последними в историю вошли братья Куаши, седьмого января навестившие редакцию сатирического журнала «Шарли», располагавшуюся по адресу rue Nicolas Appert, 10. Мир слова, мысли и свободы вновь вплотную соприкоснулся с пещерным миром «веры». И пещерный мир вновь дал свободу своей злобе. Точно так же, как он привык за 2000 лет поступать и без всякого формального повода.

Возможно, не все рисунки «Шарли» были эстетически безупречны. Но это совершенно неважно. «Шарли» выполняли грязную, но великую и необходимую работу, еженедельно напоминая пещерному миру, что он уже не хозяин. По крайней мере во Франции.

Важно понимать, что все, что делали «Шарли», было не оскорблением чьих-то чувств, а лишь «заградительным огнем», ответом на постоянные попытки «веры» захватывать реальность, наполняя ее легионами воздетых к небу задов, лужами бараньей крови и крестными ходами. «Шарли» были передовой всех тех, кто не обязан и никогда не будет «уважать» злобные небылицы «веры», 2000 лет подряд заливавшие Европу кровью и гноем.

Скрип фломастеров «Шарли», несомненно, со временем дойдет и до России. Ведь, как свидетельствует большинство образчиков отечественной культуры, все «чисто русское» сделано из очень французского.

Труженики зада

Конечно, на первый взгляд правильнее было бы характеризовать депутатов как тружеников «зада и рта». Ведь они должны не только заседать, но еще и издавать звуки. Тем не менее все указывает на то, что данная профессия в первую очередь развивает не речь, а именно ягодичные мышцы, — мы видим, что матерому депутату присуща характерная экзотическая походка. Возможно, это происходит из-за продолжительности сессий. А возможно — и из-за избыточного усердия при выполнении команд: «сидеть!» и «служить!.. отечеству».

Если бы депутатский труд оценивался по степени развития анатомических аномалий, то, безусловно, Государственной думе было бы чем гордиться. Но, к сожалению, от нее требуется еще и некий интеллектуальный продукт. А вот с этим ситуация безрадостна. Все, что депутаты произносят или пишут, увы, не тянет даже на уровень матросского капустника. Поначалу, конечно, они освежали свои экзерсисы благостной христианской злобой, но со временем это приелось, а злоба заняла свое законное место в наборе духовных скреп.

В России всегда была в цене и вторая «скрепа», т. е. умелое и эффектное холуйство. Какое-то время Дума в этом смысле была вне конкуренции. Но эстрадники, писатели, попы и журналисты, используя профессиональные навыки, перещеголяли бедных депутатов с их покупными дипломами и косноязычием. Сегодня уже никого не удивит даже самым душераздирающим верноподданничеством. Охотный Ряд и по этой позиции выглядит блекло и неубедительно.

Данная ситуация вызывает тревогу. Мы рискуем лишиться Государственной думы. Она, конечно, могла бы тихонько отсидеться, лидируя только в глупости и по части ягодичных аномалий, но очередная новация может ее настигнуть и прихлопнуть. Как известно, в ближайшем будущем все ценники в РФ будут содержать очень важную для потребителя информацию. А именно: помимо финальной (продажной) цены в них будет указана еще и реальная, производственная стоимость товара. Контраст цифр, несомненно, будет ошеломляющим.

Это, конечно, огорчит торговцев ананасами, опечалит строителей и удручит производителей презервативов. Но настоящей трагедией это станет для депутатского корпуса. У т. н. «народа» наконец появится возможность сравнить настоящую цену депутатского «продукта» с затратами на его

производство.

Стоимость красивой политической жизни депутатов общеизвестна. В каждого избранника ежемесячно вбухиваются миллионы. А вот продукт его деятельности, как выяснится, тянет не больше чем на «двушечку» (в тыс. рублей, разумеется). Подлинную цену депутатских экзерсисов легко установить с помощью стандартных расценок на услуги аниматоров, затейников на корпоративах и других «речевиков». Они хорошо известны и, как правило, не превышают 300–500 рублей.

Конечно, ценники в прямом смысле этого слова никто на избранников не нацепит. Для этого есть подпечатки, «бегущие строки» и другие технические приемчики. Вероятно, было бы целесообразно, чтобы каждый депутат, потев и ежась, перед озвучиванием очередной инициативы, сам напоминал бы, в какую сумму он уже обошелся стране — включая его собственную зарплату и зарплаты его помощников, содержание обслуживающего его аппарата и создающих его комфорт зданий.

Тут-то и выяснится, что бедная Россия переплачивает за сомнительные услуги Госдумы в сотни и тысячи раз. Конечно, маразм имеет свою прелесть, но его себестоимость все же гораздо ниже.

Разумеется, Думу надо выручать.

Может быть, у депутатов есть скрытые таланты? Их наличие, конечно, не решит вопрос радикально, но хоть чуть-чуть сократит кошмарный разрыв меж стоимостью их содержания и реальной ценой их «продукта». Быть может, кто-то из них способен, например, к биолюминесценции? Это можно было бы проверить, проведя несколько пленарных заседаний в полной темноте. С трансляцией, разумеется, по всем каналам.

Вкус кала

Изучение жизни по новостям СМИ — это попытка определить сорт пармезана по вкусу кала того, кто этот пармезан съел.

По всей вероятности, это непростой, но увлекательный процесс. Мы слышим, как население РФ все громче чавкает новостями, вникая в тайны войны и мира. Оно так увлеклось дегустацией, что начисто забыло о своей первоначальной задаче. То есть о своей попытке все же узнать сорт пармезана.

Просмотр новостей в РФ превратился в гражданский обряд, стал важнейшей частью пещерно-черносотенного культа. Пережеванность информации, ее обработанность кислотами и желудочными соками идеологии, ее странствие по извилистому кишечнику СМИ уже не играют никакой роли. Продукт прекрасно употребляется и пользуется огромной популярностью.

К тому же массмедиа России научились начинять его газами чистой духовности. Это придает моменту выхода продукта к потребителю характерную, легко узнаваемую звучность.

В данной метафоре нет ни драматизации, ни натяжки. Изготовление медиапродукта и не может быть иным, нежели это прописано в «третьем законе» профессора Гитлера. (Да-да, того самого. Помимо всего прочего, Гитлер, разумеется, был почетным профессором девяти университетов только в одной Германии.) Третий закон гласит: «Всякая пропаганда должна быть доступна для массы: ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень» (А. Гитлер. Моя борьба).

Все СМИ во всем мире (в той или иной степени) следуют этому закону. Особенно в сложные времена. Если рейтинг новостей запредельно высок, то это означает, что «дно тупости» уже достигнуто. Ведь публика обожает однозначность. Особенно российская. Она умеет быть благодарной тому, кто избавляет ее от мерзкой необходимости думать. Уже избавлено порядка 88 %, и эта цифра все растет. Виртуальный пещерно-черносотенный мир оказался для них очень уютным местечком.

Во всем этом нет никакой трагедии и никакого посягательства на личность. Ведь если мировоззрение человека сформировано телевизором,

это значит, что его никогда у него и не было.

Конечно, все это мешает населению осознавать реальность, но она интересует народ примерно так же, как вкус пармезана. То есть вообще никак. Более того, реальность по самой своей природе штука русофобская и антигосударственная. Ей и не должно быть места в России, а нетерпимость к ней должна стать обязательной чертой истинного патриота.

Смущает только то, что еще не везде и не во всем над ней одержана победа. К примеру, в вопросе об абсолютной самобытности и уникальности «русского мира», «русской цивилизации» нет-нет да и покажется мерзкое рыло реальности, способное попортить всю красоту патриотической картины.

Конкурирующий в популярности с «Крымнашем» пещерный клич «Россия не Европа!» звучит не так красиво, как мог бы. А все потому, что реальность пока еще осмеливается о себе напоминать (разными способами).

Как известно, у идеологии «самобытной и неповторимой русской цивилизации» существует небольшая проблема. Что-нибудь «русское» (в черносотенном смысле этого слова) обнаружить в общественных пейзажах практически нереально. Абсолютно все, из чего соткана современная жизнь РФ, имеет строго западное происхождение. И никакого другого. Вторично и заимствовано все, без исключения.

Включая, кстати, и культуру. И «Евгений Онегин», и «Анна Каренина» — продукты «лицензионные», изготовленные по тем западным литературным технологиям, которые Европа вырабатывала несколько столетий.

Россия не имела ни малейшего представления даже о существовании рифм. Европа оттачивала формы поэм, романов и симфоний, она же задавала их стилистику и дизайн. Так что «русского» в «Евгении Онегине» не больше, чем в «Форд-Фокусе», собранном во Всеволожске. (Забавно было бы посмотреть на это произведение, выполненное в древлеправославной стилистике «Четых миней» или «Октоиха».)

По европейским же технологиям создавалось и все остальное. Напомним, что даже Кремль и его соборы построены итальянцами. А национальный символ «матрешка» — это даже не Европа, а простой плагиат с японской игрушки толстенького бога Фукурокодзю, имевшего множество сущностей, которые можно было извлечь друг из друга.

Не лучше обстоит дело и с духовностью. В основном продукте СМИ ее содержание, конечно, очень высоко. Но в реальности православная идея обескровлена и протухает. Отчасти это происходит по вполне объективным

причинам, отчасти из-за украинского прокола Гундяева. Три года Гундяев бил себя кулаками в пыльную грудь, охмуря Кремль рассказами о невероятных адгезирующих свойствах православия, способного так склеить меж собой народы, что никакой «мировой закулисе» порвать эту связь не удастся. Он гарантировал, что именно «духовная составляющая» удержит Украину в полном подчинении и покорности Москве. Для успеха операции требовалось совсем немного: ввести в «украинский план» мощную религиозную составляющую, смастерить пяток благочестивых героев, а также передать РПЦ пару тысяч объектов недвижимости.

Не блещущий особым интеллектом Кремль легко повелся — и подставил под лапшу уши, сделав в украинской игре большую ставку на православный суперклей. Религиозную составляющую хорошо разогрели и глубоко «ввели» публике. Недвижимость передали. «Пыльный» лично потратил месяц на чтение заклинаний и в результате заколдовал трех унылых военнослужащих жаб в «древлерусских героев», которые немедленно были вброшены в игру.

Результат, как мы знаем, получился очень впечатляющий. Православные фанатики — во имя православия и единства «русского мира» — начали нудно и неумело убивать православных солдат православной Украины, прячась от их православных минометов за спинами православных торговцев крыжовником и таких же православных шахтерских дочек. В результате такой невероятной концентрации православия и духовности бессмысленно погибло несколько тысяч человек, был разгромлен и разворован юго-восток Украины, а Россия опозорена.

Игра схлопнулась, так как ситуация приобрела все признаки грязного и уникально бессмысленного скандала. Нет сомнения, что по степени бесцельности и ненужности никому вообще (включая всех его участников и заводил) «донбасскому скандалу» обеспечено местечко в Книге рекордов Гиннесса.

«Праведные принцы Новороссии» вдруг покрылись бородавками, снова превратились в московских жаб и упрыгали в страну постоянного проживания.

Иными словами, православный фактор не сработал ровно на 100 %. В конце мая состоялся крайне неприятный разговор, после которого «Пыльный» удалился из Кремля, всхлипывая и прикрывая большой фингал.

Если «Крымнаш» хотя бы позволил РФ ненадолго вздыбить три волосины, оставшиеся от великодержавной шерсти, то «проект Новороссия» оказался химически чистым маразмом, не имеющим вообще

никакого объяснения, никакой цели и никакой внятной рецептуры его завершения.

Публика, кстати, начала явно зевать и переключаться.

Это сигнал о том, что в ближайшее время России придется отведать новое идеологическое блюдо. Вкус его будет, конечно, чуть-чуть иным, но очень знакомым.

Глядящие в пенис

Нет сомнения, что депутат ГД, публично произносящий особо сочную глупость, испытывает острейшее наслаждение. Наверное, такое же, как эксгибиционист, которому удалось показать свои сизые гениталии большой толпе пенсионерок, детей и мамаш. У депутата, конечно, аудитория побольше, чем у извращенца в скверике, но, вероятно, и удовлетворение посильнее.

Вообще эксгибиционизм нынче в моде. Помимо депутатов им балуются и министры.

Всех, конечно, превзошел Рогозин, показавший прессе «всего себя» в мундире.

Мединский застенчиво явил стране отжатую у итальянского университета мантию. Своей улыбкой (в этот момент) он был явно обязан той самой «лишней хромосоме», о которой сам министр любит упомянуть как об особом благе.

Изборский клуб принял решение проводить заседания «спасителей Руси» исключительно в кокошниках. Будем справедливы: большей части черносотенцев они очень идут, освежая сиянием жемчугов их глобальные физиономии.

Главы думских фракций, чиновники и попы открыто показывают в телевизоре свои лица.

Конечно, это не вполне обычный эксгибиционизм. Но это тоже сладострастная и торжествующая демонстрация того, что следует тщательно скрывать от всех, кроме врача и полового партнера.

Прилюдное обнажение самого постыдного и тупого становится в России лучшим проявлением благонадежности. И символом единения с госаппаратом.

Исключением является только Аполлон на сторублевой купюре. Его маленький пенис, недавно повредивший рассудок Думы и большую часть духовных скреп России, будет, по всей вероятности, запрещен. Уже сейчас церковь рекомендует монахиням, прихожанкам, девственницам, а в особенности благочестивым блудницам при пересчете заработанных купюр использовать варежки (во избежание греховного касания).

Разумеется, новая революция в России необходима. Причем не столько для смены власти, сколько для смены народа. Только революции под силу изменить людскую массу и вернуть ее из шовинистических грез в

реальность. Революция (как мы помним) работает не очень эстетично, но результативно. А степень болезненности, с которой она хирургически оперирует общество, напрямую зависит от уровня неадекватности последнего.

В этом смысле сегодня Россия вне конкуренции. Раскаленная «праведной злобой» на весь мир, избравшая изоляцию и дремучесть, воодушевленная черносотенством и душительскими амбициями, она, конечно же, является пациентом № 1. Это заметил даже подслеповатый Кремль. И принял меры.

Отгрызть у грядущей революции руки доверили зверю «имперской идеи». Но выведенный из сурковских подвалов на публику, зверь оказался шелудив, безобразно худ и слаб. Попытка подкормить зверя «крымнашем» и мясом молодых украинцев сил ему не прибавила. А лишь привела бедолагу к диарее, причем настолько мощной, что брызги разлетелись по всему миру. Кремлю их досталось больше всего.

В итоге затея оказалась не просто дурацкой, но и на редкость зловонной. Теперь надо как-то отстирывать первых лиц государства (включая добрейшего Шойгу). А как это сделать, никто не знает.

Различные политехнологические мыслишки по этому поводу, конечно присутствуют. Лидирует идея почтеннейшего Кургиняна, предложившего сделать зловоние нормой, а обычный воздух запретить на всей территории РФ.

Разумеется, Россия, воспитанная в отвращении ко всякой революции, ее, что называется, «не хочет». Но ее никто и не спрашивает. Революция вообще не имеет привычки интересоваться мнением страны, которую намерена «навестить». Если страна не хочет развиваться, не хочет добром адаптироваться к изменившемуся миру, то революция заставит ее это сделать через боль и хаос. Военно-патриотическая риторика, истерики царей и заклинания попов ей совершенно безразличны.

Эволюция ведь тоже не посчиталась с желаниями ящеров, которым наверняка хотелось бы навсегда сохранить свои огромные размеры, количество зубов и завоеванный «кровью дедов» статус. Но эволюция безжалостна. Заканчивается мезозой — заканчивается статус. Изменения неизбежны.

Россия, кажется, пока не поняла, что ее родной «мезозой» закончился и надо кардинально меняться. В современном пейзаже динозавры не очень уместны.

Конечно, это нелегко, особенно когда национальная идея до сих пор истерично диктует «убить, взорвать, намотать кишки на гусеницы, сбить, выпороть, затоптать и посадить». Но «не просто так», а во имя торжества

духовности, сохранения территориальной огромности и какого-то там «особого пути» (куда — никто не знает).

Пока Россия следует своему динозаврскому идеалу, у мира и не будет к ней никаких чувств, кроме омерзения и желания разделаться тем или иным способом. Нужна новая национальная идея, следование которой коренным образом помогло бы стране не только измениться, но и дать ей подлинное величие. В этой идее должно быть столько энергии, дерзости, красоты и силы, что одно стремление к ней уже поменяло бы статус государства и навсегда перечеркнуло бы кишконаматывательные бредни о «русском мире».

Красивые национальные идеи валяются под ногами, но их не принято замечать. Они скучны, так как в них нет места «затоптать, намотать, запретить, посадить».

«Тупая», по выражению какого-то сатирика, Америка — это страна 360 лауреатов Нобелевской премии. «Растленная» Европа породила 364 лауреата. А Великая Россия (в основном СССР) дала их миру... лишь 23.

В сопоставлении этих цифр, увы, содержится отражение реального вклада нации в цивилизацию и развитие человека. Соотношение, конечно, позорное. Понятно, что для России догнать и перегнать даже «тупую» Америку по числу нобелевских лауреатов малореально. Хотя для этого рывка у России всегда было и есть всё.

Но она очень занята. Она опять наматывает чьи-то кишки на гусеницы, лижет руки попам, а украдкой разглядывает знаменитую сторублевку.

Идущие в анус

Самое отвратительное в работе президента — это необходимость (помимо всего прочего) постоянно развлекать сто с лишним миллионов идиотов.

Дело в том, что без увеселений, режиссируемых властью, население активно изобретает собственные забавы: погромы, стачки, массовые грабежи и митинги. Оно склонно потешиться межнациональной (или иной) резней, а также созданием банд, подполий и сект.

Нельзя сказать, что публика в РФ плоха или очень капризна.

Нет.

Она ничем не хуже публики (к примеру) древнеримских цирков.

Ей нравится наблюдать игрища с оружием. (Особенно когда капли гладиаторской крови долетают до трибун.)

Она рукоплещет забоям различных политических слонов на арене.

И она умеет честно обожать тех императоров, что не скупятся на представления.

Иными словами, публика как публика. («Крымский вопрос» ее немножко испортил.)

Эти обстоятельства, конечно, обрекают первое лицо еще и на роль массовика-затейника.

Но выбор общенациональных шоу-программ сегодня, увы, невелик.

Космос проигран. Попы надоели. А слоны перебиты. (Повисли на шарфиках или удрали в Швейцарию.)

В такой ситуации остается лишь заново прокрутить архаичное шоу, именуемое «Великая Россия».

Оказалось, что этот старый проект прекрасно работает.

Все увлечены, все веселы, все при деле.

Публика в восторге машет флажками и лентами разной степени полосатости. Она еще путает «крымнаш» и «отченаш», но ее счастья это не омрачает.

Рогозин строит на Луне секретные заводы.

Черносотенцы в секретном сарае Изборска пытаются завести главный символ православия. Они веруют, что он оживет, затарахтит и поползет наматывать кишки бездуховной планеты на священные гусеницы.

А они сами смиренно последуют за ним и прикладами зачистят греховное пространство Запада под «русский мир», вбив в головы случайно

уцелевших перлы о «слезинке ребенка» и добром «народе-богоносце».

Чтобы обеспечить пафосность этого мессианского шествия, черносотенцы подсуестились и возродили имперский флаг. Примечательно, что вместо орла на нем будут размещены перечеркнутые кружевные трусы, что, конечно, будет лучшим символом страны победившей духовности.

Черносотенцы на удивление наивны. Все элементы шоу принимают за чистую монету. Они свято верят в то, что у них «миссия», что Кремль доверил им реконструкцию национальной идеи.

Кремль ухмыляется и гладит их грантами по юродивым макушкам.

Иными словами, все получилось наилучшим образом.

Любопытно, что строительство имперской декорации обошлось Кремлю дешевле, чем асфальтизация дорог в регионе средних размеров.

Но мы-то знаем, что асфальтом капризную российскую публику развлечь вообще невозможно.

А вот аттракционы «Великая Россия», «Крымнаш» и «Рогозин на Луне» имеют колоссальный успех.

Единственная проблема (о которой не подозревал Кремль): шоу такого рода быстро выходят из-под контроля.

Его рядовые участники в патриотическом запале теряют ориентацию и вносят в сценарий отсебятину вроде подбития «Боингов», избыточных пыток в подвалах Луганска или прямо начинают показывать татуированные кулаки режиссеру-постановщику.

Градус ситуации неприятно меняется.

То, что замышлялось как невинная реконструкция терроризма, быстро преобразается в терроризм реальный. Шоу срывается с поводка.

Это не только омрачает происходящее, но и начинает с неприятной настойчивостью указывать Кремлю дорогу туда, куда он в общем-то не собирался.

То есть попросту в военно-апокалиптический анус, размеры которого и всасывающая мощь вполне сопоставимы с ОJ 287 или иными «черными дырами» вселенной.

Из всех возможных маневров в этой ситуации остается лишь один. Блистательно красивый, внезапный для всех, чисто наполеоновский вираж, способный усадить в лужи и Восток, и Запад, примирить Россию и Украину — и заткнуть чертову дыру.

Имеется в виду введение войск РФ на территорию Украины.

Но!

Исключительно для искреннего и братского объединения с украинскими силами АТО. И лишь для совместного удушения войны.

Увы, в лице тех, кто ее олицетворяет и разжигает. Не обращая внимания на такие мелочи, как мечты, идеи, лозунги, взгляды, вера и даже личное обаяние.

Уже слишком близка пованивающая общей смертью «черная дыра». Уже не до таких пустяков, как книжные грезы усатых реконструкторов.

Романтиков-террористов, конечно, жаль.

Но утрату жизни им можно будет компенсировать «установкой бюста на родине героя». Со временем. Лет через пятьдесят. Когда очередное шоу потребует пополнения национального пантеона.

В когтях пигопегуса

Начнем издадека.

Приглядимся к государственному гербу РФ.

На нем — двуглавый орел.

Никаких внятных объяснений, почему Россию символизирует именно это существо, не могут предложить ни геральдисты, ни историки.

И те и другие закатывают глаза, затем производят возложение нижней губы на верхнюю и начинают невнятный, но пафосный бубнеж о шумерах, Византии и Золотой Орде, которые таким орлом тоже в свое время попользовались.

Попользованность птицы почтеннейшими шумерами и ордынцами, конечно, придает символу вес и авторитетность, но никак не отвечает на простой вопрос: а что же он, собственно, обозначает?

(Русофобские домыслы о том, что создатели русского царства попросту собезьянничали, бездумно украсив свои штандарты двухголовой птицей (как у монгольского начальства), мы решительно отмечаем.)

Вероятно, это изображение содержит какой-то смысл, указывающий на тайную сущность русского государства?

Как мы знаем, в геральдике ничего «просто так» не бывает. Размещенные в гербовом поле существа и предметы всегда свидетельствуют о некой важной особенности гербообладателя.

Например, у рода Оринали в гербе размещены десять ночных горшков. У Коллеони — оторванные тестикулы, а у Д'Амфревилей — поганки. (G. Santi-Mazzini ARALDICA. 2003, Milano).

Сверяемся с фактами и убеждаемся, что горшки, поганки и яйца — это лишь фиксация того, что десять поколений Оринали страдали диареей, набожный основатель рода Д'Амфревилей ел только поганки, а Коллеони лишился яичек вследствие удара копьем на турнире.

Как видим, геральдика точна и исторична.

Вероятно, и двухголовая птица России тоже имеет свое объяснение, помимо туманных мифологем и фантазий историков.

Возможно, для расшифровки национального символа следует обратиться к дисциплинам, как раз и объясняющим различные аномалии?

Например, к тератологии — науке о причинах и механизмах эмбрионального уродства.

Учитывая исключительную деликатность темы, уточним, что Большая

медицинская энциклопедия, а также специализированные работы по тератологии не значатся в списке экстремистских или запрещенных в России материалов. Следовательно, и те трактовки двуглавости, которые могут предложить данные труды, никак нельзя отнести к обидным или оскорбительным для госсимволики.

Так вот, согласно всем тератологическим трудам, в гербе России изображен пигопагус.

(А возможно, торакопагус. Но, скорее, все же пигопагус.)

Уточним.

Пигопагия — это так называемое двойниковое, двухголовое уродство, при котором организмы, вследствие мутации, в материнской утробе срастаются определенными областями и полностью теряют всякую жизнеспособность.

Это тяжелейшая аномалия развития, которая обрекает мутанта после родов на крайне непродолжительное, мучительное существование.

Чаще всего пигопагусы мертворожденны, но в редких случаях им отпущено несколько минут жизни.

В такой ситуации для пигопагусов характерны безостановочные судороги, агрессия и бесконтрольные выделения физиологических жидкостей.

Впрочем, исследователи отмечают, что цепкость лап (или пальцев) двухголового мутанта во многом превышает стандартную.

Препараторы и таксидермисты, которым доводилось работать с подобными экземплярами, свидетельствуют о том, что невероятная цепкость лап и когтей сохраняется даже у заспиртованных или таксидермированных препаратов.

Иными словами, пигопагусы не разжимают когтей. И даже после смерти никогда не выпускают того, что в них попало.

Единственная «карьера» для такого существа — это банка в кунсткамере или чучело.

Иными словами, надо признать, что Россия избрала своим символом редкое и своеобразное существо.

Вероятно, мертворожденный мутант в гербе и на знаменах содержит намеков на некую, неизвестную нам, но очень важную государственную тайну.

А она, как известно, охраняется законом.

Здесь у нас появляется необходимость мягко сменить тему и очень тактично перейти к авторству русской национальной идеи «Третьего Рима», «русского мира» и «Особого пути».

Существует стереотип, что все эти идеологемы «окутаны древнерусскими туманами». Это не совсем так.

Русская старина понятия о них не имела (если не считать сугубый подхалимаж инока Филофея, который в какой-то своей писуле любил сравнивать царя Василия III с владыками Византии).

Мечты о «Третьем Риме» муслировались еще болгарами, видевшими свое Тырново «Новым Константинополем». Позже они же были любимой идеологической игрушкой Бенито Муссолини.

Так что в концепции «Третьего Рима» нет ничего ни русского, ни оригинального.

Славянофильская идея «Особого русского пути», которая считается кровной российской, тоже имеет весьма любопытное происхождение.

Она является «цельнотянутой» (т. е. целиком и без изменений заимствованной).

Ее подлинные авторы — Якоб и Вильгельм Гримм, немецкие сказочники XIX века.

Те самые братья Гримм.

Это не шутка и не анекдот. Это факт.

Дело в том, что славянофильство — по существу, простая калька с западных теорий «романтического национализма».

В 1765-м «сумрачный германский гений» пером Карла фон Мозера отмахал трактат «О немецком национальном духе».

Трактат, по причине корявости написания, не стал бестселлером, но все же привлек внимание. Чуть позже изложенные в нем идеи были талантливо обработаны братьями-сказочниками.

Именно в «гриммовской» интерпретации «романтический национализм» года три побудоражил Европу, а затем благополучно забылся.

Несколько лет идея пылилась без всякого применения, пока на нее не набрели ранние славянофилы. Они восхитились, подхватили ее, плагиатировали и (как у нас водится) без ссылок на «всяких там сказочников» перетасили на «русскую почву».

Здесь ее основательно пропитали пафосом, кровью поколений и запахом онучей. Украсили крестами, «духовностью» и «чувством врага вокруг».

Тогдашняя госмашина удовлетворенно дала отмашку — и творение братьев Гримм стало основой национальной идеологии России.

До того момента русские и не подозревали, что они какие-то «особенные» и что их мировая миссия заключается в массовом

взаимоистреблении во имя идеалов разной степени пещерности.

Какое-то время идеи «особого пути» безмолвствовали и казались давно почившими.

Но сегодня у нас есть редкая возможность посмотреть на то, как, разрывая саваны и пеленальные бинты, они откидывают крышки своих саркофагов и вновь захватывают пространство.

Ничего удивительного. Когда (по большому счету) нет ни настоящего, ни будущего, воцаряется прошлое.

Железные лапти Кремля

Патриотизм, в отличие от других галлюциногенов, формирует устойчивые доверительные отношения с видениями, возникающими под его воздействием

Патриотические видения истеричны, агрессивны и настойчивы. Они имеют свое мнение о длине дамских юбок и фасонах духовных скреп. Они могут дать команду завоевать Луну или «присоединить» озеро Чад, подняв на нем мятеж бегемотов.

Задача опытного патриота — не только исполнить такой приказ, но и транслировать услышанное тем массам, которые сами недостаточно хорошо «слышат свою родину», простершуюся от Зимбабве до Курил.

Следует помнить, что, помимо задач прикладных и промежуточных, у патриотизма всегда есть главная цель. Та самая, ради которой этот идеологический наркотик и закачивается стране в вены.

Она состоит в том, чтобы по первому же щелчку пальцев любого дурака в лампадах толпы мальчишек добровольно соглашались бы превратиться в гниющее обгорелое мясо. В том, чтобы перед очередной бессмысленной бойней ни у кого из них даже не возникло бы вопроса: «А за каким чертом?»

Патриотизм превосходно справляется и со второй своей задачей — поддерживать на должном уровне то свойство граждан РФ, которое и отличает их коренным образом от растленных европейцев.

Русский рождается, живет и умирает с коренной уверенностью, что государство имеет полное и неотъемлемое право разорить его, изуродовать, убить и заставить кланяться любому идолу.

Если бы не эта вбитая в каждую голову «святость власти», то в 37-м товарищей в кожанках везде встречали бы вилами и огнем дробовиков, а не позорной покорностью.

Ведь это именно она (покорность) сгоняла миллионы в лагеря и могильные рвы. НКВДшники и вертухаи лишь обслуживали это главное национальное свойство — добровольное признание всевластия железного лаптя Кремля.

Сегодня глупое население не всегда понимает, почему оно должно жертвовать детьми и жизнью ради голубизны министерских бассейнов на Майорке. Еще труднее объяснить гражданину, что его истинное

предназначение — не жизнь и счастье, а комфорт разговорчивых иждивенцев с покупными дипломами, которые на Охотном Ряду чревоуважают от имени России.

Разумеется, комфорту попов и депутатов надо придумать убийственный сакральный псевдоним.

Если все цинично назвать своими именами, то ползание с выпущенными кишками может не доставить гражданину того морального удовлетворения, которое, возможно, было у героев последних войн.

Такой псевдоним есть: это волшебное слово «родина». А к нему обязательно прилагается аккуратная оговорочка, что «родина — это одно, а государство — это другое».

Но «родина» в таком случае является абсолютно абстрактным понятием, с которым в реальности пересечься невозможно. На самом же деле меж понятиями «родина» и «государство» никакой осязаемой черты нет. Это старый проверенный трюк. Прекрасной иллюстрацией его эффективности служат попы. Они призывают субсидировать их абстрактного бога, но пожертвованное сразу превращают в икорку и «Лексусы».

По тому же принципу придумана и «родина».

Объектом любви и благоговения объявляется не реальная, полная кошмаров страна, а некая абстрактная Россия. В ней никто никогда не жил. Ее никто никогда не видел. Но именно ей — невидимой, неосязаемой и прекрасной, следует приносить себя в жертву по первому же свистку чиновника, насмотревшегося патристических галлюцинаций.

Но тут возникает конфуз, который особенно хорошо заметен сегодня.

Присмотритесь.

Когда вы ласкаете абстрактную Россию, эрекция возникает у «Единой».

Ложь как жанр

«Солнечный удар» Михалкова и сериал «Распутин» на Первом: новый русский кинематограф на бересте

Поскольку оба творения по своему статусу явно не «Пираты Карибского моря», то нет смысла оценивать их кинематографические достоинства или недостатки. Сегодня «художественность» начинается с совершенно других цифр бюджета. Обсуждать «Удар» или «Распутина» в качестве «большого кино» бессмысленно и некорректно. «Киноязык» в них ровно такой, какой был позволен финансовыми возможностями этих двух поразительно похожих картин. Их делали опытные мастера, прекрасно понимающие, что гениальничать на медные (по меркам современного кино) деньги не имеет никакого смысла.

Все скромненько и стандартно. Актеры недорогие, но старательные, а набор постановочных приемов давно известный, но преимущественно весьма незатейливый. В этом смысле говорить в общем-то не о чем. Впрочем, оба режиссера ни на что и не претендовали, а честно слепили «расширенные агитки», у которых и нет никаких задач, кроме строго идеологических.

Следовательно, единственным предметом оценки может быть лишь предлагаемая идея, а также умение хорошенько ввинтить ее в сознание масс. Сама идея заключается в том, что России надо задним числом придумать и нарисовать красивое прошлое. Это сложная задача, так как облагораживание русской истории возможно только через подмену ее чистой ложью.

Слова «ложь» не надо пугаться. И не надо ханжески закатывать глаза; вся культура homo почти на 100 % состоит именно из чистой лжи или ее основных компонентов. Конечно, это непростой жанр, но именно историческая ложь сегодня особенно востребованна и необходима. Дело в том, что она является основным строительным материалом для всякой идеологии, создавая сегодняшним реалиям сочное и авторитетное прошлое. Без нее может создаться ненужное впечатление, что «русский мир» — это только биндюжники с пулеметами, перекошенный Дугин, тупость Думы и постановочные слюни Кургияна. Идеология, несмотря на писк либералов, уверенно создается и внедряется. Ей-то в первую очередь и требуется сортовая ложь в товарных количествах. (Не следует забывать о том, что у

лжи есть и еще одна, крайне важная государствообразующая роль: она является традиционной духовной скрепой России, не менее важной, чем, например, холуйство, злоба, мракобесие или воровство.)

Вернемся в тему. Сегодня у российского кинематографа есть первоочередная задача: вопреки всем фактам создать иллюзию существования совершенно отдельного «русского мира», или «русской цивилизации». Это трудно, но в принципе возможно, когда «важнейшее из искусств» берется за дело ответственно и с огоньком.

Настоящее русское кино, конечно, надо делать на бересте. Тогда гордый вызов Европе и декларация наличия особой «русской цивилизации» будут выглядеть не так забавно. Но простим создателям картин грех использования европейских форм, приемов и технологий. Этот грех мало кому сегодня заметен. Публика уже настолько хорошо отрихтована молотками эфира, что связь с реальностью утратила и в существование «самодостаточного русского мира» уже поверила.

Этот придуманный мир нужно заселить героями. На роли героев обсуждаемые кинополотна предложили православного придворного фавна (Г. Е. Распутина) и эрегированного офицера, который долго ловит косынку. С Распутиным, конечно, вышла неувязочка. Бедолагу оскопили, и образ его сразу погас. На корню убита главная и единственная интрига: удалось ли Григорию Ефимовичу задрать Главную Юбку Страны или он не успел? Дело в том, что единственная драматургия, заключенная в имени «Распутин», — это пикантный конфликт дикого деревенского пениса и надушенных придворных вагин. Это известный еще с Мольера вечный мотив использования «слова божьего» для проникновения под самые дорогие юбки. Использование Распутина в любом другом качестве так же противоестественно, как попытка сделать из хорька не воротник, а отбивную. Секвестировав Распутину тот орган, который, собственно, им и двигал, создатели фильма получили фигурку плосконького унылого мракобеса, для которого в кино «о Распутине» нет никакого места и занятия. До конца фильм можно не досматривать. Понятно, что в финале Григория Ефимовича примут в «Единую Россию» и предложат преподавать в МГУ. Другому герою самобытного русского мира пенис все-таки оставили, но ни выразительности, ни драматургической подвижности ему это не прибавило.

За основу патриотической иллюзии Михалкова взят Бунин. Это правильный выбор. Иван Алексеевич — образцовая водомерка (*Gerris lacustris*), скользящая туда-сюда по глади прудика и совершенно не озабоченная процессами, происходящими в его глубине. Когда загнивший

прудик наконец откачивают, водомерка, соответственно, негодует. И гибнет. Данная первооснова необычайно удобна, ибо на законных основаниях позволяет не иметь ни малейшего понятия о том, чем же на самом деле была опрокинутая в семнадцатом году Россия.

А это была страна, где за чтение статьи в студенческом кружке приговаривали к расстрелу (дело Достоевского).

Где высший полицейский чин прямо посреди столицы империи мог запросто и с наслаждением публично избить политзаключенного (Трепов).

Где романтические потрахивания офицеров почему-то должны были материально обеспечивать миллионы завшивленных безграмотных людей, живущих на земляных полах и носящих на ногах обмотки из древесной коры (лапти).

Где реальным офицерам, посещавшим балы, в приказном порядке было предписано «не сморкаться на полы» и «для совершения большой нужды не вылезать на балконы особняка, а отправляться для этого в отхожие места» (Приказ № 372 по Суздальскому полку).

Где власть без колебаний, по первому капризу убивала миллионы своих подданных. Как мы помним, православно-патриотический психоз Николая II (Кровавого), впутавшего страну в бессмысленную и ничем не угрожавшую самой России Первую мировую, обошелся (примерно) в 18 000 000 литров солдатской крови, выплеснутой на помойку истории, и в 240 000 тонн русского солдатского мяса, сгнившего там же. Цель всей этой религиозно-мясной эпопеи так и осталась никому не ведомой.

Что такое «великая Россия», уже понятно. Кажется, для этой бедной страны «великие потрясения» были все же меньшим бедствием.

Хотя на все это в «Ударе», разумеется, нет даже намек, а главным революционером оказывается Чарльз Дарвин, михалковская картинка все же недостаточно сусальна. Для эффективного идеологического материала в ней маловато настоящей, сортовой лжи. Как, впрочем, и в «Распутине». Разумеется, виной тому не крамольничанье режиссеров. Их вытянутость во фронт и готовность обслужить идеологию наилучшим образом не вызывают ни малейших сомнений. Вероятно, их все же подвела необходимость пользоваться методиками, приемами и технологиями растленного европейского кинематографа. Эти чертовы приемчики, отработанные Дзеффирелли, Вербинским и Питером Джексоном, приносят совершенно ненужные нюансы, создают изобразительные и смысловые помехи. Впрочем, с переводом российского кинопроизводства на бересту и церковнославянский язык этот вопрос, несомненно, будет решен, и зритель получит идеологически полноценный продукт.

Химически чистый цинизм

Самой убедительной формой лжи являются памятники — именно в них концентрируется вранье о персоне или явлении.

Умилителен монумент, изображающий «собаку Павлова». Но он мог быть еще трогательнее, если бы рядом с собачкой разместился и бронзовый ребенок. Дело в том, что школа Ивана Петровича Павлова проводила вивисекторские опыты не только над собачками, но и над людьми. В качестве лабораторного материала использовались беспризорники в возрасте 6–15 лет. Это были жесткие эксперименты, но именно они позволили разобраться в природе мышления человека. Данные опыты ставились в детской клинике 1-го ЛМИ, в Филатовской больнице, в больнице им. Раухфуса, в отделе экспериментальной педиатрии ИЭМа, а также в нескольких детских домах.

Фамилии беспризорников и детдомовцев, ставших лабораторным материалом, вероятно, не являются существенной информацией. В двух трудах Н. И. Красногорского «Развитие учения о физиологической деятельности мозга у детей» (Л., 1939) и «Высшая нервная деятельность ребенка» (Л., 1958) они означены как «Л. М.», «К. М.», «К. Е.», «Ф. Е.» или как Клава О., Муся В., Юра К., et cetera.

Профессор Майоров, бывший официальным летописцем павловской школы, меланхолично отметил: «Некоторые из наших сотрудников расширили круг экспериментальных объектов и занялись изучением условных рефлексов у других видов животных; у рыб, асцидий, птиц, низших обезьян, а также детей» (Ф. П. Майоров, «История учения об условных рефлексах». М., 1954).

Отметим, что т. н. «моральная» оценка этих экспериментов не входит в задачи нашего исследования. Мы рассматриваем лишь полученный результат и его смыслы. Ведь на ценность хорошего артефакта никак не влияет, кем именно он был добыт — археологом или грабителем могил.

Так и мы — рассматриваем исключительно сам артефакт. Нас интересует лишь его ценность, а не то, какие обстоятельства сопутствовали находке.

Разумеется, совсем спрятаться от криминального привкуса павловских вивисекций не получится. Фактор страдания детей, несомненно, присутствовал. Но он был отчасти смягчен тем, что все подопытные были сиротами. А самой страдающей стороной во всех кошмарных ситуациях с

детьми, как известно, являются их родители. Также отметим, что кровь маленьких беспризорников пролилась не зря. Сакральный вопрос, мучивший философов со времен Аристотеля, оказался решен за пару лет вивисекций.

Итак. Что же на самом деле происходило в лабораториях павловской школы в первой трети прошлого столетия?

Как мы помним, Иван Петрович уже разобрался с физиологией пищеварения, за что и получил Нобелевскую премию. Триумф убедил его в том, что «ключик» системного эксперимента, с такой же легкостью, как желудок, может «открыть» и мозг. Декарт, Ламетри и Сеченов завещали ему уверенность в том, что тайна мышления должна иметь простую физиологическую разгадку. Это оказалось действительно так: Павлов легко нашел ее в образовании условных рефлексов у собак.

Однако это было лишь половинчатое знание. Предстояло доказать, что принципы ткущей разум рефлекторики действительно и для мозга человека.

Но! Сделать это можно было только путем эксперимента. Разумеется, применив к подопытным людям те же самые методики, что применяются к крысам, кошкам и собакам. Обязательным условием было большое количество разнообразного лабораторного материала. Задача могла стать неразрешимой, но павловцев выручило своеобразие постреволюционного времени. Комиссары присели в глубоком реверансе и обеспечили павловцев всем необходимым.

Напомню, что начинались вивисекции в эпоху сырого, первобытного ленинизма, когда власть Советов еще вовсю кокетничала с Иваном Петровичем. И «лабораторным материалом» группы учеников Павлова (проф. Н. И. Красногорского, А. Г. Иванова-Смоленского, И. Балакирева, М. М. Кольцовой, И. Канаева) стали беспризорные дети. Всецелое понимание во всех инстанциях обеспечивала ЧК.

Несомненно, часть подопытных подвергалась жесткому хирургированию. В качестве наркоза использовался морфий, серноокислый магний, а иногда алкоголь. Проток слюнной железы выводился изо рта наружу, по «собачьему» принципу.

Автор не имеет личного опыта проведения таких экспериментов на человеческом материале. Но нет никаких причин полагать, что их техника отличается от работы с любым другим млекопитающим. Напомню, что анатомические различия рта (к примеру) собаки и человека ничтожны.

Операция выведения «стенонова протока» сама по себе не сложна, но болезненна и продолжительна. Щеки, разумеется, уродуются на всю

оставшуюся жизнь. Даже у собачек.

Поясним специфику хирургирования. Тот канал, через который слюна из околоушной железы попадает в ротовую полость, надо переместить наружу, на щеку. Причем не просто переместить, но и хорошенько приживить там, чтобы контролировать все истечения.

Павловцы делали это так: «В детскую клинику 1 Медицинского института была принята больная К.Х. 11 лет <...> Мы прикрепили кругом фистулы менделеевской замазкой небольшую воронку, посредством которой обычно собирается слюна у оперированных животных, и получили возможность количественно измерять секрецию слюнной железы у этой больной. Сначала мы легко выработали естественный условный рефлекс, показывая ребенку различные пищевые вещества...» (Красногорский Н. И.)

Альтернатива операции — крепящийся внутри рта железный слюносорбник Лешли с «присосом». Штука неуправляемая и крайне болезненная.

А. А. Ющенко в труде «Условные рефлексы ребенка» (1928) достаточно откровенно описывает: «У одного из детей, на которых я работал (М. А. 13 лет, с состоянием порока сердца), уже после одночасового эксперимента от присоса оставалось кровавое кольцо, требовавшее для полного исчезновения 1–2 дней <...> Травма даже после одночасового опыта была настолько значительна, что иногда заставляет экспериментировать не чаще, как через день, даже два».

Несомненно, тысячекратно отрепетированный «собачий вывод» был удобнее для павловцев.

Секреция околоушной слюнной железы маленьких беспризорников возбуждалась клюквой, шоколадом, капустными кочерыжками, хлебом и капустными листьями. А пищевое подкрепление подавалось через красивые хромированные аппараты. Они, кстати, вызывали удивительный трепет комиссаров и охранялись с особым рвением. Периодически применялись «кололки» и ток.

Все это подтверждается протоколами, фотографиями и документальным фильмом «Механика головного мозга» (другое название — «Поведение животных и человека»; реж. В. Пудовкин, опер. А. Головня, производство кинофабрики «Межрабпром-Русь», 1926 г.).

В своем первом труде Красногорский отмечал, что «опыты с пищевыми рефлексам в большинстве случаев весьма популярны среди детей; врачам часто приходится слышать: возьмите меня в лабораторию есть клюкву и т. д.».

Эта популярность легко объяснима. Рационы приютов были крайне

скудны, а сироты — голодны. А вот комиссары белели от гнева, наблюдая за тем, как «шпане» скармливают шоколад и кочерыжки. Они кипели под буденовками, но помалкивали.

Впрочем, порой павловцы перебирали с болевым воздействием. Последствия такого «перебора» нежным профессорским пером зафиксировал Иванов-Смоленский: «Наблюдались попытки к бегству, в особенности после ознакомления с оборонительным “электрокожным подкреплением”».

Если дело заходило слишком далеко, подключались комиссары — и порядок восстанавливался. Беглецов отлавливали, возвращали, умирляли и направляли обратно в лаборатории. Разумеется, сироты не понимали, что дырки в их щеках венчают долгую историю постижения принципов работы головного мозга.

В результате павловцам удалось доказать, что никакой принципиальной разницы меж сложной нервной деятельностью животных и человека не существует. Механизм условного рефлекса (основы разума) идентичен.

Кочерыжки стерли с процесса мышления последнюю «позолоту» мистики и непознаваемости. Стало окончательно ясно, что уникальных свойств, которые бы отличали мозг человека от мозга животного, не существует.

Теория условных рефлексов перестала быть «про собачек» и стала «про человека».

Значительность этого открытия несомненна, а неизвестность парадоксальна. Работа павловской школы была проигнорирована миром, хотя содержала безупречно доказательные и столь долгожданные (со времен Декарта) разъяснения принципов работы мозга.

У этого есть несколько причин.

Первая заключается в абсолютной невозможности легализовать доказательства открытия. Они, разумеется, есть, но предъявлять их нельзя.

Дело в том, что к середине века драматизировались представления о допустимом при проведении эксперимента. На шее науки затянулась петля этики. Моралисты захватили все «высоты» и резко ограничили исследования с помощью множества Этических Кодексов. При всех научных организациях были созданы «этические советы». Журналы были лишены прав на публикации об экспериментах, при которых нарушались требования этических деклараций. (Чуть позже произошла окончательная формализация запретов, воплощенная в решениях Третьей генеральной ассамблеи Всемирной медицинской ассоциации (Лондон, 1949), а в 1968-м

и 1983-м, на Генеральных ассамблеях в Сиднее и Венеции, перечень недозволенного был радикально расширен.)

При таком раскладе кровавые опыты над сиротками могли расцениваться только как преступление. Даже простое предъявление их протоколов могло закончиться трибуналом.

Впрочем, до сгущения этических туч попытки легализовать открытие все же предпринимались. В 1929 году Иван Петрович номинировался на вторую Нобелевскую премию. Его кандидатуру завернули еще на этапе рассмотрения, порекомендовав более никому не показывать разработки с беспризорниками как «факт, порочащий науку», «дикарство» и «химически чистый цинизм, до которого не должен опускаться ученый».

Важнейшее открытие XX века было похоронено и предано полному забвению. О нем не принято даже упоминать. Исследователи мозга оказались в идиотском положении. Сегодня они напоминают астрономов, которые ничего не слышали об открытиях Галилея и продолжают верить в хрустальные птолемеевские сферы.

Впрочем, у забвения была и вторая причина.

Потренировавшись на эволюционной теории, люди научились виртуозно игнорировать все, что противоречит культурно-историческим догмам и сказкам об исключительности homo. А смысл открытий павловской школы оказался еще более оскорбительным, чем дарвинизм.

Результаты экспериментов невольно списали в утиль «платонов-кантов-гегелей» и прочие экзерсисы о «таинстве человеческого мышления». Туда же были отправлены «совесть», «вера», «мораль» и другие пуш-апы.

Какой-то поэт продекларировал: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». В переводе это означает, что наслаждение собственной глупостью — очень сильное чувство. И не только у поэтов. Оно в основе вообще всей культуры homo, которая крайне болезненно реагирует на попытку расправиться с «обманами».

Конечно, за последние три века пересмотр «вечных ценностей» отчасти свершился. Стало понятно, что заповеди «не убий» и «не укради», несомненно, милы, но лишают нас важного жизненного опыта.

Наши предки были существенно ниже нас по уровню развития. Они охотно погибали за родину или веру. Возникли справедливые подозрения, что два этих фактора как-то связаны. Проклянулось и понимание, что качество разума измеряется отсутствием тайн и «святынь».

Это было уже кое-что. Но к радикальщине павловских открытий homo был еще не готов.

Кстати, первыми почуяли неладное сами экспериментаторы. Сообразив, что вот-вот прикончат «психику и внутренний мир человека», профессора поджали хвосты. Виноватые улыбочки стали обязательной компонентой их докладов. Стало понятно: доигрались.

Хотя... о неизбежных последствиях таких исследований Цензурный комитет СПб предупреждал еще в 1866 году.

Напомним. Запрещающая работу Сеченова о рефлексах головного мозга, комитет резюмировал: «Данное сочинение является материалистической теорией, которая лишает человека и самосознания, и свободы воли», «ниспровергает все понятия о нравственных обязанностях, о вменяемости преступлений», «разрушая моральные основы общества, уничтожает религиозный догмат жизни будущей; она не согласна ни с христианским, ни с уголовно-юридическим воззрением и ведет к развращению нравов. Посему подлежит судебному преследованию и уничтожению, как крайне опасная по своему влиянию на людей...»

Отметим, что это резюме предельно точно и корректно характеризует данную работу. Она действительно разрушает моральные основы, ведет к развращению нравов, уничтожает веру. К счастью, дело именно так и обстоит. А скандальные опыты с беспризорниками были естественным развитием «крайне опасного» сеченовского труда.

В павловских лабораториях просто сбылось то, о чем предупреждал Цензурный комитет: научная бездна разверзлась и... показала людям язык. Как законченным дуракам.

Путин и революция. Нос к носу

Уже не менее трех веков наипервейшей потребностью России является революция.

Конечно, в истории этой страны были бурления толп и отстрелы царей. Но все катаклизмы заканчивались простой заменой одного деспота на другого. Сменялись символика и атрибутика, но принципы власти оставались неизменными. Цари, генсеки и президенты наследовали друг от друга приятное право казнить или миловать миллионы. Конечно, кто-то из венценосцев писал державность акварелью, а кто-то маслом. Но суть никогда не менялась.

Хорошему землетрясению безразличен стиль архитектуры. Оно крошит готику с таким же удовольствием, как и модерн. Оно непринужденно сносит целые страны. Революция, к сожалению, не так всеядна и всеильна. К тому же она знает Россию на вкус и хорошо помнит, как пару раз давилась ею и срыгивала, не доведя дело до конца. Конечно, она всегда бродит рядом, выбирая момент для нового броска.

Пока что ни одной смуте не удалось разгрызть тушу темной империи. Да, были весьма живописные попытки. Но подлинной революции Россия так никогда и не пережила.

Ведь революция — это не просто рвотный рефлекс страны в ответ на самодурство и воровство. Не гильотины. И не забитые трупами подвалы ЧК. Подвалы и гильотины — всего лишь пикантные, но не обязательные специи к блюду государственного преобразования.

Революция — это бесповоротное изменение принципов жизни и управления. Это болезненный, но необходимый акт политической гигиены, преобразующий природу власти и народа.

Но в России революции так и не случилось. Кстати, не вполне понятно, что именно ее заблокировало.

Глупо подозревать в этом православие. Оно давно выдохлось и превратилось в казенный шоу-бизнес. Особенно хорошо это заметно в сравнении с исламом, который регулярно демонстрирует те подвиги веры, которые злопыхатели называют «терактами». Современное православие с его доносяками по 148-й выглядит на данном фоне весьма бледно. А когда-то и оно блистало в деле религиозного терроризма, то вырывая ноздри, то сжигая в срубах целые семьи. Но уже в начале XX века градус веры понизился до нуля. Впрочем, это беда не только православия, но и

христианства в целом. Конечно, папы и патриархи продолжают играть старый спектакль, омывая и целуя ноги бомжам. Но отметим, что любая проститутка и не такое целует за гораздо меньшие деньги.

Вне подозрений и «великая русская культура». К счастью, она на сто процентов вторична и является послушной копией культуры европейской. А та никогда не мешала торжеству революций. Мифическая русская «самобытность» вообще ничему препятствовать не может. Если она когда-либо и существовала, то как бессмысленный балласт была сброшена еще Петром I.

Тайную экспедицию, III Отделение, ВЧК-КГБ можно вообще в расчет не принимать. Они непригодны для блокировки больших политических процессов. Проблема в том, что формируются они не из полных дураков. Следовательно, в любой серьезной ситуации они первыми и разбегаются.

Впрочем, загадка провала всех революций в России — это тема отдельного исследования. Сегодня мы обойдемся простой регистрацией того факта, что политическая эволюция страны не состоялась.

Конечно, без революции можно и обойтись. Но, увы, пропуск в будущее выписывает именно она. Помимо всего прочего, революция отмывает страну от порочных традиций и управленческой мертвечины. Такие отложения копятся на любой державной конструкции, а Россия — это особо запущенный случай. В XXI век она вступила, не испытав ни одной революции за всю свою историю. Ее глубинный механизм никогда не обновлялся. Он по-прежнему тарахтит, генерируя ложь, страх и войну.

Разумеется, самодержавие Путина автоматически наследовало и этот механизм, и вековые накопления. Оно и не могло быть от них свободным. Тот, кто видит основное зло именно в Путине, руководствуется забавными представлениями о «роли личности в истории» и не понимает, что «Наполеон» — это не свойства конкретного персонажа, а всего-навсего название лотерейного билета, который мог вытащить почти любой человек соответствующей эпохи.

Примерно такая же история и с Путиным. Он всего лишь очередная марионетка России. А за ниточки его дергают те традиции, что не обновлялись уже 300 лет. Правление Путина не содержит ни оригинальных черт, ни его личных фантазий. Он лишь прилежно следует стандарту русского имперского администрирования. Все его действия — прямое логическое продолжение поведения России в течение многих веков.

Прав тот, кто утверждает, что «Путин — это Россия».

Правда, упущено то обстоятельство, что у слова «Россия» множество смыслов, в том числе и откровенно кошмарных. Никак не совместимых ни

с понятием «цивилизация», ни с понятием «современность». Сирийские художества, захват Крыма, Донбасс, торжество мракобесия, всеилие охраны, etc. — это естественные и неизбежные ростки, прущие от корневищ русского имперства. А Путин просто хороший садовник: он вовремя черенкует побеги, поливает и стравливает тлю. Тот, кто восхищается Россией, обязан восхищаться и Путиным.

Разумеется, на свет снова вытащили залежавшегося русского бога. Что не удивительно. Ведь мозг чекиста — легкая добыча для попов. Впрочем, если бы попов не было, то обязательно нашлась бы какая-нибудь иная пакость. Но под руку подвернулись они — и вновь заварилось принуждение страны к православию. Народ снова обозвали «богоносцем», и он приосанился. Кстати, от богоносности есть и прямой практический толк. Это прекрасный наркоз. Он позволяет не заметить даже смерть. Индустриальную, финансовую, научную, etc.

Вероятно, другой Россия быть и не способна. Она не может не воровать, не захватывать, не насиловать, не гноить и не мракобесничать. Увы, это обреченная страна. Изменив своим принципам управления, она развалится. А если их сохранит, то окончательно отстыкуется от цивилизации и погибнет от ее рук. Последний тракторист раздавит последнего гуся — и все наконец закончится. Отсутствие революций даром еще никому не проходило.

С иллюзиями следует попрощаться. Интеллигенты намечтали себе «свою» Россию. Россия реальная дала им возможность заесть мечты лагерным солидолом. Но они не протрезвели, а еще крепче обиделись на реальность, которая не имеет ни малейшего сходства с их грезами.

Эта обида так сильна, что сегодняшние интеллигенты не замечают подарка, который втихаря делает им Путин. Повиснув на фонарях, они подняли бы личный рейтинг садовника до 100 %, а народное ликование превысило бы даже «крымский градус». Но им позволено пожить. И даже покучкаться в крохотных резервациях для персон с неправильным мышлением вроде «Эха» и «Сноба». Но, скорее всего, это не великодушие, а экономия на мыле и веревках. Как выяснилось, отщепенцы совершенно безвредны. Их интеллектуальные ухищрения безразличны населению. Народ очень занят. Он облизывается, вспоминая сладость ваксы на сталинских сапогах. Он строится в бессмертные полки.

Конечно, у российской государственности есть обожатели. Например, умный Кадыров. Но следует помнить, что он любит ее примерно за миллиард рублей в сутки. А за такие деньги даже я бы ее любил.

Других поклонников русской идеи не просматривается. Западным

прагматикам становится все очевиднее, что гибель России была бы благом для цивилизации. Ее вклад в общее развитие мира несоизмеримо меньше, чем создаваемые ею проблемы. От нее постоянно несет войной и попами. Ее козыряние участием во Второй мировой давно наскучило, а декларации о полной победе над фашизмом стали забавны. Фашизм живет и здравствует, в том числе и в самой России. Не утрачена его способность вселяться в любую нацию и ею кукловодить. Возможно, фашизм ждет своего звездного часа, а на чьей стороне в этот раз будет Россия, мягко говоря, не очевидно.

Прагматиков и их мерзкую трезвость можно было бы игнорировать. Но, к сожалению, именно они решают, кому жить, а кому умирать. Остается загадкой то благодушие, с которым Запад наблюдает за нашим садовником. Заметьте, что с табакерки даже не сдута пыль.

Впрочем, эта снисходительность имеет свое объяснение. На яд сегодняшней России противоядие давно выработано. Миру он не опасен. Его состав известен: деспотизм, попы, культ войны, воровство, оболванивание, etc. При попытке экспорта все эти традиционные ценности легко опознаются и нейтрализуются. А вот запертые в пределах госграниц РФ, они окончательно отравят страну. Проблема России решится сама собой, и мир вздохнет с облегчением. Главное, чтобы не менялся состав яда, а в механизм самодержавия не добавлялись новые, неизвестные детали. А то Россия опять затаится, прикинется несчастной, но развивающейся бедняжкой, тянущейся к прогрессу и демократии. А когда накопит силу, то перейдет от простого грабежа соседей к более серьезным проделкам.

А Путин хорош как раз тем, что не склонен к фантазиям и новациям. Он вышивает только по старой имперской канве. Он ведет Россию к изоляции и разрухе так предсказуемо, уверенно и красиво, как не сможет вести больше никто. Следуя логике западного мышления, ему ни в коем случае не следует мешать править. Какая тут, к черту, табакерка?

Впрочем, не следует забывать о революции. Возможно, она забудет старые обиды и все-таки возьмется за Россию. В последний раз. Несомненно, это сделает все грядущие процессы гораздо живописнее.

**Лекции 2014–2016 гг.
(прочитаны на заседаниях
физиологического кружка им.
И. П. Павлова и СПб Анатомического
общества, в галерее Эрарта и на других
площадках и кафедрах)**

Как мы уже установили — научное открытие — это прежде всего очень высокая степень безошибочности в оценке того или иного частного явления или свойства.

Теперь пронаблюдаем за тем, передается ли с великих открытий «фактор безошибочности» на все, в чем были уверены наши «великие открыватели».

Начнем с Аристотеля, полагавшего, что метеориты — это «испарения земли, которые поднимаются ввысь, а приближаясь к некой «сфере огня», загораются и падают вни» з. Можно припомнить его же трактовку существования палеонтологических останков: Стагирит объяснял их действиями «подземных раздражительных сил, которые копируют происходящее на поверхности».

А вот И. Ньютон полагал, что все сообщения о метеоритах — глупая выдумка, потому что им вообще **«неоткуда падать»**. Также, «на основании сопоставлений астрономических и исторических доказательств» он отстаивал собственное страстное убеждение в том, что возраст Земли не превышает шести тысяч лет.

Ф. Бэкон страстно рассуждал о роли ведьм в погублении посевов, В. М. Бехтерев был поклонником «цветотерапии», У. Гладстон утверждал, что древние греки не различали цвета, а великий Либих был убежден, что дрожжи не являются живой органикой.

Роберт Бойль требовал, чтобы рудокопы представляли отчет, с какой именно глубины земных толщ начинаются **«обиталища демонов»**, и как выглядят их **«гнезда»**, а Бюффон заявлял, что в Северной Америке эволюция идет медленнее, чем на других континентах.

И. Кеплер утверждал, что кратеры на Луне воздвигнуты лунными жителями, К. Фламарион был уверен, что на ней существует растительность, а Галилей убеждал, что мысли Кеплера о влиянии Луны на приливы и отливы в морях и океанах Земли — «вздор и ребячество».

Кеплер же был убежден, что цвет — **«это вещь совершенно отличная от света, некое качество пребывающее на поверхности непрозрачных тел»**.

Коперник не сомневался в наличии описанных Птолемеом «хрустальных сфер неба». Он лишь скорректировал египтянина, сократив количество «сфер» с 80 до 34. Это милое заблуждение даже вынесено в

заглавие основного труда его жизни — «О вращении небесных сфер».

Лорд Кельвин заявлял, что рентгеновские лучи — это мошенничество, что никакой аэроплан летать не сможет, а в 1900 году выразил уверенность в том, что ничего нового в физике открыть уже нельзя.

Жан-Жозеф Вирей в своем фундаментальном труде «Естественная история человеческого рода» (Париж 1824) утверждал, что негры выделяют пот черного цвета, а Резерфорд, что коммерческое использование атомных процессов невозможно в принципе.

Тихо Браге настаивал на том, что вокруг Солнца вращаются все планеты, кроме Земли, которая остается неподвижной.

Жозеф де Лаланд утверждал, что вероятность полетов на воздушном шаре — пустая фантазия, а Французская Академия Наук в полном составе смеялась над идеей громоотвода. Она же потешалась над дифференциальным исчислением Лейбница, над теорией телеграфа и настолько категорично отрицала существование аэролитов (метеоритов), что требовала их убрать из всех музеев.

Великий Христиан Гюйгенс считал дефицит пеньковых веревок главной проблемой планеты Юпитер. По мнению Гюйгенса — наличие «при нем» четырех лун (тогда было известно лишь четыре спутника Юпитера) неопровержимо свидетельствовало о неспокойности морей этой планеты и, соответственно, о необходимости очень большого количества сверхпрочного такелажа для крепости парусов юпитерианского флота.

Эдвард Кларк (1820–1877) предупреждал, что образованность женщин приводит к «пересыханию» у них матки, а авторитетнейший гинеколог своего времени Джордж Нефейс (1842–1876) убеждал, что мастурбация ведет к слабоумию.

Сэр Артур Кизс возглавлял и организовывал тот почтительный хоровод, который палеоантропология первой половины XX века почти сорок лет водила вокруг останков т. н. «Пилтдаунского человека». (Мы помним, что какой-то весельчак смастерил их из вполне рецентного черепа и обезьяньей мандибулы, затем покрасил бихроматом калия и «вбросил» в научное сообщество под видом древнейшей окаменелости)

А. Сент-Дьердьи учил тому, что белок проводит электричество, хотя на самом деле он является изолятором.

Этот занятый реестр можно продолжать почти до бесконечности:

Лейбниц отвергал Ньютоновские идеи тяготения; Тесла и Маркони уверяли, что получают радиосигналы с Марса; Дарвин страстно проповедовал и разрабатывал нелепую теорию пангенов; Ричард Оуэн не смог обнаружить в мозгу обезьяны гиппокампа; Кювье доказывал, что

эволюция это полный вздор; Карл фон Бэр категорично отрицал родственность живых организмов; Эдмунд Галлей полагал, что Земля имеет внутренние шары, тоже окруженные атмосферой, которая, вырываясь наружу, образует полярное сияние; Д. Пристли был убежден в существовании флогистона; Р. Вирхов посмеялся над настоящим черепом неандертальца, сделав авторитетное краниологическое заключение, что он принадлежит не древнему человеку, а русскому казаку-алкоголику XIX века; У. Гопкинс и Ч. Лайель были убеждены в глупости утверждения Л. Агассиса, будто бы лед способен передвигать каменные глыбы и посему предложили даже не обсуждать идею перемещения камней ледниками, как нелепую; А. Везалиус категорически выступал против разделения нервов на двигательные и чувствительные; К. Варолий (Варолиус) утверждал, что именно мозжечок является органом звуковых восприятий; Дальтон был убежден, что в передней камере его собственного глаза содержится жидкость синего цвета, и что именно эта аномалия обесцвечивает для него картинку мира; Гальвани до конца дней пребывал в уверенности, что открыл «электрический флюид», способный воскрешать мертвые организмы.

Итак, даже на основании этой лаконичной выборки мы видим, что самые блестящие химики, физиологи, физики, геологи, чуть-чуть выйдя за пределы своей узкой компетенции, глубоко ошибались в оценках важнейших явлений и фактов.

(Что еще забавнее, не менее часто они ошибались, оставаясь в пределах той дисциплины, изучению которой посвятили жизнь.)

Зачем мы сейчас перечислили эти смешные и (в той или иной степени) позорные ошибки великолепных ученых?

Исключительно для того, чтобы напомнить, что ошибки остаются ошибками вне зависимости от «высоты», с которой они прозвучали.

Все величие имени Ч. Лайеля не придает никакого веса его заблуждениям о ледниках, а значимость Вирхова не превращает подлинный череп питекантропа в останки русского казака.

Иными словами — мы не вправе придавать гипотезе бога (даже если ею увлечен сам Ньютон или Гюйгенс) больше значения, чем проблеме дефицита пеньковых веревок на Юпитере.

«Гиппокамп Оуэна» и «сигналы с Марса» Маркони — прекрасные примеры того, что глупость, кем бы она не была сказана — глупостью и остается.

А теперь вернемся к вопросу «безошибочности» и подведем итоги.

Говоря о творцах науки, мы говорим о людях, имеющих, образно

говоря, ученую степень.

А что такое хорошая, заслуженная ученая степень?

Это, прежде всего, указание на то, что данный человек настолько углубленно занят одним-единственным специфическим вопросом, что просто не может иметь мнения ни по какому другому.

Самые блистательные прозрения в самой важной из наук не спасают от слепоты в столь общем и многосоставном вопросе, как «гипотеза бога».

Впрочем, как и в любом другом.

Разумеется, наука превышает любой «морали», и к ней не применимы ее нормы.

Но, помимо условной «морали», есть и некое «житейское» измерение, где убежденности великих ученых создавали (или могли создать) весьма существенные проблемы, как для других homo, так и для развития вида в целом.

В связи с этим вспомним еще несколько важных фактов.

Открыватель большого круга кровообращения в теле человека, медик У. Гарвей, лично инспектировал кожу узниц Инквизиции, определяя по наличию на ней «меток дьявола» степень связи обвиняемой с Люцифером. В 1633 году от его экспертной оценки зависела жизнь некоей Маргарет Джонсон. Гарвей выявил на ее теле следы «нежных прикосновений сатаны» и барышню, разумеется, сожгли.

Нобелевский лауреат Юлиус фон Яуреги заражал психически больных малярией и туберкулезом, а Альбер Нейссер здоровых людей — сифилисом, чтобы иметь возможность изучить клиническое течение этой болезни. Лавуазье публично жег книги своего оппонента Штала, а Франклин и Грей использовали детей в весьма болезненных электрофизиологических экспериментах.

Нобелевские лауреаты — Ханс Вильгельм Гейгер, Иоханнес Штарк, Макс Планк и Филипп Ленард добровольно и искренне сотрудничали с режимом Гитлера в деле изготовления германской атомной бомбы. Эрвин Шредингер через открытое письмо, размещенное во всех газетах Австрии и Германии, уверял публику в своем восхищении Адольфом Гитлером и клялся ему в верности.

Конечно же, всех (как и всегда) перецеголял Вернер Гейзенберг.

Его имя полагается произносить «сняв шляпу». И это справедливо. Мы помним, что именно этот человек не только покорила высочайшую интеллектуальную вершину современности — квантовую теорию поля, но и отчасти сам ее выстроил.

И этот же человек был увлечен идеей вооружить III Рейх ядерным

оружием. Именно Гейзенберг был автором того реактора, в котором шло обогащение урана для будущих атомных бомб Германии.

С учетом того, куда они могли быть сброшены, и какое количество лабораторий и важнейших научных разработок было бы превращено в пепел — увлечение Гейзенберга, скорее всего, было существенной ошибкой.

Быть может, сама личность ученого, с (порой) неотделимой от нее религиозной верой содержит в себе черты, уникальность которых и позволяет сделать вклад в науку?

Напомним, что взаимосвязь личности ученого и его открытия кажется несомненной и общепринятой догмой.

Наилучшим образом эту мысль сформулировал нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Джон Кэрю Экклз, видевший именно в факте научных открытий лучшее доказательство свободы воли человека и его связи с надмирной силой.

Джеймс Дьюи Уотсон, тоже лауреат Нобелевской премии, сооткрыватель структуры ДНК и автор *«Молекулярной биология гена»*, которую по праву можно назвать одной из самых важных книг человечества, полагал, что **«Каждый шаг (науки) вперед, а иногда и назад — очень часто событие глубоко личное, в котором главную роль играют человеческие характеры и национальные традиции»**. (*Двойная спираль*)

У Уотсона, как видим, роль личности в открытии предельно конкретизирована.

Еще более категоричен другой Нобелевский лауреат — Кристиан де Дюв, который пишет, что «Создание теории — это напряженный творческий процесс, несущий на себе отпечаток личности автора».

Он же характеризует Эйнштейновскую теорию относительности как «отпечаток индивидуальных, личностных черт, свойственных только ее создателю»

На первый взгляд данная точка зрения кажется единственно логичной и возможной.

Но лишь на первый взгляд.

А при соприкосновении с фактами и логикой от этого предположения не остается даже «loci udi» (мокрого места).

Дело в том, что очень многие важнейшие изобретения, принципиальные обнаружения, выявления законов природы и свойств материи были почти синхронно совершены учеными никак не связанными между собой, полностью независимыми друг от друга, разнесенными национально, географически, социально и религиозно.

Приведем краткую подборку фактов; т. е. перечислим те открытия,

которые были совершены «независимо» и «одновременно»:

Кавендишем и Кулоном открыт закон притяжения и отталкивания электрических зарядов;

Парацельсом и У. фон Гуттенем заявлено о влияние сифилиса на головной и спинной мозг.

Ж. Жансеном и Локайером — сделан спектральный анализ протуберанцев солнечного диска;

Рамзаем и Лангле выявлены свойства гелия;

Дарвином и Уоллесом — сформулирована теория эволюции;

Адамсом и Леверье — обнаружена планета Нептун;

Маркони и Поповым — изобретено радио;

Опариным и Холдейном — открыты принципы абиогенеза;

Мариоттом и Бойлем — вычислены особенности поведения газов;

Августом Теплером и Вильгельмом Гольцем — изобретена электрофорная машина;

Цезарем Скалигером и Цезальпини Арецио гипотезировано существование кинестезии (мышечно-суставного чувства);

Гей-Люссаком, Жаком Шарлем и Дальтоном — выведен закон объемов;

Фон Герике и Торичелли — определены свойства вакуума;

Ж. Фернелем и П. Форестом определено отравляющее влияние ртути на головной мозг;

Галилеем, де Шезо и Ольберсом — разгадан парадокс черноты вселенной;

Борелли и Жюреном — обнаружены капиллярные явления;

Герцем и Лоджем — зафиксированы электромагнитные волны;

Томсоном, Джермером и Дэвиссоном — расшифрована дифракция электронов;

Ньютоном и Гуком — определен закон обратной пропорциональности квадрату расстояний;

Гюйгенсом и Галилеем — созданы маятниковые часы;

Котуньо и Можанди — выяснена роль ликвора и законы его циркуляции меж желудочками мозга;

Декартом и Снеллиусом — открыт эффект преломления света;

Беннетом и Эанди — смоделирован электроскоп;

Шееле, Пристли и Лавуазье — классифицирован водород;

Мальпигием и Г. Баджливи зафиксирован механизм возникновения гемиплегии;

Майером и Джоулем — понят принцип эквивалентности;

Галилеем и Шейнером — обнаружены пятна на Солнце;
Латуром и Фарадеем — установлено сжижение газов;
Дальтоном и Вольтой — описано поведение паров;
Менделеевым и Мейром — открыт периодический закон;
Вейнбергом и Харди — доказан закон генетического равновесия;
Расселом и Герцшпрунгом — составлены диаграммы-классификаторы звезд;

Мюрреем Гелл-Маном и Дж. Цвейгом — написана квантовая модель элементарных частиц (гипотеза кварков);

Мёбиусом и Листером выведен парадокс «ленты Мёбиуса»;

Лобачевским и Бойяи — разработана гиперболическая геометрия.

Список можно продолжить, но, полагаем, что приведенного достаточно.

Разумеется, наш индекс не безупречен, а по отдельным позициям и дискутивен*, но наличие некоей закономерности несомненно.

Есть неясность с авторством «обратного квадрата». Оба его независимых «открывателя» (Гук и Ньютон) так и не смогли допустить, что столь специфическая задача занимала в течении долгого времени кого-то еще и еще кем-то могла быть успешно решена. Гук и Ньютон взаимно обвинили друг друга в плагиате; в 1680 году в Королевском обществе состоялся красивый и обстоятельный скандал, но затем, ознакомившись с черновиками, письмами и разработками друг друга — стороны удивленно примирились. Возможны сомнения и по части первородства открытия эффекта преломления света, но, несмотря на очень тщательное расследование этой истории Лейбницем, Гюйгенсом и многими другими, никаких доказательств того, что Декарту было известно о разработках Снеллиуса так получено и не было. Внимательно изучив список и скрупулезно сопоставив даты, мы также увидим, что открытия не всегда календарно совпадают, год в год, месяц в месяц. Порой они разнесены годами и десятилетиями. Тем не менее, они остаются сделанными независимо друг от друга, так как более позднему автору не могло быть известно ни о каких работах в этом направлении кого-либо еще. Поясню. Не редкими были случаи, когда открытие сделанное ранее, по разным причинам не было опубликовано, оставалось полностью неизвестным современникам и обнаруживалось в его архивах уже правнуками. Хорошей иллюстрацией служит находка в архивах Г. Кавендиша полной разработки закона отталкивания и притяжения электрических зарядов, которые спустя десятки лет там обнаружил Максвелл. Мы не включили в список многочисленных и тоже почти одновременных изобретателей подзорной

трубы, т. е. Д. Б. Порты, Липперсгея, Ф. Мавролика, так как, помимо них у нее было еще очень много «отцов»; а так же «одновременных» авторов калейдоскопа, холодильных установок, воздушного шара, вертолета и пр.

Итак, мы убедились, в том, что ученые, не имеющие меж собой ничего общего ни по воспитанию, ни по образованию, ни по убеждениям, не знакомые между собой — примерно в одно и то же время приходили к одним и тем же выводам по важнейшим вопросам мироздания.

Даже в нашем коротеньком примере — и то смешались модники и мрачные отшельники, пламенные фашисты и унылые русские инженеры, утонченные академики и пивовары, весельчаки и меланхолики, фанатичные христиане и атеисты, убежденные холостяки и примерные главы семейств, плебеи и аристократы, а также — бургомистры, коммунисты, роялисты, пэры, революционеры, настоятели монастырей и дуэлянты.

Перечисленное нами — лишь видимая, официальная часть образов великих ученых.

В большинстве случаев деликатность не позволяла биографам углубляться в некоторые особенности их быта, привычек и наклонностей.

Но мы знаем, что у любого *homo* имеется очень живописная «оборотная сторона».

И можем обоснованно предположить, что различия меж свершителями одних и тех же открытий были еще разительнее, чем это запечатлено в их официальных житиях. (А нам известно, насколько эти «различия» существенны для формирования мировоззрения и личности.)

Иными словами, мы вполне вправе предположить, что меж фон Герике и Торичелли, Мариоттом и Бойлем, Маркони и Поповым были не просто «разницы», а целые «пропасти».

И тем не менее, они в одно и то же время приходили к одним и тем же выводам. Все личностные, национальные, религиозные, бытовые, политические различия не играли никакой роли для научного результата.

Но быть может, эта несвязанность открытия и личности присуща лишь относительно локальным прозрениям?

Быть может, самые грандиозные теории все же основаны на неких неповторимых чертах их создателя?

Нет. Как мы можем убедиться — подмеченная нами закономерность распространяется на любые открытия, независимо от их масштаба.

К примеру:

Чарльз Дарвин и Альфред Рассел Уоллес никогда не встречались и не общались. До 1858 года Дарвин понятия не имел о существовании Альфреда Рассела.

Но в июне указанного выше года Уоллес прислал Дарвину набросок статьи «*К тенденции независимого возникновения вариаций из оригинальной формы*».

Распечатав пакет, потрясенный Дарвин увидел в строках Уоллеса свою собственную теорию, нюансы которой он скрывал до времени даже от столь близких друзей, как Хукер и Лайель.

«Я никогда не видел более поразительного совпадения. Если бы у Уоллеса был мой черновик, написанный в 1842 году, он не смог бы сочинить для него лучшего резюме». (Дарвин о работе Уоллеса)

Разумеется, есть теории не менее глобальные, чем эволюционная.

Это — квантовая, абиогенетическая, относительности, условных рефлексов и генетического кода.

Все они тоже имеют весьма неоднозначное происхождение.

При всем (условном) благоговении перед именами Эйнштейна, Опарина, Павлова, Крика, Шредингера — никого из них нельзя назвать «авторами» данных теорий. (В примитивном и однозначном смысле слова «автор»).

Эйнштейновские открытия могут быть маркированы его именем очень условно. Герман Минковский разработал математическую систему координат, без которой СТО никогда бы не появилась на свет, а Гильберт создал всю математическую основу для Общей Теории относительности. Прямыми соавторами Эйнштейна являются Максвелл, Фицджеральд, Лармор, Лоренц и Пуанкаре. По сути и СТО и ОТО — коллективная работа.

Абиогенетическая концепция, (как мы помним), была независимо разработана Александром Ивановичем Опариным и Джоном Холдейном, которые были очень надежно изолированы друг от друга географией, разностью научных школ и самой банальной политикой. (Т. е. некоторой «закупоренностью» раннего СССР).

Поначалу оба очень болезненно восприняли известие о наличии «конкурента» на другом континенте, но ситуацию (отчасти) спас рыцарственный Холдейн, признавший разработки Опарина более емкими и масштабными, а соответственно и более значимыми.

Здесь, на примере абиогенеза мы наблюдаем роль чисто внешних факторов. Они надежно ограждали ученых друг от друга.

Но, помимо внешних факторов, были и иные, подчас еще более влиятельные, чем географические и политические границы. Они тоже обеспечивали независимость совершения открытий, даже в том случае, когда ученые находились не просто в переписке, но и в близком научном

контакте.

Вероятно, здесь все же следует остановиться и конкретизировать понятие «независимость открытий в науке».

Что же это такое?

Это термин, которым мы маркируем некий высокий научный результат, если к нему пришли ученые, не имеющие возможности заимствовать мысли и идеи друг у друга.

Наилучшую независимость обеспечивает, конечно, полная (в силу любых причин) изоляция исследователей друг от друга.

Но прекрасными изоляторами могут работать также: гордыня, конфликтность, честолубие и персональный научный вес.

Данная мысль кажется не слишком простой, но ее легко прояснить на примере квантовой теории.

Перечисляя всех, кто был причастен к ее созданию, мы говорим о множестве крупных, своенравных и свободомыслящих персонажей.

Очень разные — Планк, Бор, Дирак, Эйнштейн, Гейзенберг, Шредингер, Резерфорд, Луи де Бройль, фон Нейманн, Паули, Йордан — вместе воздвигли теорию квантов только по той причине, что действительно одинаково видели конструкцию микромира.

Факты не оставляли им ни выбора, ни маневра. Возможно, вопреки их воле. Гарантированно — вопреки их самолюбию.

Абсолютная «независимость» здесь обеспечивалась уже не физической изолированностью, а той адской гордыней, которой в равной степени славились все творцы квантовой теории.

Напомним, что ни для Гейзенберга, ни для Дирака, уже не говоря о Планке, Боре или Эйнштейне, «поводков» чьего-либо авторитета никогда не существовало.

Более того. Каждый из них дорого бы дал за возможность красиво оттоптаться на именитом коллеге, уличив его в ошибке.

(Возможно, это было бы очень деликатное и сострадательное вытирание ног о чей-то авторитет, но оно неминуемо бы было.)

Но...как мы уже отметили, никому из них не было оставлено выбора. Сумма фактов «уперла клинок в горло» каждого из них, приговорив к (почти) абсолютному (почти) единомыслию в квантовом вопросе.

Будем откровенны: мысли об отсутствии жесткой зависимости меж научным открытием и личностью ученого не являются новацией.

В несколько более размытом и призрачном виде (не столь кропотливо сформулированные) они содержатся у Тюрго, Кондорсе, Годвина, Вернадского, Шубина, Мертон и Стиглера.

У Кондорсе и Тюрго они затуманены невыносимым многословием и романтизмом стиля.

Вернадский уже был чуть конкретнее (с поправкой на вообще присущую ему «душноватость» и «заковыристость» изложения).

Он почти «нащупал» существование некоего единого всемирно-исторического процесса познания, мало зависящего от персоналий, личностей и даже от общего «прогресса человеческих обществ».

«Мы выдвигаем независимость основного тона исторического хода научного мышления от исторической обстановки, единство процесса. Очевидно, это имеет место для всего человечества — вне различия государственных организаций, рас, наций, общественных слоев....Изучая историю точного знания, мы ясно видим, как перед нами открывается нечто целое, глубоко связанное тысячью нитей со всей историей человечества.» (*Труды по истории науки в России*, ч. II гл.1., М.1988)

Наш современник, недурной формулировщик Нил Шубин, опираясь на работы Мертона и Стиглера, весьма буднично подметил, что «многие великие идеи приходили к разным людям практически одновременно» и, что «ни одно научное открытие не названо именем его первооткрывателя... Богатая история открытий — не линейный путь от одного человека к следующему, а продукт социальной среды с бесчисленными предшествующими эпизодами, и в результате, многими авторами. Часто сам изобретатель или первооткрыватель играет менее важную роль, чем среда, которая подготовила открытие, чем то, что так сказать, «витает в воздухе». (*Neil Shubin The universe within 2013*)

Все очень просто. Если в помещение закачать иприт, хлор или иной токсичный газ, то не все находящиеся в нем упадут одновременно. Кто-нибудь сделает это первым. Такая же история и с открытиями. Постепенно складываются обстоятельства и плюсятся знания, которые делают открытия неизбежными. Все, как и всегда детерминировано средой, обстоятельствами или их возросшей суммой.

Макс Планк на юбилейном заседании немецкого физического общества сформулировал это с поразительной простотой: «Представьте себе горняка, который с напряжением всех своих сил ведет разведку благородной руды, и которому однажды попадается жила самородного золота. Причем при ближайшем рассмотрении она оказывается бесконечно богаче, чем можно было предполагать заранее. Но! Если бы этот горняк не натолкнулся на жилу, то безусловно, это сделал бы его товарищ.»

А Макс Борн пошел еще чуть дальше, вычислив следующую закономерность: «процесс накопления и приложения знаний как результат

деятельности всего человеческого рода в течении длительного времени должен следовать статистическому закону экспоненциального роста, и не может быть приостановлен».

Мы можем осторожно сделать вывод, что нам нет и не может быть никакого дела до бытовых привычек или личных взглядов того или иного создателя науки.

Все эти слагаемые личности не имеют никакого значения.

Ученый может быть сатанистом, жадиной, онанистом, мотом, ростовщиком, карманником, религиозным фанатиком, педофилом, убийцей, клеветником, завистником, героем, вором, гомосексуалистом, девственником, нормальным развратником, ханжой или кощунником, угрюмым молчуном или блестящим оратором.

Для результата его работы все это имеет не больше значения, чем форма крышки его гроба.

Он может быть самоучкой, как Реомюр, Фаренгейт, Ампер, Лаплас, Дальтон, Кеплер, а может быть аббатом, как Мендель или журналистом, как Энгельс; академиком, как Опарин или солдатом, получившим образование на полях войны, как Ламарк или Декарт; переплетчиком, как Фарадей, школьным учителем, как Циолковский, приказчиком в бакалейной лавке, как Шлиман или профессиональным обитателем лабораторий, как К. С. Лешли.

И это все тоже ничего не значит.

В историю науки все эти персонажи вошли «обнаженными», при входе сбросив сутаны, латы, сюртуки и лабораторные халаты.

Впрочем, как выясняется, дело не ограничилось предметами гардероба. Строго говоря, там же, при входе все они оставили и свои имена.

Дело в том, что в самом открытии мы никогда не найдем примет личности того, кто его совершил. Оно удивительно «безлико» и никак не связано с характером, привычками и взглядами его автора.

Давайте «отвяжем» постижение ДНК от имен Крика, Уотсона, Уилкинса, Франклин, Эвери, Чаргаффа и на несколько минут их просто забудем.

Забудем и трагикомедию, сопутствовавшую пониманию роли и «пространственной конфигурации» дезоксирибонуклеиновой кислоты.

Найдем ли мы в спиральных азотистых оснований или в порядке водородных связей хотя бы отголоски того пикантного факта, что Дж. Уотсон вообще не знал химии, а Ф. Крик не имел никакой научной степени?

Нет.

Увидим ли мы в разгаданной последовательности аденина-тимина-

гуанина-цитозина грустную тень О. Т. Эвери или слезы умирающей Франклин?

Опять-таки нет. Не увидим.

А теперь заглянем в окуляр микроскопа.

Есть ли там напоминание о голландском суконщике, который постепенно от кристаллов и стеклянных шариков, с помощью которых в его цеховой среде было принято инспектировать качество сукна, довел дело до возможности разглядеть движения своих сперматозоидов «собранных после законного соития с г-жой Левенгук»?

Содержится ли там хоть какое-то указание на фасон его шляпы или на то, какому божеству он кланялся по воскресеньям?

Разумеется, нет.

Как видим, все личностное, вкупе с «вопросом о вере» опять дематериализовалось и сгнуло, как не имеющее никакого значения.

Более того, у нас появилась обоснованная уверенность, что между индивидуальностью ученого и его открытием нет вообще никакой связи. Мы могли бы маркировать великие и малые открытия просто цифрами, но под влиянием культуры привязываем их к именам конкретных людей.

Следует признать, что данная традиция является милой, но бессмысленной.

Опять возникает в высшей степени сложный для восприятия образ науки как реальности, живущей по своим законам, где самые великие имена оказываются почти «слепыми исполнителями» закона развития интеллекта.

Основой схемы мышления всегда и везде от шаманских практик до христианства был т. н. «трансляционизм».

Что такое «трансляционизм»?

Это представление о мышлении как о мистическом и изначально непостижимом акте.

«Нечто» внутри самого человека выступает лишь как «приемник» чувств, мыслей или желаний, порожденных где-то «вне» этого субстрата. Интенсивность приема этого «сигнала», конечно, колеблется, в зависимости от эпохи и стилистики культа.

Возможен был и вариант полного «внешнего управления» человеком и всеми его действиями без исключения. Так (по всей вероятности) было в эпоху анимистических верований, когда вчерашними животными, освоившими речь и мышление, одушевлялось все, от камней до органов собственного тела.

Эту ситуацию превосходно зафиксировал Дж Фрезер: «Старое представление о дикаре, как о свободнейшем из людей противоречит истине. Он — раб, но раб не какого-то отдельного господина, а раб прошлого, раб духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой.»

Со временем интенсивность «приема» внешних команд, вероятно, несколько изменилась. Это произошло, когда хаос первобытных духов (игрушкой которых был homo) условно разделился на «злых» и «добрых».

Позже эти группы слились в два конфликтующих начала и затеяли вечную баталию из-за власти над человеком и других соблазнительных мелочей. Соответственно, каждая сторона интенсивно транслировала homo «хорошие» и «плохие» мысли, поступки и желания.

Ассортимент божеств и духов был достаточно широк, а их влияние на человека безгранично.

Вне зависимости от основного амплуа им всем была присуща склонность, мстительность, похоть, апломб, подозрительность, гневливость, интриганство, авторитаризм и кровожадность.

Это определило традиции поведения послушного им человека, весьма органично узаконив те качества, что homo приобрел за миллионы лет своего «омерзительного» (по выражению Дарвина) дикарства.

Это, конечно, очень грубая схема первоначального развития религии,

но в любом случае мышление воспринималось как ниспосланная инструкция, а не как самостоятельный процесс в мозге. Именно такие трансляции руководили поступками святых, пророчествами оракулов, подвигами героев, экстафикой шаманов.

Достаточно посмотреть на этимологию слова «вдохновение», которое имеет более точный латинский аналог «*inspiratio*», т. е. «духовхождение».

Здесь (попутно) возникает вопрос о «свободе воли» и ее роли в мышлении.

Как мы только что установили, некоторое время homo жил в режиме какофонии взаимоисключающих приказов, получаемых им от богов и духов.

Это создавало логичную, но не вполне рентабельную ситуацию, так как не мог заработать основной (и самый доходный) религиозный механизм: обвинения, покаяния, очищения и примирения с божеством. Жречество маялось в понятной тоске: у него не было возможности обвинить самого человека в совершаемых им пакостях и прегрешениях.

Жертвы богам и духам, конечно, приносились, но это было сущим пустяком по сравнению с тем, что могло бы дать религиям чувство постоянной вины каждого индивидуума.

Хозяева культов, вероятно, понимали, что потенциал «рынка персональной вины» в тысячи раз превосходит доходность любых гекатомб и всесожжений.

Но! Роль самого человека по-прежнему оставалась ничтожной.

За все его неверные действия следовало карать не его самого, а трансляторов преступных инструкций, т. е. духов и богов, а эти персонажи, разумеется, были не наказуемы.

С диктатурой духов надо было кончать.

Прежде всего, для того, чтобы установить персональную ответственность человека и начать нормально зарабатывать на ситуации.

Авраамические культы сообразили это первыми и радикально сократили штат богов.

От всего сонма был оставлен лишь верховный дух, которому перешли полномочия «хороших» сокращенцев и его основной противник, вобравший все качества «плохих».

Между ними был, как-то втиснут человек, для которого оговорили «некоторую независимость от бога в некоторых вопросах». Ее-то и нарекли «свободой воли».

Это была гениальная выдумка.

Именно она впоследствии обеспечила финансовое величие

христианства. Человек, наконец, получил на поле духовности статус игрока, а не игрушки. Теперь его можно было постоянно обвинять — а следовательно — и постоянно принимать от него искупительные жертвы.

Впрочем, «свобода воли» не предполагала способности к самостоятельному мышлению. Она лишь позволяла сделать выбор между различными трансляторами.

Превосходной иллюстрацией трансляционизма являются «Илиада» и Ветхий Завет.

Наиболее хладнокровными исследователям «Илиады» давно было подмечено своеобразие ее героев. По мнению Дж. Джейнса — герои гомеровского эпоса «лишены сознания». Разумеется, «это не означает, что они спят или находятся в обмороке, но у них нет никакой внутренней жизни в нашем понимании». «Они не мыслят, не оценивают мир, не принимают решений» (*J. James, The Origins of consciousness in the bicameral mind 1976*).

Вероятно, мы опять имеем дело с терминологической неопределенностью.

Джейнс называет «сознанием» значительно более сложное явление, традиционно путая банальную сумму рецепторных «докладов» мозгу с мышлением.

Но в одном он, несомненно, прав. Персонажи Гомера начисто лишены какой-либо самостоятельности, все они — от Ахилла до Одиссея марионетки капризных богов, руководящих не только их поступками, но и мыслями.

В Ветхом Завете (кстати, ровеснике «Илиады») центральным действующим лицам свобода оставлена лишь в самых примитивных проявлениях. В принципиальных же вопросах они полностью управляются божеством, которое диктует им их мысли. (*Исх.19-6, Второзаконие 7-17, 2-ая Царств 15-34, Исход 4-22, Левит 1-2, Числа 5-6, Иер.1-17 et cetera.*)

Чуть позже эти взаимоотношения божества и человека весьма поэтично сформулирует апостол Павел в «Послании к евреям» Здесь уже через него, как через ретранслятор, верховный дух сообщает: «Вложу законы мои в мысли их и напишу их на сердцах их».

Со множеством вариаций, но подобная картина повторялась во всех религиях.

Можно заглянуть в любую страну, в любую эпоху — и везде все эталоны миропознания, все высокие образчики мыслей и чувств являют собой чистейший трансляционизм «божественного» происхождения.

Примеры *Августина, Волхвов, Ноя, Кассандры, Лютера, Кришны,*

Друидов, Иова, Рамы, Иоанна Богослова, жрецов Дельфийского храма, Моисея, апостолов, Саргуна, Ишвара, Брахмана, Вишну, Рамы, Шивы, Ниргуна, Гильгамеша, Авалокитешвары и пр. доказывают, что все мало-мальски достойное и просветленное в мыслях человека — есть плод некой трансляции, принять которую тот был удостоен в соответствии со своей избранностью и волей «транслятора».

«Греховные и грязные» мысли и чувства оставались в компетенции демонов, дьявола, чертей, злых духов, бесов, суккубов, или богов с отрицательным амплуа, вроде Аримана, Люцифера, Кали, Апопа, Фурий, Сета, Локи, Ангро-Майнью, Эриний, Гейрреда et cetera.

Каким именно образом свершались трансляции обеих типов и где именно в организме homo располагается «приемник» религиозное знание не уточняет. Исключением является лишь изящная формулировка немецких гуманистов XV века Якоба Шпенглера и Генриха Инститориса в их труде «*Malleus maleficarum*» (1487 г.)

«Если спрашивается, каким образом дьявол может производить такую иллюзию чувств, не причиняя боли в голове, то ответ легок. Во-первых дьявол не дробит органов и не меняет их сущности, а лишь приводит в движение образы»

Идея трансляционизма жива и по сей день.

Подхваченная у схоластов, но несколько неуклюже развитая в середине XX века православным святым Войно-Ясенецким, в XXI веке она красиво трансформировалась в научную концепцию, имеющую множество сторонников.

В 2007 году была опубликована сенсационная книга П. Ван Ломелла **«Бесконечное сознание: Научный взгляд на околосмертные состояния»**. Основной мыслью данного труда является то, что «сознание присутствует во всей вселенной» как радиоволны, а мозг способен их улавливать, «как радиоприемник ловит ту или иную программу».

Современная антропология тоже не годится нам в Вергилии, так как давно утратила всякие черты научной дисциплины.

Будучи очень соблазнительным местом обитания различных «идей» о человеке, она за последние 50 лет контаминировалась психологией, философией, метафизикой и откровенной беллетристикой.

Радикальные изменения, «внутренние революции», разумеется, возможны в любой области науки.

Причины таких метаморфоз бывают различны. Чаще всего это происходит под влиянием новооткрывшихся фактов и обстоятельств.

Но возможен и вариант, когда объем накопленного материала становится так велик, что самим фактом изменения своих размеров меняет устоявшиеся смыслы и трактовки.

(Тут возможна осторожная аналогия с эффектом «критической массы», когда определенное количество вещества может находиться в состоянии стабильности, а уже чуть большее — вступает в разрушительную реакцию само с собой, как это неизбежно происходит с ^{235}U , ^{239}Pu .)

Но в данном случае роковое влияние на дисциплину оказали не новые открытия и выводы, а именно стороннее влияние.

Отчасти здесь повторилась та же самая ситуация, о которой мы говорили в шестой лекции.

Напомню, что к концу XX века сама наука о мозге оказалась очень существенно загрязнена (контаминирована) психологией и метафизикой.

Начиная с 70-х годов примесь этих практик становилась с каждым годом все больше и влиятельнее.

Со временем именно эта примесь стала существенно искажать реальную картину представлений о работе головного мозга.

Именно она попыталась порвать связь нейрофизиологии с принципами эволюционистики, сравнительной анатомии и общей физиологии. Она же привнесла зыбкость и подменила фантазиями строгую фактологию.

Наука о мозге, впрочем, была в гораздо лучшем положении, чем антропология.

В ее основе находится физиология ЦНС. Это крепкая, боевая, и что очень важно — бескомпромиссная дисциплина. Она презирует домыслы и легко самоочищается, бракуя все то, что не имеет экспериментального фундамента.

Более того — в самой традиции этой науки содержится противоядие от философии и психологии. Как мы помним, его превосходно сформулировали Сеченов, Брока, Павлов и Клод Бернар.

Благодаря двум этим факторам, очистка нейрофизиологии от «паразитов» является, в принципе, возможной.

С антропологией ситуация иная.

Она почти не имеет доказательной базы, ее эмпирическая основа (кроме антропометрии) крайне мала.

Ее основоположники занимались в основном накопительством материала. Иногда — его поверхностной структуризацией.

Они не успели выработать для своей дисциплины правил выживания и безопасности. Посему различным паразитическим практикам оказалось чрезвычайно легко «подмять» под себя антропологию.

Технология «подмятия» не имеет отношения к нашей работе, поэтому очертим ее предельно кратко.

Легко заметить, что философия, (последнее время пребывающая в некоторой праздности), от скуки флиртует с молодыми и неопытными научными дисциплинами и очень легко их «совращает».

Это не удивительно, если принять во внимание ее опыт и богатство методик. Соблазнив и заразив очередную «несчастную дурочку» всеми своими болезнями, она, как правило, бросает ее, напоследок, небрежно, указав путь в никуда.

Занятно, что антропология и направилась именно туда, куда ей указано было философией. На этом пути она стала легкой добычей метафизических многозначительностей и «высоких надломов».

Ознакомление с ней теперь обязательно включает изучение терзаний множества авторов, объединенных незнанием азов физиологии и теории эволюции, но упорно ищущих корни своих недоумений в других, весьма возвышенных факторах.

Колоссальные накопления антропологических материалов XIX и самого начала XX века, конечно, никуда не делись и остаются в нашем полном распоряжении.

(Правда сегодня эполеты высокой науки с них сорваны и они переведены из «высокого измерения» антропологии в этнографию. Отметим, что никакой отчетливой смысловой демаркационной линии меж этими дисциплинами нет и никогда не было. Только терминологическая.)

Но!

Они основательно погрызены огромными стаями «новых антропологов», отчего потеряли свой «товарный вид».

Мы знаем, что любые грызуны, искуса и запачкав, сообщают попорченной фактуре еще и свой аромат. Классическая антропология не стала исключением из этого правила. Она пропахла примитивной мистикой и многозначительностью.

Сегодня это уже не ясность Леви-Брюля, Фрезера, Спенсера, Тейлора, Дюркгейма, Ратцеля и Ранке.

Это даже не «переходный» Малиновский.

Это, увы, — Шелер, Плесснер, Гелен, Эван-Причардс, Беккер, Леви-Стросс et cetera, переформатировавшие антропологию в истероидную, полуфантазийную дисциплину, рождающую только карликовые и декоративные идеи.

На смену легкости и точности Тэйлора, Летурно и Леви-Брюля, на смену отчетливому видению развития человека пришли терзания и фантазии: «Никогда раньше представления о сущности и происхождении человека не были более сомнительными, неопределенными и разнородными, чем в наше время» (Шелер 1929).

Начиная с 30-х годов в антропологии, по признанию К. Кестлина (1967) происходит «распад очевидностей». Ему вторит другой вынашиватель весьма экзотических идей — Эйкен (1922): «Многое, из того, что прежде считалось очевидным, стало теперь трудной, вряд-ли разрешимой проблемой.»

Как видим — сегодня в антропологии все пропитано «мышиним запахом» самокопания и надуманных драм.

А случилось это по причине исключительно сильной загрязненности антропологии теми веяниями, что декларируют «непостижимость человека» (Плесснер) и независимость его мозга от общеэволюционного процесса.

Отметим, что практически все существенные задачи, стоявшие перед антропологией, как наукой — так и остались не решенными.

Впрочем, чаще всего обязанности «приема» инструкций возлагались не на какие-то конкретные органы, а непосредственно на саму «душу».

По поводу ее дислокации, а также формы, объема, цвета и веса у культов, разумеется, нет единого мнения.

Папуасы, кафры и библейские евреи поселяли ее в крови.

Тасманийцы, бушмены и православные философы определили местом ее обитания сердце.

Тот факт, что при ортотопической пересадке этого органа, как правило, никаких изменений личности не происходит, сторонники сердечной версии (кардиоцентризма) никак не комментируют.

Племена *Овамбо* (зап. Африка), *Платон* и *эскимосы* располагали душу в груди и печени, а *платоники* обнаружили еще одну (добавочную) таящуюся в пояснично-крестцовом отделе.

С.и В. Кирлианы, а также парапсихологи из UCLA (*Калифорнийского университета*) в 1955–1960 гг. фотографируя различные «ауры» и по месту концентрации их свечения определяя локализацию души — опровергли идеи *Платона* и *эскимосов*. По их наблюдениям душа не имеет постоянного места в организме, а располагается вокруг него в виде светящегося контура, заметного только парапсихологам.

По мнению древних *лангобардов* душа, имеющая вид змеи обитает в кишечнике, а у *коряков* ее можно наблюдать на макушке, в виде небольшого огонька.

С *коряками* солидарен А. Гудспид, профессор университета Темпла в Филадельфии, который несколько лет подряд с помощью рентгеновского аппарата пытался запечатлеть душу именно в районе теменной кости черепа. Изыскания Гудспида получили признание и известность благодаря множеству публикаций, прежде всего очень оптимистичной статье «К вопросу о фотографировании души», размещенной в «*New York Times*» 24 июля 1911 года.

Древние *гренландцы* воспринимали душу, как обязательную, но легко заменяемую деталь. Они были уверены, что душу больного человека хороший колдун легко может заменить «свежей», исправной душой зайца, тюленя или ребенка.

Русские крестьяне (до начала XX века), *фиджийцы, готтентоты* и *цейлонские вейдахи* были убеждены, что душа постоянно перемещается по

организму, а увидеть ее можно только в тот момент, когда она покидает тело. В этом случае она принимает вид пара или «малого дымца».

Идея «дымца» была поддержана и тщательно разработана голландскими физиками Д. Матле и Д. Заалберг в их труде «*Mystere de la mort*» (1948). Физики даже создали специальный улавливатель, снабженный большим количеством индикаторов, сообщающих об объеме попавшей в аппарат души. Ради справедливости отметим, что они не были новаторами. Еще в XIX столетии шаманы *приморских даяков*, привязывая к пальцам рук рыболовные крючки, умели ловить отлетающую душу; а у народности *гайда* колдуны использовали большую полую кость, в которую закупоривали заблудившиеся души, чтобы при случае продать их бывшим владельцам или тем, кто пожелает приобрести еще одну, запасную. Была ли кость снабжена индикаторами — осталось неизвестным.

Рене Декарт точкой локализации души назначил эпифиз (*corpus pineale*). «Часть тела, в которой душа, по-моему непосредственно выполняет свои функции — никоим образом не сердце и не весь мозг, а только часть его, расположенная глубже всех; это известная, очень маленькая железа, расположенная посреди его вещества» (Декарт).

Трудно сказать, чем именно вдохновила Декарта малюсенькая шишковидная железа, уютно расположившаяся меж верхними холмиками квадригеминуса, над самым таламусом. Возможно, своей кажущейся «центральностью» расположения — и (на тот момент) неясностью ее функции.

Безупречной логикой в вопросе душеразмещения в организме блещут *чукчи*, справедливо предполагая, что душа руки — размещается в руке, а душа живота — в пупковой области и т. д. (Вспомним, что у них в почти полной неприкосновенности сохранились анцестральные представления о том, что каждая часть тела имеет свою собственную душу.)

Чукчи не одиноки.

Индейцы *лакота* и *минеконжу* убеждены в том, что человек имеет, как минимум четыре души; африканские племена *йоруба* и *бамбара* убеждены в наличии трех душ; по мнению древних *египтян* она разделена на автономные части (Ба, Акба, Ка, и К-аба); а вот у мудрых *нивхов* количество душ определяется состоятельностью *homo*.

Зулусы и *дагомейцы* свершают ритуал «собирания души», которая по их мнению, рассредоточена по организму: «Преемник умершего отрезает с трупа часть его половых органов, разрезает на куски левую руку, рассекает нижнюю губу и вырезает с середины лба кусок кожи. Все это он коптит на огне, а потом зашивает в мешочки разной величины» (Б. Оля). Отметим что

собирают только души жрецов; процедура занимает несколько дней и требует постоянного вокального сопровождения и барабанного боя. Если в период копчения ритм барабанов был выдержан правильно, то душе обеспечен практически неограниченный срок хранения.

Касательно цвета и запаха души данных нет, а вот ее вес — долгое время был предметом весьма серьезного обсуждения.

В 1901–1907 гг. в Дорчестере, некто Дуглас МакДугалл (вполне респектабельный гомеопат) взвешивал своих пациентов в момент их смерти (и соответственно, исхода души). Разница меж предсмертным и посмертным весом пациентов равнялась примерно 21 грамму. В 2000 году в Орегоне овцевод Льюис Холландер из чисто научного интереса умертвил на весах несколько овец. В этом случае разница составила от 300 до 780 граммов, причем посмертный вес был больше предсмертного.

В 1998 году Дональд Карпентер предпринял исследование, результатом которого стал труд «*Physically weighing the soul*». В нем подробно описаны эксперименты с множеством собачьих и мышиных смертей, размещено множество графиков и таблиц, но все выводы по неведомой причине касаются веса души у эльфов. Последнее обстоятельство чуть-чуть обесценило научную ценность работы Карпентера, но разумеется, только для грубых материалистов.

Множественность версий о цвете, форме, количестве и дислокации «сверхъестественного начала» легко объясняется разным уровнем развитости религиозного знания.

Подлинное состояние дел в этом деликатном вопросе остается до сих пор неведомым.

Нам трудно судить, кто именно понимает его лучше. *Эскимосы и Платон*, или *тасманийские колдуны и Бердяев*.

Впрочем, это не так важно.

Важно то, что людей в перьях, тогах, цилиндрах, кухлянках, митрах, зипунах и белых халатах — объединяет твердая уверенность в наличии души.

Мы можем наблюдать парадоксальное сходство взглядов.

Оно роднит папуаса, чьи ноздри украшены продетой сквозь них костью казуара и русского философа в лакированных штиблетах с двадцатью пуговками.

Несомненно, это впечатляет.

Но основные аргументы религиозного знания находятся в еще более эффектной плоскости, там, где паранормальное, презрев все законы физики, окончательно прорывается сквозь «тленные оболочки».

В истории есть множество фигур, блеснувших демонстрацией своих паранормальных способностей, но наилучшим примером будет персона основателя христианского культа.

Почему?

Дело даже не в том, что на использовании этого бренда были сделаны самые значительные состояния и создана самая масштабная тоталитарная идеология, заставившая миллионы homo на протяжении двадцати веков «засыпать и просыпаться с именем Иисуса Христа».

Для выбора именно этого имени есть более веская причина.

А именно — удобство.

Во всей фиксированной истории невозможно найти образ, который был бы столь же вторичным и собирательным.

Дело в том, что евангельский миф целиком и полностью слеплен из черт, свойств, событий, трагедий, обрывков «биографий» множества богов античного мира (самого плодovitого по части богопроизводства).

Исключительная ценность Евангелий — в их абсолютной компилятивности.

В судьбе Иисуса (как в матрешке) заключены драмы и судьбы Озириса, Таммуза, Диониса, Адониса, Мардука, Аттиса, Кришны, Митры и множества других божеств и духов.

Беззастенчивость, с которой «биография» христианского бога сшивалась из обрывков полузадушенных магий и мертвых культов можно извинить, как поспешностью, с которой создавалось новое верование, так и необходимостью набрать хоть какую-нибудь биографическую фактуру для нового божества.

Присмотримся.

От ассиро-вавилонского Мардука евангельскому Иисусу досталась шутовская коронация, багряница, избиения, терновый венец, казнь, спасение своего народа от гнева злых духов ценой своей жизни, стражники при гробнице, разбегающиеся в ужасе при виде воскресшего мертвеца и даже въезд в город на ослике.

От финикийского Адониса и фракийского Диониса — вся история со сброшенными погребальными пеленами, хождение по воде, пещера-гроб, а также некоторые нюансы воскресения.

От фригийского Аттиса — водяное «крещение», превращение воды в

вино, трехдневный срок пребывания в смерти перед воскресением, прощальная «тайная» вечеря с учениками и «причастие».

От греческого Асклепия — способы исцеления слепца при помощи намазывания ему век слюной.

От Гора, Диониса и Гермеса — рождение в хлеву.

От Митры, Гора и Кришны — пастухи или звездочеты — волхвы, навестившие новорожденного бога в «вертепе», рождественская «звезда», преподнесение ему «звездочетами» неких пророческих подарков, история с избиением младенцев и бегством.

(Известно, что когда Кришна родился, его дядя Канса, боявшийся за свой престол, повелел убить вообще всех недавно родившихся мальчиков.)

У евангельской истории про избиение младенцев и бегство есть множество ранних двойников: это история о матери Апполона — Латоне, скрывавшей сына от Пифона; миф об Изиде, вынужденной бежать с новорожденным Гором, спасаясь от Сета; легенды о Саргоне, Персее, Ромуле и Реме, маленьком Кире, и т. д. Вероятно, именно этот мотив был одним из самых конъюнктурных в ту эпоху.

Отметим, что все без исключения упомянутые боги были непорочно зачаты, родились в пещере или в хлеву от матерей девственников; всем им демон или злой дух предлагал богатство и власть; все умели ходить по воде, летать и исцелять; все умерли во «искупление» чего-нибудь, (а не просто так), и все, разумеется, воскресли.

Некоторые мелкие нюансы и подробности евангельского сюжета заимствованы из мрачных повествований об Озирисе и Таммузе, а также из историй богов и героев как греческого, так и других пантеонов.

Отметим, что в повествования о Христе искусно вплетены и реалистические детали, заимствованные из крайне популярных свидетельств о принесении отцами в жертву собственных сыновей. Древняя история была богата такого рода прецедентами. Достаточно вспомнить очаровавшие драматизмом античную публику поступки карфагенца Малея, повесившего своего сына Карталона во имя военной удачи; Гамилькара, заставшего сына (тоже во имя победы); осажденных в Трите финикийцев, приносивших во имя искупления своего народа лучшего из мальчиков и т. д.

Вполне возможно, что необходимость вживить новое божество в экзотическую древнееврейскую среду заставила снабдить легенду об Иисусе несколькими оригинальными «местными» эпизодами, припудрить колоритом конкретной эпохи и дополнить текстами, связывающими ее с более ранним фольклорным пластом Ветхого Завета.

Маловероятно то, что в евангельский текст были врезаны какие-то совсем новационные мотивы.

Мы знаем, что даже ее «моральная» часть целиком плагиатирована из египетских и митраистских источников, а факт «вознесения» это всего лишь апофеоз старой доброй левитации, описанной еще Лукианом в его рассказе о «гиперборейских фокусниках».

В новациях, кстати, никакой необходимости и не было.

На примере сравнений текстов Ветхого Завета с другими фольклорными памятниками того времени Дж. Фрезер в своем труде «*Фольклор в Ветхом Завете*» доказал, что практически все тексты Библии не являются самостоятельными и оригинальными.

В начале уже нашего столетия был сделан фундаментальный и весьма современный анализ библейских и евангельских текстов. Несмотря на то, что основной его целью было доказательство подлогов авторства текста, он в общем и целом подтверждает и часть выводов Фрезера о заимствованной сюжетике. Я имею в виду работу Барта Эрмана «*Великий обман, научный взгляд на авторство священных текстов*» (2011)

Более того, Фрезер очень понятно объяснил, что оригинальность ценилась значительно меньше, чем хорошая аранжировка «бродячих сюжетов».

Нет никаких оснований предполагать, что и компиляторы евангелий были склонны к лишнему фантазерству.

Они тоже, судя по всему, неплохо знали рынок религиозных текстов и вкусы публики, которая легче усваивала знакомые с детства фольклорные мотивы, чем какие-либо новации.

Даже само название «евангелия» — пример типичной конъюнктуры. Именно так именовались в Риме очень понятные и популярные сообщения о днях рождения императоров.* (OGIS,458,II,40 сл), а ходовым этот термин являлся еще с Гомера (Одиссея, XIV — 152 и 156)

Это свойство евангелий кому-то может показаться существенным недостатком.

Но на самом деле оно является огромным достоинством.

Собрав все паранормальные прецеденты древности «под одной обложкой», оно избавляет нас от необходимости разбираться с каждым божеством по отдельности.

Как творение Франкенштейна несло морфологические особенности тех людей, из останков которых доктор создал своего гомункулуса, так и Христос, «сшитый» из всех богов и духов античности, являет собой превосходный образец самой изощренной, драматической и многогранной

мистики.

Компилятивное происхождение евангелий придает им еще больший вес, так как аккумулирует почти всю систему религиозных знаний целого тысячелетия.

Христианская теология без всякой натуги нашла объяснение этих совпадений. По мнению Тертуллиана и прочих «отцов церкви», разумеется это **«козни дьявола и демонов»**. **«Для того, чтобы осмеять Христа и заставить людей считать, что христиане лишь копируют веру в языческих богов, демоны стали вдохновителями мифологии. Демонам было заранее известно, чему будут учить христиане и поэтому они измыслили сходные мифы и обряды»**, и коварно разыграли их до евангельских событий. (Дж. Барт. Рассел. Сатана: восприятие зла в ранней хр. традиции. 1981)

Для нас не принципиально, кто именно, Иисус или Таммуз облачался в «багряницу»; как конкретно звали бога, который первым предложил есть его мясо и пить кровь для магического воссоединения с ним; какое из божеств, финикийское, фракийское или фригийское ввело традицию обязательного хождения бога по воде.

Понятно, что каждое из упомянутых божеств тоже не было самостоятельно и оригинально. Аттис, Дионис, Митра, Озирис и пр., тоже в свою очередь «сделаны» из элементов своих предшественников, богов еще более ранних, и вероятно, более примитивных, родословия которых уходят к духам неолита.

Разумеется, у любого божества есть свой «срок годности». Иногда он заканчивается вместе с особенностями века, который его породил и культивировал, иногда божество естественным образом утрачивает кредит доверия и аннулируется.

А новая эпоха рвет просроченных богов на лоскутья, чтобы сшить из них что-нибудь модное и новенькое.

Евангелия в этом смысле являются прекрасным материалом для доброжелательного и беспристрастного анализа, так как именно в «итоговом» имени (И. Христа) заключена вся религиозная система огромной и очень важной эпохи.

К слову. Нам и не оставлено выбора. Ранние христиане так усердно заматали следы происхождения своего культа, что уничтожили почти все дохристианские источники. Конечно, кое-что осталось. Это сегодня позволяет воссоздать общую картину античной мистики, но работать с весьма дробными и разрозненными свидетельствами о Дионисе, Аттисе и Митре, и т. д. было бы очень сложно.

Евангельские события никогда бы не были замечены, если бы не их сверхъестественная составляющая, т. е: воскресение, как самого божества, так и других мертвецов, чудесные исцеления от намазывания слюной, шествия зомби по Иерусалиму, непорочное зачатие, хождение по поверхности воды и пр.

Сами по себе «приключения раввина в эпоху второго храма», (пусть и крайне драматические), остались бы никому не известным и не интересным эпизодом.

Вспомним, что иудейская история «века Иисуса» отличается крайней экзальтированностью всех ее участников, высочайшим градусом религиозного фанатизма, постоянными восстаниями, казнями, штурмами и распятиями.

Очень небольшой временной отрезок вмещает такое количество лиц, трагедий, событий, страстей и смертей, что иному государству хватило бы на пару тысяч лет.

Зажигающие народ религиозно-национальные лидеры исчисляются десятками; до сих пор неясно, как такое количество персонажей, сочетавших в себе ораторские таланты с дикой воинской отвагой и невероятным свободолюбием могло разместиться в тесном временном пространстве 50–70 лет?

Ведь Иудея I века — это «жгучая», квазирелигиозная субстанция, способная без следа растворить в себе практически любую судьбу, любую локальную драму.

Побития камнями, утопления, демарши проповедников, распятия фанатиков и смутьянов были ежедневной реальностью, смыслом и содержанием общественных процессов.

На всякий случай напомним.

I век нашей эры — это:

Захват и осада крепости Масада, где (примерно) тысяча древних евреев, вдохновляемых верой и ненавистью совершила добровольное самоубийство во имя «бога, Израиля и свободы».

Мессиями там позиционировали себя даже пятилетние дети, погибшие вместе с отцами. Эта история масштабнее и трагичнее «евангельской», но мир она не завоевала и вне радикально-националистических групп в Израиле осталась практически неизвестной.

Это кровавые войны фарисеев и саддукеев, втянувшие в себя все взрослое население и породившие десятки мучеников за точность толкования «Закона Авраама, Исаака и Иакова».

Это время профессиональных мессий, «пророков-вожаков»: Елеазара-бен-Йайра и Елеазара-бен-Шимона, Менахема, Шиимона-бар-Гиора, Ионафана из Гушкаллы, Иуды Галилеянина, Баар-Кохбы, Иоанна Гискальского, Анны и Иисуса Иерусалимских, Симона Арисского et cetera.

Это век тайной боевой секты сикариев, резавших всякого, кто не демонстрировал ненависти к Риму — и за это распинаемых легионерами Гессия Флора вдоль всех дорог.

Это ежедневные, в каждом городе, городке, в каждой деревне, при каждой синагоге — стоголосые диспуты zelотов и саддукеев, переходящие в кровавые потасовки.

Это век окровавленной бронзы римских легионов, крушащих то Иотапату, то Гамлу, то Иерусалимский храм.

Это время секты ессеев, основавших целые города отшельников, где они изобретали тысячи способов «мертвления своей плоти».

Это, наконец, времена, когда при штурме Иерусалима Титом были распяты только для «потехи и устрашения» тысячи, а Иерусалимские стены снесены.

На этом, весьма живописном фоне, в том числе «среди огромной армии мучеников, выдававших себя за богов» (Фрезер) выделиться и запомниться было чрезвычайно сложно.

Все реплики, репризы и монологи Иисуса, все его «заповеди и проповеди», вероятно, не произвели бы впечатления даже на его ближайших родственников, не говоря уже о потомках.

Цену и смысл всем словам очередного машиаха придали только те паранормальные явления, которые их сопровождали.

Не случайно составители евангелий делают такой решительный акцент именно на сверхъестественной составляющей приключений раввина Иисуса.

Не случайно «воскресение», т. е. резко паранормальный факт восстановления всех физиологических функций у захороненного покойника положено в самую основу христианского верования и тщательно культивируется церковью.

Она же настаивает на безусловной, безоговорочной подлинности и всех остальных 38 чудес, описанных в евангелии.

Мы не будем анализировать саму евангельскую историю — она не имеет к теме настоящего исследования никакого отношения.

Мы говорим лишь о пропорции паранормального и нормального в этом сюжете, который является превосходным концентратом магизма.

Как мы знаем, он начался с того, что очень свирепое божество древних евреев (Иегова), известное уничтожением целых городов, насыланием эпидемий, болезней, катаклизмов, а также утоплением практически всего населения земли через устройство «потопа», неким необъясненным способом (вероятно, минуя влагалище, фаллопиевы трубы и воронку) вселилось в матку еврейской девочки и зачем то провело там нормативные девять месяцев пренатального периода.

По всей вероятности, (хотя на это нет никаких указаний в евангелии) Иегова вынужден был пройти все полагающиеся стадии эмбриогенеза, так как иначе он не смог бы разместиться в матке без причинения серьезного вреда репродуктивной системе девочки, а главное, не смог бы по истечении срока утробного плодоношения выйти из нее родовыми путями, их не разрушив.

Родившись обычным порядком, божество получило новое «земное» имя — Иисус, а спустя какое-то время приобрело профессию раввина, т. е. учителя и проповедника, наделенного правом проповедывать в синагогах (евангельские примеры).

Судя по всему, отчаявшись перевоспитать древних евреев с помощью потопов, огненных дождей и массовых убийств оно решило вразумить их личным исполнением нотаций о любви к ближнему (очень предусмотрительно не конкретизировав, кто этим «ближним» является, а кто нет).

Далее разыгрывается драма типичная для того экзальтированного времени: пиры, предательства, проповеди, блудницы, легионеры, и несколько хаотичные марширады от одного древнееврейского села до другого.

В итоге — всесильное и принципиально бессмертное божество, разыграло перед врагами и поклонниками спектакль собственной смерти, хотя умереть не могло никак и не при каких условиях в силу того, что являлось всемогущим и бессмертным богом, создателем и управителем всего мира (Или же его некоей неотделяемой и единосущной частью).

По истечении небольшого срока уже похороненное божество, разумеется, ожило и в полном здравии предстало перед публикой, после чего, считая свою миссию оконченной, «вознеслось».

О вознесении, т. е. (по всей вероятности) о вертикальном взлете мы не имеем вообще никаких данных.

Евангелия скупо констатируют сам факт «взлета», ни единым словом

не конкретизируя скорости божества, его траектории, направления и других параметров полета.

Никак не оценивая эту запутанную мифологему, не пытаюсь искать в ней смысл или логику, мы вновь отмечаем, что именно паранормальная составляющая является в ней принципиальной доминантой.

Основой евангельского сюжета является восхитительная легкость, с которой главный герой нарушает законы физики, химии и физиологии.

Это в высшей степени традиционная схема, унаследованная христианством от всех тех культов, из которых оно было сконструировано.

«Просроченность» богов, послуживших набором деталей для новой религии, никакой роли не играет, т. к. умирают лишь их имена, а магическая компонента переходит от культа к культу в относительной целостности.

Все что говорило божество и все, что культ говорит от его имени всегда имеет особую ценность именно потому, что было подтверждено сверхъестественными событиями и явлениями.

Именно это и ничто другое придает репликам Иисуса (как и любого другого бога) вес и значимость.

Здесь мы вновь видим, что все суждения религий о природе мышления и сознания (как и о любых других вопросах) приобретают свой вес лишь в комплекте с набором паранормальных явлений. Нам предстоит понять: есть ли хоть какие-то основания говорить о том, что такие явления происходили в реальности?

Тут возникает существенная проблема.

На первый взгляд мы лишены возможности проверить природу этих чудес и сам факт их наличия.

Все участники евангельских событий, как и герои Бхагавадгиты или мифов о Гильгамеше или Адонисе давно умерли и не оставили никаких исследуемых останков или достоверных материальных свидетельств о своих чрезвычайных возможностях.

Нам будет сложно подвергнуть экспериментальной проверке воскресение Иисуса или Диониса, непорочное зачатие Аменофиса, Гора и Митры.

Ситуация кажется безвыходной, но это не совсем так.

Позволим себе невинную аппроксимацию, т. е. объясним сложное при помощи простого.

Предположим, что нам надо исследовать половую систему трилобитов — давно вымерших морских членистоногих палеозоя.

Но!

Все образцы этих созданий сохранились только в том случае, если они фоссилизировались, т. е. окаменели.

Процесс фоссилизации (окаменения) заключается в том, что постепенно все молекулы экзо или эндоскелета мертвого организма замещаются молекулами тех минералов, что доминируют в окружающей среде.

Происходит перекристаллизация, которая навсегда изменяет структуру трилобитового панциря (экзоскелета), но при этом все мельчайшие подробности его рельефа сохраняются.

По сути, фоссилия трилобита — это минеральная реконструкция его панциря.

А вот все остальное — нервы, жабры, кишечник, семенники, яичники, мышцы, т. е. вся мягкоструктурная органика превращается в однородную кальцитовую, сланцевую или гнейсовую массу.

Чаще всего, то что находится внутри трилобита ни в коем случае и не претендует на статус «фоссилии» внутренностей (это просто часть той породы) которая со временем окутывает окаменевший панцирь.

Почему это происходит именно так?

Дело в том, что мягкие ткани гнивают и вымываются быстрее, чем может идти процесс фоссилизации. Минеральные молекулы не успевают «осесть», (к примеру) на весьма эфемерных семенниках или яичниках, связаться меж собой и повторить их извивы.

Фоссилизация — процесс долгий, а гнивание — быстрый.

Хотя нельзя исключать, что в одном примерно, случае из миллиарда*, по ничтожным изменениям оттенков в каменной внутрипанцyrной массе, по разностям ее плотности можно угадать часть внутренней структуры членистоногого, нюансы которой повторили молекулы замещающего минерала. Но такое исследование всегда свершается на грани самообмана или даже за нею.

Короче говоря, установить особенности половой системы трилобитов по их фоссилиям практически невозможно.

Это столь же невозможно, как и определить реальность евангельских чудес на основании рассказов о них фанатиков христианского культа.

И в том и в другом случае достоверность будет примерно одинаковой.

Но!

В ситуации с трилобитами в нашем распоряжении есть их потомки — Xiphosura, т. е. ныне живущие мечехвосты, морские членистоногие.

Возьмем же это свежее, еще пять минут назад живое существо, и аккуратно его отпрепарируем.

В результате мы получим полное представление об их половой системе и приблизительное, но весьма вероятное о том, как она была устроена у их кембрийских или ордовикских предков.

Вполне возможно, что триста миллионов лет и внесли какие-то коррективы в длину яйцеводов или густоту сеточки семенников, но принцип организации половой системы, несомненно, сохранился.

На основании препарации мечехвоста мы сможем уверенно сказать следующее: трилобиты, скорее всего были раздельнополы, имели более короткие, чем большинство членистоногих яйцеводы, а «женские отверстия» находились у них по бокам от срединной брюшной линии и были прикрыты оперкулярной пластинкой.

У нас есть все основания пойти и дальше в наших выводах, и с определенной долей уверенности утверждать, что у трилобитов отсутствовали специальные копулятивные органы, а оплодотворение происходило вне тела самки, как это нынче наблюдается у мечехвоста.

Поразмыслив, мы придем к выводу, что именно такое устройство репродуктивной системы является наилучшим для существа с такой конституцией и конструкцией экзоскелета. (Нам это подскажет анатомическое своеобразие, которое через сотни миллионов лет продолжает связывать *Paradoxides* и его потомка, нашего современника *Xipsosura*.)

Т.е. исследовав потомка, с которым у трилобита есть большое количество общих морфологических свойств, мы почти разгадаем предка.

Примерно такую же схему вполне логично применить и в отношении евангельских или иных религиозных «чудес».

Следует всего лишь найти их ныне живущих «потомков».

Оглядимся вокруг.

Мир, в том числе и современный, переполнен различной мистикой, верой, обрядами, «таинствами» и пр.

Образчики ее можно обнаружить в любой церкви, костеле, синагоге, мечети.

Но агрегатное состояние церковной или синагогальной мистики нам не подходит. Церковные чудеса давно фоссилизировались и неподвластны кислотам и ланцету.

В «больших культах» они существуют лишь в виде символов — воспоминаний о событиях тысячелетней давности. Это своего рода трилобиты, ковыряться в которых бессмысленно.

Формально, конечно, «чудеса» присутствуют и в современной церкви.

В частности, таким чудом является евхаристия. Согласно догмату

христианской церкви «О пресуществлении», под воздействием магической пластики и песен жрецов в определенный момент происходит превращение булки и красного вина в мясо и кровь бога.

Согласитесь, трудно вообразить себе возможность подробного химического, биологического и молекулярного анализа содержания евхаристической чаши или детальную регистрацию происходящих в ней биохимических метаморфоз.

Даже размещение обычного градусника в ней или в служителе (в момент совершения таинства) пока представляется делом совершенно нереальным. Последним известным экспериментом в этой области была милая выходка Г. Гамова, который, будучи еще мальчишкой, унес из церкви за щекой причастный субстрат и дома исследовал его под микроскопом.

Впрочем, евхаристия, это достаточно скучное «чудо».

Его чудесность остается невидимой, неосязаемой и не имеющей никаких реальных проявлений и последствий.

Строго говоря, оно свершается только на декларативном уровне и числится в разряде «чудес» лишь на основании слов служителей данного культа.

Нам требуется что-нибудь посвежее и побеззащитнее, так как «трилобиты» церковных чудес, помимо своей окаменелости, еще и охраняются законами, традициями и фанатизмом.

По счастью у нас под рукой есть великолепные образчики беззащитной магии.

Это: спиритизм, спиритуализм, ясновидение, телепортации, т. н. «внетелесный опыт», различные оккультные экзерсисы с душой, экстрасенсорика, чудесные исцеления и прочие «проявления духа», которые «большие культы» очень неосмотрительно оставили на растерзание науке.

По существу никаких принципиальных отличий меж оккультно-спиритическими практиками и традиционными религиозными культами не существует.

И те и другие основаны на паранормальных явлениях, уверенности в наличии некоего верховного сверхъестественного фактора (бога), а также в реальности души и чудес.

Разница лишь в статусе.

Конечно, за тысячи лет «большие культы» утвердились на пьедесталах традиций, приобретя значительный социально-культурный вес, но по «весу» мистическому они совершенно идентичны любому оккультизму.

Ортодоксы, как правило, безглаголиво дистанцируются от оккультных и

спиритических практик, намекая на несопоставимость «их» и каких-то «спиритов». В этой брезгливости нет никакой логики, так как содержательная часть как «больших культов», так и спиритических сеансов сводится к примерно одному набору паранормальных явлений и умению их эксплуатировать.

И спириты, и теософы, и традиционные христиане декларируют свои цели и идеалы практически идентично, лишь немного варьируя фразеологию.

Приведем официальную формулировку сути спиритического движения. «Спиритизм есть всеобщий учитель, великий искупитель, освободитель человеческих душ от рамок суеверия и невежества, разгоняющий облака заблуждений, так долго окутывавших мир и освещающий тьму материального мира.» (*Суть и дела спиритизма 1940*)

Как видим, ее отличие от установок ортодоксов ничтожно, что бы по данному поводу не говорили христиане.

Теоретически, разница меж чудесами «больших культов» и «спиритизмом-ясновидением» должна быть не больше, чем между древним трилобитом и свежим мечехвостом.

Понятно, что о полной идентичности речи не идет, (есть внешние различия), но по основным параметрам их сходство несомненно.

Судя по всем, приметам оккультизм XIX, XX, XXI веков — прямой потомок древних верований. Но он еще не окаменел и, благодаря этому, не утратил столь ценной для нас исследуемости.

На первый взгляд «сгибание ложки силой мысли» и воскресение Христа кажутся несопоставимыми событиями, но по сути это явления одного порядка.

И в том и в другом случае грубо нарушены законы физики, разорвана зависимость организмов, предметов и событий с глобальными правилами существования мира.

Магию и религию разделяют не принципиальные различия, а исключительно агрессивность ортодоксального духовенства, нетерпимого к успешной конкуренции.

Эта нетерпимость (отчасти) оправдана.

Действительно, главное и единственное отличие т. н. деструктивных культов от традиционных «вер» заключается лишь в том, что «деструктивные» обеспечивают своих адептов более сильными ощущениями, чем ортодоксы.

Верующая публика — это всегда молоденькая дурочка, которая ищет впечатлений поярче. А реакция «больших» религий на оккультизм или

сектантство — это обычное брюзжание старика-импотента, возмущенного темпераментом любовника своей вечно юной жены.

В любом случае нас мало волнуют взаимоотношения вер, религий, культов и магических практик. Да, их склоки забавны. Конечно, каждая из них претендует на единоличное обладание т. н. «истиной» и старается очернить конкурентов.

Но на каком основании заявлениям одной религиозной группировки надо придавать больший вес, чем заявлениям другой?

Единственным доводом в пользу «истинности» заявлений ортодоксов может служить только более эффектный фасон их богослужебных шапок.

Боюсь, нам этого недостаточно.

В связи с этим было бы логично все большие и малые, древние и современные культы рассматривать как единый комплекс, в который входят и их дериваты, т. е. эзотерика, спиритуализм, и экстрасенсорика.

Различные эгрегоры, хилеры, талисманы, воскресения мертвецов, сгибания ложек, евхаристии, ауры, медитации, телекинезы, амулеты, молитвы, гадания, переселения душ, непорочные зачатия, чуринги, иконы, пирамидологии, хиромантии, акупунктуры, медитации, астрологии, биоэнергетики, «туннельные» эффекты, заговоры, ВТО (внетелесные ощущения), приметы, контакты с душами умерших, скапуломантии, гаруспикации, пророчества, асаны, сушеные головы тсантса и любые другие мощи, а также само понятие «душа», это лишь мозаичные составляющие крупных культов. Рассматривать каждое из них в отдельности нет никакой необходимости, хотя некоторые из этих явлений способны существовать и зарабатывать себе на жизнь вполне самостоятельно.

Общность всех религиозных проявлений была подмечена достаточно давно.

Упоминания о ней есть у Гельвеция, Вольтера, Гольбаха, Ламетри, Фейербаха, Юма, Руссо, Конта, Фрезера, Тэйлора и пр.

Отчетливее других ее сформулировал Трецца: «Взаимная зависимость всех религий друг от друга разрушает мнимую привилегию каждой из них на оригинальное происхождение и на то, что именно ей принадлежит охрана открытых человечеству небесных истин. Эта же взаимная зависимость уничтожает всякий сверхъестественный элемент в любой из них, обнаруживая ряд исторических наслоений в образовании религий» *Цитируется по А. Вилла (1925).*

Впрочем, изящество этой формулировки не отменяет сомнений в корректности того смешения религиозных проявлений, которое мы произвели чуть выше.

Тут возникает самый главный вопрос: есть ли меж столь различными на первый взгляд религиями, конфессиями, явлениями, обрядами и ритуалами доказуемое «генетическое» родство?

Применимо ли здесь (в качестве метафоры) понятие «единого генетического кода», такого же простого и неизменного, каким является последовательность азотистых оснований в ДНК?

Alias, есть ли в основе всех культовых действий некий простой и неизменный набор компонентов, который, сочетаясь, дает в результате жизнь всем паранормальным представлениям и ритуалам?

Неизменность (относительная) таких компонентов, безусловно, есть. Конечно, нет такой легкости и великолепной небрежности, которую мы можем наблюдать в жизнесоздающем коктейле из аденина-тимина-гуанина-цитозина.

Но у ДНК и у компонентов веры, по всей вероятности, все же совсем разные авторы.

Выражаясь с чуть большей прямоотой, мы можем констатировать, что все религии и культы сделаны из одних и тех же фрагментов. А компоновка фрагментов и «внешность» культа — детерминировались обстоятельствами эпохи, культуры, т. е. средой в которой культ функционировал.

Это не удивительно, будучи естественным развитием идеи первобытной примитивной магии неолита, все без исключения религии сохраняли в себе ее основные черты и тенденции.

Все они криво или прямо восходят к ее основным составляющим премордиальной магии: к контактной, инициальной, катартической, контагиозной, церемониальной магиям и некромантии.

Эти шесть магий и есть, по сути, «азотистые основания», из которых свивается «генетический код» всех религий, реплицирующий себя на каждом новом витке развития в виде очередного верования.

Теперь перейдем от общего к частностям.

Единый «генетический код» дает жизнь «элементам», из которых складываются различные религии.

Но если это так, то между ними должна наблюдаться и внешняя родственность, видимая невооруженным взглядом.

Примерно такая же, как между плавниками рыб девона и кистью руки человека.

Она, несомненно, есть.

Как в современных организмах мы видим черты их далеких предков, так и в мировых религиях без труда мы можем разглядеть «анцестральные» черты первобытной магии и древних культов.

В качестве примера разберем известный христианский сюжет — т. н. «благовещение Марии».

Легенда о Марии и ангеле, несомненно, является дериватом традиции «непорочного зачатия», обязательного почти для всех культов, как мировых, так и местных.

В Ассирии, Финикии, Греции, Древнем Иране, Индии, Камбодже,

Риме, Иудее, Сирии, Мексике и т. д. очень трудно найти какое-нибудь относительно организованное верование, в котором божество было бы зачато стандартным способом и родилось бы не от девственницы.

Технология оплодотворения девы богом, конечно, варьирует в зависимости от эпохи и развитости представлений о зачатии, как таковом.

В самых древних культах, когда связь между половым актом и беременностью еще не была очевидной, оплодотворение могло произойти через ухо, нос, макушку, прикосновение к священному предмету или просто «по желанию».

Богиня Нут, как известно, не бывшая замужем, сама зачинает своих детей (солнце и звезды), проглатывая их вечером, чтобы родить утром, а Атуме-Ра оплодотворяется собственными размышлениями об оплодотворении.

Но уже чуть позже объектом воздействия бога (богов, духов) становятся все же гениталии девочки.

К сожалению, антропология не может точно установить временной рубеж установления человеком взаимосвязи меж совокуплением и деторождением. (Не так-то это просто, как кажется на первый взгляд). Известно, что лингамические процедуры (использование храмового искусственного пениса) были иногда символическим действием, а иногда и практическим. В последнем случае они совершались лишь для расширения «отверстия», в который мог бы проникнуть дух божества, если бы девочка оказалась достойной этой чести.

Древнейший образчик совокупления с богом можно обнаружить в египетской истории волшебного зачатия Аменофиса.

Там, кстати, оно произошло через нос.

Бог Тот сыграл роль посланника, объявившего девственной жрице Мутемуа волю бога Нефа, и дал ей понюхать анкх, благодаря чему и произошло оплодотворение.

В девственницу Майю (Майию), мать Будды, божество проникло через макушку, приняв вид пятицветного луча, в не менее девственную маму Заратустры через растение, а вот в деву Коатлику, родившую бога Уицилопотчли, приняв вид летающего шарика из ярких перьев.

Чуть позже у богов начинается нормальная половая жизнь — и в культе ассирийской Милиты мы уже видим налаженный процесс принесения в жертву этой богине девственности через банальное совокупление.

Соитие с Милитой происходило в крошечной темноте храма и исключало возможность разглядеть (к примеру) прическу богини.

Над девой, готовой к совокуплению, вначале звучал «глас», извещавших всех ее о ее избранности. Затем происходило само действо. Оно было анатомически парадоксально, так как Милита была не только божеством, но и дамой, т. е. существом все же не наделенным пенисом. Тем не менее, вполне гетеросексуальное соитие происходило каждый раз без каких-либо недоразумений и затруднений.

Древние культы Камбоджи вообще не допускали никакой близости новобрачной девицы с мужем до того момента, как ее отведают божество. Тшин-тан (совокупление с божеством) было строго обязательным. Здесь оно откровенно осуществлялось через приближенных, имеющих статус «посланников» бога, т. е. через жрецов.

Иногда совокупление было символическим.

В этом случае в нем участвовал только половой орган бога (лингам), сделанный из камня, металла или кости. Жрецам в этом случае оставалась лишь роль инструментальщиков. Они с унылым пением вводили лингам девице в вагину и либо производили им расширяющие шевеления, либо имитировали половой акт (в зависимости от нюансов своего культа). Этот ритуал, распространенный в большей части древнего мира, сохранился до начала XX века на Гоа, Филиппинах, в Восточной Индии. Зачатые лингамом дети получали совершенно особые храмовые права.

В древнем Риме первое совокупление девицы тоже принадлежало только богу, а свершалось при помощи вечно эрегированного каменного пениса статуи Приапа. Любопытно, что и тогда наблюдались случаи оплодотворения.

В древней Мексике данную процедуру проделывали с девочкой уже на 29 день после ее рождения. (Вероятно, для того, чтобы иметь уверенность, что божество не опередит какой-нибудь темпераментный мексиканец.) Производилась процедура при помощи указательного пальца вставшего в транс жреца, всегда действовавшего строго в интересах своего небесного руководителя.

В секте индуистского толка Каукилаус (поклоняющейся богине Сакти) обнаженную девицу укладывали посреди храма «верующие же хором призывали дух богини, который должен был войти через *rima pudendi* в ее вагину или в стоящую рядом с девицей чашу с вином». В разное время процедура варьировалась. Иногда беременность должна была наступить от выпивания вина содержащего дух Сакти, иногда от прямой пенетрации, совершаемой руководителями секты. (Вероятно, это зависело от благообразия и санитарного состояния девы, а также от возраста и состояния здоровья главного жреца.)

Чукотский бог Пивчунин был знаменит своими крохотными размерами. (по разным данным от 3 до 12 см). Он пользовался ими в том числе и для того, чтобы незаметно проникать в *rima pudenti* девственниц и посредством непорочного зачатия (порочное для него было затруднительно из-за его роста), производить на свет «сыновей божиих», отличающихся отвагой при охоте на моржей.

При древних храмах Шивы в обязательном порядке проживали «гарудах-бассоис» земные жены бога. Как и многие другие боги, Шива в половом вопросе предпочитал ненадолго вселяться в одного из своих жрецов. Зачатые таким образом дети получали статус «сына божьего» или же «дочери бога», а их матери — свидетельство своей непорочности.

Примерно такая же история наблюдается и в культе Ваал-Пшора, который практиковали (в том числе) и евреи «домоисеева периода».

Зевс и Аполлон никогда не упускали возможности оплодотворить какую-нибудь зазевавшуюся или спящую гречанку.

Всех перещеголял, конечно, ассиро-финикийский Таммуз. Будучи очень опытным богом, он, вероятно, знал, что в серьезных вопросах ни на кого нельзя положиться и на всякий случай непорочно зачал себя сам, став одновременно и мужем и сыном очаровательной Ашторет.

Подобных примеров более, чем достаточно. Будда, Гор, Озирис, Аменофис, Аттис, Дионис, Персей, Митра, Адонис, Аполлоний (Тианский), Саргон, Уицилопотчли, Вейнемейнен, Кельцаткоатль, Геракл, Асклепий, Диоскуры, Гермес, Ромул, Рем, — это лишь малая часть непорочно зачатых детей различных божеств.

Как видим, беременеть от бога было чрезвычайно модно за тысячу лет до известной сцены в доме Иосифа, так что «непорочное зачатие» к началу I века н. э. стало уже общим местом.

Мариолатрию, включающую учение о непорочности Марии как до, так и после родов, христиане создали не от хорошей жизни. Конечно, этот постулат обескураживает гинекологов, но зато у Марии появляется хоть какое-то отличие от бесконечных дев древности, беспорочно зачавших от бога. Как справедливо отметил А. Вилла — *«христианству хотелось бы сосредоточить внимание всех верующих на нетронутых половых органах святых, небесных жен, безгрешных девственниц»*. (1923). Впрочем, не только христианству: *«Каждый из избранных праведников получит в жены семьдесят гурий, помимо тех законных жен, что были у него в земной жизни. Всякий раз, когда он пожелает войти в гурию, окажется, что она снова девственна»*. Ад-дин-аль-Саюти (XV век) цит. по J. Drent De Oorsprong van de Wereld 2004.

Итак, мы отчетливо видим, что в данном вопросе бессмысленно говорить о христианском благовещении, как о некоем уникауме.

Беременность евангельской Марии скроена из множества подобных эпизодов древнего религиозного фольклора.

Допустить сюжетную независимость зачатия Иисуса от целого ряда фольклорных «предков» этого происшествия так же трудно, как и предположить, что колесо «Бентли» не является прямым потомком всех тех колес, что ранее были изобретены человечеством (начиная от деревянных повозочных, продолжая спицевыми, затем каучуковыми и т. д.).

Рассмотрев всего лишь одно мистическое событие, мы без труда обнаружили в нем анцестральные черты культов чуть ли не всей древности. Конечно, влияние одних было большим, а других меньшим (или вовсе ничтожным), но близкородственность сюжетики несомненна.

Кому принадлежит первородство идеи «причастия» определить так же сложно, как и первого автора «непорочного зачатия».

«Корневая сеть» обряда «*поедания тела бога*» уходит в неолит, а там ветвится и теряется.

В своем первичном состоянии причастие выглядело достаточно незатейливо. Это было съедение мяса животного или человека для приобретения тех качеств, которые были характерны для поедаемого при его жизни.

Приведем примеры.

Сердце гепарда съедалось, чтобы приобщиться к ловкости этого зверя, пенис умершего вождя — к его потенции, а язык льва дабы сообщить голосу красоту и раскатистость.

Племена уганды ритуально поедали кожу жирафа, чтобы успешно маскироваться в саванне, а аборигены Полинезии глотали медуз, предполагая приобрести их прозрачность, а с ней и возможность незаметно приблизиться к врагу.

Хотя еще на Болонском конгрессе (1871) Карл Фогт обозначил христианский ритуал евхаристии как пример ритуального каннибализма, у нас нет возможности доказать, что ранние homo поедали друг друга в рамках сакрального ритуала.

Вполне возможно, что для падальщика и каннибала, каковым в течении миллионов лет был ранний человек тело любого мертвеца было всего лишь возможностью утолить постоянный голод.

О ритуальном каннибализме, как о доказанном факте мы можем говорить лишь в XX веке.

В Новой Гвинее новый вождь племени Форе съедал мозг своего предшественника, чтобы овладеть его знаниями и хитростью. Конечно, данный факт должен иметь и наверняка имеет свою эволюционную историю, но установить ее почти невозможно.

Мы можем быть почти уверены, что принцип «впускания в себя через съедение» — это ровесник социализированного человека.

Именно съедение обеспечивало «сопричастие». Таким образом могли «впускаться» не только свойства и качества, но и духи, обитавшие в съедаемых предметах и существах.

В том или ином виде причастие существовало у почти всех древних

народов, а до совсем недавнего времени — у зулусов, бушменов, тасманийцев, папуа, чукчей, юраков, тунгусов и т. д.

В более или менее оформленном виде мы можем наблюдать причастие у древних египтян, вкушавших особый хлеб, который в момент церемонии превращался в плоть воскресающего Озириса.

Брахманы древней Индии «также были знакомы с учением о пресуществлении или магическом превращении хлеба в плоть бога задолго до возникновения христианства» (Фрезер).

Дионисийский культ демонстрирует небольшую «жанровую модуляцию», но далеко от сюжета не уходит. Там верующие живьем разрывали теленка и съедали его мясо, уверенные, что под видом кровавой бычатины они едят священное тело Диониса, способное даровать им счастье и удачу.

Древние мексиканцы изготавливали из кукурузного хлеба куски тела своего бога Витцилипутцли, которые пропитывались свекольным соком и после ряда церемоний (включавших обязательный пост) торжественно съедались.

Дж. Фрезер описывает это так: «Они верили, что освящая хлеб, жрецы превращали его в самую плоть бога, и, что, следовательно все, кто вкусил этого освященного хлеба, поглотили частицу божественной сущности и установили посредством нее таинственную связь с богом».

В Митраизме, откуда причастие напрямую перешло к христианам, мы обнаруживаем его практически в современном виде.

И так во всем — до мелочей.

Даже такой пустяк, как обряд пострижения в монашество и вырезка пряди во время крещения восходит к повсеместно распространенному обычаю принесению в жертву волос.

По мнению Джевонса («Введение в историю религий») это — один из самых ранних ритуалов, отмеченных еще в культе Изиды. Также известно и то, что греческие моряки срезали волосы и кидали их на ветер, чтобы умиротворить Посейдона.

Мы можем не продолжать поиск премордиальной магии в таинствах христианства или любой другой религии.

Даже на основании трех приведенных примеров, очевидно ее тотальное присутствие.

Её сюжетные и смысловые схемы странствуют по векам, эпохам и народам, становясь все более и более затейливыми и авторитетными. Они не меняются в принципе, но обрастают атрибутикой, культурными смыслами, теоретическими обоснованиями, штатом обслуживающего

персонала, а так же колоссальными финансово-административными потенциалами.

Мы уже отмечали, что подобные мысли не являются новацией.

Обычно они употребляются, как аргументы атеизма, но таковыми не являются.

Для развенчания какой-либо конкретной религии такие аргументы эффективны. Но для глобальной «идеи бога» они не только безвредны, но даже питательны.

Ведь от того, что мы убедились в удивительной схожести таинств и преданий во всех религиях мира, суть дела не поменялась.

Мы этим не «отменили» бога.

Более того, идея влияния сверхъестественной силы обрела еще большую силу и значимость, так как сотни разрозненных культов слились в одно глобальное явление, сопровождавшее человека с момента его социализации.

Масштабы влияния магии, конечно, заволаживают:

Перед нами огромные, неохватные глазом массы людей: Шлемоблещущие ахейцы и кровавые ацтеки, русские опричники и римские гладиаторы, французские куртизанки и египетские парасхиты, иудейские пророки и нобелевские лауреаты по литературе (и даже по физике), а также доминиканцы, трактористы, пианисты, философы, зулусы, тамплиеры, космонавты, юродивые, землепашцы, хронисты, факиры, шахтеры, пекари, императоры, астрологи, самураи, писатели, водопроводчики, охотники, живописцы, артиллеристы и аптекари....список бесконечен.

Это обитатели планеты за все пять тысяч лет фиксированной истории человечества.

Их примерно 100 миллиардов. Все они в той или иной степени религиозны. Они очень разные, но в каждом из них сработал и реализовался единый «мистический код». Он сформировал их мировоззрение, он руководил большинством их слов и поступков.

Разобщенные географически и хронологически homo век за веком, тысячелетие за тысячелетием облачают свои страхи и надежды в почти идентичные образы, сюжеты и обряды. Все они (в той или иной степени) убеждены, что их мысли транслированы им некой непостижимой силой, а в них самих живет ее частичка, именуемая словом «душа».

Мы видим настоящее чудо.

Древность гипотезы из очевидного контраргумента преобразуется в доказательный аргумент.

Человечество каждый век пересматривает и бракует свои устаревшие

представления о материях куда менее сложных чем «бог». О гигиене, электричестве, медицине, способах связи, форме и месте планеты, обществе и пр. Оно требует подтверждения любой мелочи, критично въедается в суть открытий и смеется над глупостью и доверчивостью жителей прошлых эпох.

Но в вопросе «бога» миллиарды этих крайне недоверчивых существ поколение за поколением покорно нанизываются на шампур концепции, не имеющей вообще никаких доказательств и подтверждений.

Люди без колебаний принимают очень архаичные, а в силу этого и крайне примитивные представления о главных вопросах жизни. Те самые, что сквозь тысячелетия им транслируют из своих пещер давно мертвые дикари неолита.

Это могло бы впечатлить.

Но! Только при условии, если бы мы забыли, что говорим о существах с очень небольшим потенциалом мозга и наследственной деменцией, которая просвечивает через большинство их убеждений и представлений. И судя по всему, по-прежнему в многом определяет их поведение.

Ограниченность персональных возможностей homo к анализу и установлению неочевидных связей меж явлениями, предметами и организмами делает вопрос о численности приверженцев религиозной идеи несущественным.

Поясним.

Вдеть нитку в ушко тонкой иглы невозможная задача хоть для одного безрукого инвалида, хоть для ста миллионов таких калек. Количество инвалидов, пытающихся проделать этот невозможный для них трюк никакой роли играть не будет. Нитка останется не вдетой.

Точно так же любой массой homo не может быть решен вопрос о наличии или отсутствии бога. С учетом весьма скромных способностей человека к осмыслению сложных фактов количество сторонников идеи скорее компрометирует ее, чем что-либо доказывает.

Все это звучит жестковато, но, вероятно, настал момент вспомнить дымок меж кровавыми клыками гризли, страшный крик Земмельвайса, пресловутую зажигалку, а заодно и тот пикантный факт, что церебральные субстраты изначально не имеют ни малейшего понятия ни о каких богах, не говоря уже об атеизме, добре и зле.

Определенные области мозга можно обучить вырабатывать сложные рефлексy на эти понятия, а можно и не обучить.

Судя по тому, с какой легкостью при обучении можно поменять «добро» и «зло» местами (известный эксперимент Ерофеевой) точно такую

же штуку можно проделать с верой и неверием.

Тут в истории отношений премордиальной магии и человека начинается самое интересное.

Предположим, что мы выучили 200.000 уток одновременно кричать при виде надувного шарика.

Демонстрация утиного единодушия наверняка будет производить шоковое впечатление. Тем не менее, она не будет доказательством необычайных свойств шарика. Она будет лишь свидетельством мастерства дрессировщика.

Круг «подозреваемых» сузился. Теперь нам осталось лишь выяснить, кто именно является дрессировщиком 20 миллиардов уток.

Сверхъестественная сила... или жреческая каста, обслуживающая магию с первых минут ее рождения по сегодняшний день.

В поисках ответа на этот любопытный вопрос вернемся к нашим «мечехвостам», т. е. к прямым потомкам чудотворцев и волшебников, к магам и ясновидящим XIX–XX веков.

Мы допускаем, что процент паранормального в финикийском божестве, библейском святом и современном экстрасенсе может сильно различаться.

Но, вероятно, у нас хватит скрупулезности, чтобы обнаружить и зафиксировать даже микроскопические следы чего-либо сверхъестественного, если они будут обнаружены в сегодняшних (или почти сегодняшних) живых препаратах. Мы готовы довольствоваться находкой даже крохи, даже нескольких «молекул» сверхъестественного.

В любом случае ничего другого осязаемого и исследуемого, кроме магов современности и их судеб у нас нет. Все остальные свидетельства являются только декларативными и никак не проверяемыми.

Конечно, на первый взгляд, корректность сопоставления спиритов, экстрасенсов и божеств древности небесспорна.

Но лишь на первый взгляд.

Нам надо либо научиться счищать с явлений и персон «позолоту веков»... либо гипотетически наносить ее на современные нам явления.

Второе чуть проще.

По сути, — маги, спириты, ясновидящие и экстрасенсы — это первосвященники и святые спиритуалистического культа. А их сеансы это реальное богослужение (духослужение), каких мир повидал уже немало.

По официальному определению Национальной Ассоциации Спиритов (1914) «Спиритизм — это Наука, Философия и Религия непрерывной жизни, основанная на доказанном факте общения через медиумов с теми,

кто живет в Духовном мире... Спиритизм — это излияние духа на человечество, божественное откровение из сфер света. Это высочайшее слово истины. Спиритизм есть всеобщий учитель, великий искупитель, освободитель человеческих душ от рамок суеверия и невежества» (У. Мартин 1992)

Спиритуализм неверно оценивается как порождение нового времени. Возможно, гнущиеся ложечки и другие аксессуары затмили его первобытную сущность.

А по сути, в нем нет ничего нового.

Это воскрешение одной из самых ранних форм наглядной магии, допускавшей возможность общения с духом любого предмета или человека.

Спиритуализм и надо рассматривать, именно, как культ.

Если отбросить его (относительно) современные приметы, переодеть его героев, переместить их в древность, научить объясняться при помощи притч и завершить их деяния красивой и мучительной смертью, то мы получим очередной митраизм или христианство.

Помимо родственной и смысловой спиритуализм имеет с глобальными культами и прямую формальную связь, признанную еще в 1920 году на Конгрессе Англиканских Церквей пастором А. Бэйфилдом, провозгласившим, что «Это учение всегда находилось в союзе с нашей верой. Спиритуалистом является по сути каждый «не материалист», христианство же и есть религия спиритуализма»

Елена Блаватская (1831–1891), Евзапия Палладино (1854–1918), Дэниэл Дуглас Юм (1833–1886), Марджери Крэндон (1888–1941), Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) и все прочие герои истории паранормальных явлений для своих адептов являются фигурами столь же сакральными, как Христос, Таммуз или Кришна для своих поклонников.

«В наше время снова ожила группа верований и обычаев, которые корнями уходят в глубины того слоя древней философии, где впервые зародилось колдовство. Эта группа верований и обычаев есть то, что обыкновенно называется теперь спиритизмом....Люди опять смело утверждают, что бестелесные существа прямо влияют на мысль и материю» (Тэйлор).

Начиная эту тему, мы заранее должны выразить признательность тем магам, ясновидящим, спиритам, целителям и экстрасенсам, что будут упомянуты нами ниже.

Конечно, на пьедестале известного монумента им трудно претендовать на место рядом с собакой Павлова.

Для понимания принципов работы ЦНС собаки, конечно, сделали больше, чем спириты.

Но именно предоставленный спиритами живой исследовательский материал (в виде их самих) позволяет отделить реальные загадки сложной деятельности от загадок надуманных и либо принять, либо исключить вопрос о влиянии на ЦНС неких сверхъестественных факторов.

От времен Шумер до начала XX века мы имеем множество свидетельств о разнообразных чудесах.

Практически все они вполне укладываются в современное понятие «паранормальные способности и явления».

Это «пророчества», «вещие сны», исцеления, видения, левитации, воскрешения, «транспортировки», беседы с духами et cetera.

Все это потомки (в том или ином колене) премордиальной магии.

Как мы же говорили, евангелия, в первую очередь, это книга о том, как раввин в I веке н. э. демонстрировал не слишком оригинальные, но вполне кондиционные образчики различной магии. Примерно так же мы можем характеризовать мифы о Таммузе или Адонисе.

По жанровой сути — это сюжетные гримуары.

Но и жития спиритов и экстрасенсов XX столетия, если их выдержать в должной патетике и нигде не омрачить неуместной иронией — это тоже гримуары, тоже повествования о жизни, деяниях и трагедиях магов.

Вспомним и то, что «маги» — это те же самые «священники», но в протохалдейской транскрипции.

«Маги по профессии существовали, начиная от самых древних известных нам ступеней цивилизации. Они жили своим колдовством и поддерживали веру в него» (Тэйлор).

Упоминания о магах и медиумах содержатся не только в религиозных мифах и канонах, не только в светских летописях и хрониках, но и в литературе, претендующей на научность или на некий «критический взгляд».

Как мы помним, популярные в девятнадцатом веке «спиритизм», «месмеризм», «духовидение» не всегда воспринимались с доверием. «Магов», «спиритов», «столовращателей» на их сеансах пытались проверять и контролировать. (Чаще всего отзывы были восторженными, но иногда «ясновидцев» пытались уличать в обмане.)

На первый взгляд кажется, что почти все эти свидетельства, как критические, так и восторженные нам придется игнорировать в равной степени, так как до начала XX века проверкам не был обеспечен должный уровень объективности.

«Ранние эксперименты походили скорее на салонные игры, чем на серьезные научные исследования.» (Ч. Хэнзел 1970)

Отчасти, это конечно, так, но порой, для оценки способностей знаменитых медиумов и тогда мобилизовывались очень значительные научные силы.

Их выводы не могут быть отброшены со ссылкой на их архаичность и не совсем корректное протоколирование экспериментов.

Пример тому — испытания, которым комиссия в составе И. Ф. Циона, Бутлерова, Овсянникова, Аксакова, Петрушевского, в 1871 году в Университете Санкт-Петербурга подвергла Дэна-Дугласа Юма.

Напомню, что во второй половине девятнадцатого века Юм (1833–1886) был спиритической звездой первой величины. Журналистов, музыкантов, королей, писателей, ученых, дипломатов и дам завораживала легкость и убедительность его взаимоотношений с духами.

Его сеансы выглядели шокирующее и крайне убедительно.

Они не оставляли у зрителей и участников никаких сомнений в том, что благодаря уникальным способностям медиума перед ними происходит реальный контакт с призраками, что сама «душа» становится очевидностью.

«Имеется много описаний того, как Юм устанавливал связь с силами потустороннего мира, но физические явления или проявления духов, открывающиеся фантастическими способностями Юма оказались лучшими свидетельствами наличия у него сверхъестественной силы.» (А. Хилл *«Спиритизм: история, проявления и учение»* 1919)

Восторг и «упоение» этим контактом сегодня трудно прочувствовать, но тогда существовало крепкая убежденность, что то, о чем веками говорили пророки, теологи и философы на сеансах Юма получило, наконец, явное доказательство.

Помимо всего прочего Юм был недурным педагогом, так как именно он воспитал спирита Елену Блаватскую (1831–1891), сделав из фокусницы

Стамбульского цирка свою ассистентку.

Подтверждением огромной и совершенно реальной власти, которую имел этот персонаж над современниками служит следующий факт: когда одной из богатейших вдовиц Англии, г-же Дж. Лайон дух ее покойного мужа на спиритическом сеансе Юма «повелел» усыновить мага, та без всяких колебаний согласилась это сделать. (Л. Келли «Тайная история сверхъестественного» 2004).

После смерти Юма в его вещах были обнаружены сверхмалые... губные гармошки, изготовленные по заказу. Посмертное обследование тела духовидца не зафиксировало ничего примечательного, кроме крайне своеобразной конструкции его пышных усов. Они были искусно подбриты изнутри, оставляя под волосяным массивом полость, в которую точно помещалась миниатюрная губная гармошечка. На сеансах Дэниэла Дугласа Юма, как мы знаем, периодически «из ниоткуда» звучали странные и волшебные мелодии. Впрочем, возможно, «встреча» этих трех факторов (гармошки, усы, мелодии) было простым совпадением.

Шествие медиума по Европе было триумфальным... до встречи с петербургским физиологом Ильей Фаддеевичем Ционом, учителем И. П. Павлова, который стал администратором петербургской комиссии по «установлению доподлинности происходящих контактов с иным миром».

В комиссии, (отметим), в основном были сторонники и поклонники Юма. В частности, таковым был великий химик А. М. Бутлеров. Еще одним приверженцем «друга духов» был профессор А. Н. Аксаков, самый авторитетный в России исследователь спиритизма.

Цион же (в данном случае) позиционировал себя как персону строго нейтральную, готовую принять любой результат, если он будет подтвержден экспериментально.

Возможно, Илья Фаддеевич, как блестящий ученый, сразу установил, что красавец-маг не собирается делиться с ним гонорарами, то есть для русской науки бесполезен.

Так или иначе, но именно Циону была доверена организация работы комиссии, подбор помещения, расстановка инвентаря и пр.

10 марта 1871 года, в 21.30 вечера заседание комиссии состоялось в одном из помещений физического факультета.

Помещение было проветрено, хорошо освещено, посреди него стоял стол покрытый зеленым сукном.

Перед самым началом эксперимента Илья Фаддеевич почтительно обратился к магу с вопросом: — «Является ли существенным фактором конструкция стола?»

Получив ответ, что «это не имеет вообще никакого значения», Цион снял сукно.

Тут и выяснилось, что деревянная глухая столешница, традиционная для спиритических сеансов была заменена на стеклянную. Полностью прозрачную.

Пространство под столом было очень ярко освещено. Ноги всех участников эксперимента были хорошо видны.

И тут начался конфуз.

Возвышенный красавец Юм, друг духов и повелитель призраков не смог предъявить университетской комиссии ни единого образчика своего необычайного искусства.

Остался неподвижен стол. Духи молчали и почему-то не совершали загадочных прикосновений к ногам и щекам экспериментаторов.

Юм сверкал очами, сосредотачивался, очень выразительно молчал, но добился лишь учащения собственного пульса, на что обратил внимание комиссии.

Бутлеров, Аксаков и математик Чебышев растеряно отмолчались, а Илья Фаддеич создал на своем лице выражение безмерного сочувствия.

Вскоре Юм попытался убедить присутствующих, что «где-то в столе» раздаются слабые звуки. Комиссия не смогла согласиться с этим утверждением. По ее мнению стол безмолвствовал.

Затем маг сообщил о появлении неких воздушных струй. Илья Фаддеич на это вежливо сообщил, что по его просьбе открыли трубу вентилятора.

Сеанс длился почти два часа, но событий более существенных, чем учащение пульса и открытие трубы так и не произошло. Бутлеров и Аксаков были сконфужены. Цион был невыносимо вежлив.

Провал мага, разумеется, объяснили не прозрачностью столешницы и ярким освещением подстольного пространства, а исключительно тем, что физиолог Цион, своим грубым скепсисом создал «невыносимые условия для тонких явлений».

Аксаков желчно заявил, что «действия комиссии не имеют ничего общего с научным экспериментом» и назвал происшедшее недоразумением. Его полностью поддержали А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер и многие другие ученые.

Примечательно, что провал на «ционовской комиссии» вообще никак не повлиял на общий успех петербургских гастролей Дэна Дугласа Юма.

На сеансах все было, как всегда и везде.

Дамы от восторга падали в обморок, а потом писали Юму письма.

История сохранила их. Немаловажно, что в некоторой их части содержатся тайные мечты дам, а именно: бросить опостылевший свет и смиренно следовать за «другом духов».

Их мужья, высшие чины Российской империи (этих писем не читавшие) на сеансах трясли эполетами и в духовном экстазе заводили очи под лоб.

Поэты бледнели и переполнялись вдохновением. Просвещенное купечество в очередной раз убеждалось, что «гробовая доска» это всего-лишь дверь в иной мир.

Успех Юма в России был полным. Как впрочем и в Австрии, Германии, Франции или Италии.

Эксперимент Циона не смог понизить градус восторженного истеризма публики даже на тысячную долю. Илье Фаддеевичу сразу припомнили его репутацию «мясника» (которую он честно заработал своими блестящими вивисекциями) его конфликты со студентами, его еврейское происхождение и некоторое легкомыслие в религиозных вопросах.

Более того, Цион был обвинен в «материалистическом шарлатанстве» и полной неспособности видеть что-либо, выходящее за рамки «примитивной физиологии».

Почему мы рассматривали именно этот пример, проигнорировав отчеты и протоколы, где ученые не менее известные, чем Цион, свидетельствовали о чистоте методов Юма, о реальности его контакта с духами?

Только потому, что во всех иных случаях условия проведения эксперимента диктовались и определялись самим магом, а в рассмотренном нами случае впервые применились методики объективного эксперимента.

Они еще не были строги в должной мере, но в результате последовал первый зафиксированный «провал» спирита.

Евзапия Палладино (1854–1918) была другой суперзвездой спиритизма.

Евзапия, как и Юм, имела грандиозный успех и в Европе, и в Америке. Различные комиссии, в том числе и весьма авторитетные, одна за другой признавали подлинность ее способностей.

Триумф был несколько омрачен тем, что в 1895 группа кембриджских профессоров — скептиков, в которую входили, Ф. Майерс, а так же Р. Ходжсон, бывший тогда секретарем «Американского Общества психических исследований» уличили Евзапию в использовании весьма грубых трюков.

Впрочем, сторонники медиумизма обвинили кембриджскую комиссию в излишней скептичности и опять-таки «в создании условий, невыносимых для раскрытия столь тонкого дара». Как и в истории с Юмом, неприятный прецедент в Кембридже никак не повлиял на репутацию ясновидящей.

Публика продолжила поклонение Евзапии, а ее противники попросту игнорировались, как и настораживающая подробность биографии спиритессы: она достаточно долго была женой и ассистентом весьма известного циркового фокусника.

Все точки над «і» на сей раз расставились не в России, а в Америке, где Евзапии опять пришлось иметь дело с жесткими скептиками. На сей раз в составе комиссии были профессора — физики Роберт Вуд и Огастес Траубридж, физиолог Гуго Мурстенбург и врач Дж. Д. Куэкэнбос.

Многоопытный профессор Мурстенбург не стал «считать духовные нюансы» или тратить время на подсчеты тех миллиметров и сантиметров, на которые магическая энергия Палладино была способна перемещать столы и стулья.

Он поступил иначе.

Мурстенбург распорядился разместить под столом, за которым происходил контрольный сеанс, своего ассистента.

Раузмеемся, последний вполз туда незаметно, когда участники уже расселись, когда был выключен свет и расставлены предметы, перемещать которые надлежало вызванным Евзапией духам.

Ситуация скупой, но выразительно описана в записках Мурстенбурга: «Мы держали Евзапию за запястья, мы ощущали обе ее ступни, и все же стол, находившийся позади нее, двинулся. Мы почувствовали, что он поднимается вверх. Но тут раздался оглушительный вопль. Такого крика я не слышал даже в трагических сценах Сары Бернар. Евзапия кричала так, будто бы ее кололи ножом. Что же произошло? Она не ожидала, что на полу лежит мой ассистент, внимательно наблюдавший за ее ногами. Он увидел, что Палладино ловко освободила ногу из туфли, каким-то немыслимым движением протянула ее назад и стала шарить ею сзади себя. Тогда он схватил ее за пятку, и она страшно закричала, сообразив, что попалась». *H. Munsterburg. Report on a Sitting with Eusapia Palladino. Metropolitan Magazine 1910.*

Возможно, покажется примечательным, что страстный апологет и проповедник спиритуализма А. Конан-Дойль, (потративший на пропаганду «общения с миром духов» около 250.000 фунтов из личных средств), при написании итогового, фундаментального труда «История спиритуализма» (1926) этот эпизод карьеры Евзапии Палладино скрыл, нигде и никак о нем

не упомянув. Вероятно, этот факт причинял боль сэру Артуру, заслужившему за свой фанатизм прозвище в прессе «Святой Павел спиритизма».

Отметим, что мы не случайно взяли рассматривать только «суперзвезд» спиритизма. Их способности были подтверждены самыми авторитетными учеными и писателями того времени. Напомню, что в числе поклонников Юма и Палладино были: К. Фламарион, А. Конан-Дойль, Седжвик, А. Бутлеров, У. Крукс, О. Лодж, Ч. Ламброзо, Ш. Рише, Скиапарелли et cetera.

Даже исходя из двух этих случаев мы можем обоснованно предположить, что контрольные медиум-сеансы, возможно, были не местом «соприкосновения душ умерших людей с миром живых», а скорее состязанием в хитрости.

При всем желании, в контролируемых сеансах трудно найти хоть что-либо необъяснимое. Скорее наоборот.

Мы видим обман и конфуз.

Мотивация обмана ясна.

Если он удавался, то столовращатель приумножал свою славу и мог увеличивать размеры гонораров за сеансы. (Евзапия, к примеру, во время американского турне 1909–1910 гг. получала за каждый контакт с духами уже по 125 долларов)

Если побеждали ученые — то тогда им удавалось прославиться и обеспечить своим разоблачительным публикациям тиражи и известность, т. е. и тут с мотивацией все более или менее понятно.

Вроде бы столь банальная причина плохо комплектуется с грандиозностью имен разоблачителей.

Но!

Это сегодня имена Фарадея, профессора Тарханова, Шевреля, Мурстенбурга, Ходжсона, Гексли, Сикорского, Карпентера и других скептиков звучат так величественно и хрестоматийно. А ведь было время, когда каждый из перечисленных нами героев науки был весьма и весьма озабочен, как приумножением своей славы, так и размерами гонораров за лекции, публикации и выступления.

Вполне возможно, что, порой, учеными руководила лишь «чистая страсть» к развенчанию того, что они искренне считали мошенничеством. Такие прецеденты, наверняка, были, просто они остались никому не известными.

Неизвестны они и нам.

Даже образчик всяческого безкорыстия, Дмитрий Иванович

Менделеев, действовавший, как казалось из «чистой любви к науке и свету знаний», основал знаменитую «комиссию разоблачителей» прежде всего для того, чтобы дискредитировать своего старого соперника А. Бутлерова, бывшего «покровителем спиритов».

Со стороны, разумеется, все выглядело очень достойно. Якобы обнаружив, что спиритизм имеет очень сильных покровителей в ученом мире, Менделеев решил, что «Против профессорского авторитета следовало действовать профессорским же»

Ему удалось организовать при СПб Университете специальную группу, которая вроде бы занималась разоблачениями медиумов, спиритов и пр, а на самом деле высмеивала и выставляла дураком Бутлерова.

Дмитрий Иванович писал: «Занятия столоверчением, разговором с невидимыми существами и пр. грозят распространением мистицизма, могущего оторвать многих от здорового взгляда на предметы и усилить суеверия.» Из *«Предложения Менделеева Физическому обществу при Петербургском университете об учреждении комиссии для рассмотрения явлений, называемых медиумическими» СПб 1875.*

Менделеевская комиссия, проработав всего год, разумеется, вынесла вердикт: «Спиритические явления происходят от бессознательных движений или от сознательного обмана».

История спиритизма непредставима без Кейт, Ли и Маргарет Фокс. Это именно они создали культ ясновидения и магизма в Америке, очаровав публику и породив тысячи подражателей.

Завоевав Штаты, сестры предприняли вояж по всему миру, триумфально выступая перед монархами, дипломатами и профессорами.

Они прошли горнило десятков ученых комиссий, которые безуспешно пытались их разоблачить.

Их слава была безупречна, а влияние огромно. Но... в один прекрасный день Маргарита Фокс села и написала признание. Девушка с поразительной скрупулезностью описала спиритические подвиги всех трех сестер. Ее описание не оставляло никаких сомнений, в том, что все, чем Фокс поражали воображение публики и ученых было мистификацией и жульничеством.

Признание Маргариты Фокс было добровольным, задокументированным и опубликованным в «Нью-Йорк уорлд» от 21 октября 1888 года.

По другим данным Маргарет в этот же день выступила с саморазоблачительным сеансом в зале Нью-Йоркской академии музыки.

Более того, после публикации Магарита совершила еще одно турне по

Америке, но уже для обличения спиритизма.

Но это, пусть и красноречивый, но все же, единичный случай.

Он тоже не дает оснований для окончательных выводов, так как спустя некоторое время Маргарита Фокс весьма истерично опровергла свое саморазоблачение. (К тому времени она, как и Палладино, злоупотребляла алкоголем, переживая существенное уменьшение гонораров.)

Примечательно, что сам смысл сообщаемого духами, как правило, не анализировался.

Отрицался или принимался сам факт возможности вступления в переговоры с «иным миром», но стиль и содержание тех реплик, что подавали духи, почти не обсуждался.

Впервые на эту сторону вопроса обратил внимание психиатр И. А. Сикорский, заметивший, что «то, что успели сообщить спиритам духи, совершенно посредственно или ничтожно».

У. Карпентер в своем труде «Основания физиологии ума» (1877) отметил, что потусторонние заявления, слышимые участниками сеансов «являются примером самой пошлой и бессодержательной болтовни». Характеризуя сообщения из иного мира, Э. Тэйлор высказался еще точнее: «Склад мыслей, язык и произношение бывают всегда соответственны умственным качествам медиума.» Он так же отметил полную бессмысленность сообщений, даже если они звучали от имени вызванного «духа» «философа, моралиста или великого государственного деятеля».

Это важное наблюдение, говорящее очень о многом.

Но еще важнее то, что никто из вызванных духов никогда не был способен говорить или писать на своем родном языке. Жители самых древних эпох, ассирийцы, финикийцы, древние индусы, греки и римляне, устами вызвавших их спиритов, всегда объяснялись лишь на языке самого спирита и ни на каком другом.

Самым драматическим примером этого странного свойства духов служит конфликт меж Гарри Гудини и его близким другом Артуром Конан-Дойлем.

Как все было?

Супруга А. Конан-Дойля, считавшаяся очень сильным медиумом, провела специально для Гудини, скучавшему по своей умершей матери сеанс спиритической связи с нею.

«Дойли были убеждены, что контакт удался, но Гудини лишь ужаснулся очевидному обману. Так, во время сеанса миссис Дойль, как медиум, получила, написанное на английском языке длинное письмо от матери Гудини. Но Гудини прекрасно знал, что его мать знала только

немецкий и немного венгерский... Дойли пытались оправдаться, но Гарри Гудини разорвал с ними всякие отношения» (*Ernst B. M.L. & Carrington H. Houdini and Conan Doyle: The story of a strange friendship. 1932*)

Вероятно, под влиянием именно этой истории Гудини и начал «охоту» на спиритов, экстрасенсов, медиумов и целителей. Зная практически весь арсенал иллюзионизма, он легко разоблачал любые паранормальные явления, доказывая, что тот или иной эффект «духоприсутствия» объясняется техническими или манипулятивными приемами, хорошо известными профессионалам. (*Houdini on Magic, eds Gibson W. B., Young M. N. New York, Dover 1953.*)

Авторитет блистательного фокусника, «посвященного во все», помноженный на беспощадность Гудини «к шарлатанам» сильно «попортил физиономию» спиритуализму.

Его разоблачения духовидцев были настолько убийственны, что даже в очень елейной «Истории» Дойла нашлось местечко для ядовитых строк о бывшем друге: «Трудно сказать, что более неприятно: фокусник Гудини с его абсурдными и невежественными теориями о мошенниках или...» (Далее по цитате Дойль долго и не вполне внятно сетует на ученых разоблачителей духовности.)

Впрочем, история с Гудини произошла несколько позже, почти под самый занавес эпохи спиритов, когда согласно официальной статистике, сторонников этого учения оставалось не более пяти миллионов человек в мире.

А в начале XX века медиумы не сдавались.

Они с удивительной готовностью шли на испытания, предлагая себя самым злым и ироничным комиссиям. Только через менделеевскую «инквизицию» прошли почти все знаменитости медиумизма: Кляйер, братья Петти, Бредиф и пр.

Дмитрий Иванович, что называется, умел «поговорить по душам», и испытания Петти закончились (буквально!) рыданиями братьев.

Елена Блаватская была разоблачена трижды. Причем, каждое из разоблачений было убийственным и однозначным.

В первый раз это случилось, когда белая рука призрака, возникавшая «из ниоткуда» на ее вечерах оказалась обычной перчаткой, тщательно набитой ватой и умащенной фосфором. Скандал был настолько силен, что Французское Спиритическое Общество, которое она на тот момент возглавляла, было вынуждено самоликвидироваться.

Во второй раз был схвачен и задержан бесплотный «дух-наставник», возникавший в самый драматический момент сеанса. Им оказался

цирковой актер, с которым Елену Петровну связывала старая дружба с тех самых времен, когда она сама работала в Стамбульском цирке.

Третий случай был еще неприятнее. Верный адепт и сторонник Блаватской А. Синетт признал наличие специального персонала, который в нужный момент сбрасывал на спиритический стол «записки от тибетских учителей».

Впрочем, серии провалов никак не мешали авторитетным сторонникам спиритуализма писать о нем восторженные труды.

В России этим занимался, в частности, профессор А. Аксаков, как-то ухитрившийся в своей работе *«Памятник научному предубеждению»* (1893) все неудачи медиумов на «менделеевских комиссиях» представить их блестящими достижениями, а их самих — страдальцами.

Блаватская, несмотря на скандалы, сумела стать знаменем и официальным идеологом магов современности, обзавестись армией фанатов, написать и издать множество трудов, которые переиздаются и изучаются по сей день.

Чрезвычайно мощным было и общее мировое идеологическое обеспечение культа духовидения.

Известно (как минимум) около тысячи фундаментальных работ, утверждающих истинность спиритуализма. Их авторами были самые известные философы, психиатры, психологи, химики, антропологи, политики, выдающиеся изобретатели, ученые — лауреаты Нобелевской премии и писатели.

В этом списке Артур Конан-Дойл, Дж. Артур Хилл, Фенимор Купер, К. Фламарион, Гюго, Сведенборг, Шопенгауэр, Бичер-Стоу, и даже открыватель таллия сэр У. Крукс.

Владельцы разного рода скипетров Европы того времени тоже (в той или иной степени) баловались магическими сеансами.

Сами они, разумеется, столов не вращали, но нежно покровительствовали медиумам. Распространению и популярности спиритизма способствовали почти все королевские дома, великие князья дома Романовых, президенты и министры.

К духам обращались за советом Линкольн, Франклин, Гладстон, Мадзини, Гарибальди, Франц-Иосиф.

В Петербурге конца XIX начала XX вв. страстным и весьма влиятельным проповедником спиритуализма был князь Ольденбургский.

Следует помнить, что это был тот самый человек, что основал, выстроил и долго содержал Институт Экспериментальной Медицины, академическое учреждение с безупречной научной репутацией.

Ольденбургский, впрочем, был знаменит не только спиритуалистическими увлечениями и благотворительностью.

Он и сам проводил эксперименты, желая вписать свое имя в историю медицины не только как мецената.

В частности, князь разрабатывал методику избавления от острых болей при помощи установки ног пациента на работающую шарманку.

Шарманка своими вибрациями и звуками (по мнению Ольденбургского) сообщала нужную скорость электрическим волнам в теле страдальца, застой которых и вызывал ощущения боли.

В приверженности к спиритизму князь был непреклонен, щедр и отважен. Его вера в торжество медиумов была столь прочной, что однажды он предложил «лично убедиться» и «наконец, уверовать в жизнь духов»... насмешнику и скептику И. П. Павлову.

Павлов (по настоянию мецената) посетил спиритический сеанс в Аничковом дворце и без особого труда испортил вечер собравшимся там любителям возвышенного.

Сделал он это очень простым образом — обеспечив полный физический контроль за всеми движениями мага.

Эта история получила известность, но следствием ее было лишь объявление (теперь уже Павлова) «безнадежным и примитивным материалистом, само присутствие которого, послужило духовным противодействием открытию врат тайного мира».

Павлов, в ответ на реплику о «духовном противодействии», посмеиваясь, показывал манжеты, которые ему порвал медиум, пытавшийся в темноте выкрутить запястья из цепких рук Ивана Петровича.

Сторонники медиумизма быстро научились игнорировать любую неприятную для них информацию, а с начала XX века они уже яростно контратакуют материалистов, успешно завоевывая информационные пространства.

Барон Гуддельштубе поражал публику, размещая с своим спиритическом журнале свидетельства о том, как ему удалось вызвать дух Гиппократы, давшего уникальный рецепт излечения острого ревматизма. (Отметим, что действенность рецепта осталась под вопросом).

Появляются крайне убедительные автографы, оставленные во время спиритических сеансов духом Юлия Цезаря, Октавиана, Ювенала, Абеяра и пр.

Иными словами, та эпоха предлагает множество трагедий и комедий, но очень мало фактов.

Покаянные мемуары Маргариты, выводы менделеевской комиссии, остроумные выходки Циона и Мурсенбурга, эффектные разоблачения Юма и Блаватской — это скорее беллетристика «на тему спиритизма», чем лабораторный материал для исследования.

Тем не менее, и она дает мутноватое, но удовлетворительное изображение общей картины. В ней доминирует ложь, фокусы и подлоги. Чего-либо в действительности загадочного или необъяснимого, при всем желании мы в ней пока не видим.

Конечно, в картине настораживает очень высокий процент «цирковой» компоненты. Почти все выдающиеся, хрестоматийные спириты, основатели целых направлений и обществ, имевшие всемирную славу, так или иначе оказываются (в прошлом или настоящем) связанными с цирковым ремеслом.

Это касается не только спиритизма, но и месмерических практик (животного магнетизма), вещей снов, ясновидения и пр.

Некий относительный порядок в деле фиксации результатов был наведен лишь с в конце первой трети XX века. Только тогда был выработан режим полного контроля за «магом» и помещением в котором проводился сеанс.

Примерно в это же время «магизм» для удобства классификации и документирования был разделен на основные направления: телепатию, ясновидение, проскопию, психокинез, спиритизм, целительство,

медиумизм, спиритуализм и т. д. Тогда же были окончательно утверждены не слишком изящные термины, обозначающие участников сеанса: перципиент и индуктор. Перципиент — это маг, тепепат, ясновидящий. Индуктор — это тот, кто подвергается сверхъестественному воздействию.

Итак, в материале, который предоставляет нам XX век, мы можем продуктивно поискать реальные факты свидетельствующие «за» или «против» наличия паранормальных явлений и способностей.

Отбросим любые оценочные или интуитивные суждения, вне зависимости от авторитетности их авторов.

Признание человека медиумом или убежденность в его шарлатанстве тоже не будет приниматься нами во внимание, даже если это мнение И. П. Павлова или Германа фон Гельмгольца.

Наша задача — выцепить только безусловные факты и оценить их влияние на фактологическую картину мышления человека. В качестве примеров — возьмем самых ярких, признанных и знаменитых медиумов-экстрасенсов, имевших миллионы поклонников.

1. Марджери Крендон (1888–1941), начавшая свою медиумическую карьеру в 1923 году прославилась вызыванием духа, именуемого «Уолтер».

Помимо эффектного швыряния предметов, реплик, касаний «Уолтер» умел оставлять на кусках воска различные отпечатки.

В том числе и пальцев. Без особого труда, самым элементарным дактилоскопированием было установлено, что часть отпечатков принадлежит самой Марджери, а другие — ее доверенному лицу и дантисту Ф. Калвеллу. (*C. E. Hansel. ESP A scientific evaluation 1965*)

Непонятно, на что рассчитывала Крендон, проделывая фокусы с воском. Дактилоскопия была уже вполне обыденной практикой. В 1905 году, судя по справке Natur, Скотланд-Ярд располагал картотекой в 80 тыс. отпечатков пальцев. Вероятно, что и другие полицейские службы мира тоже имели свои, не меньшие картотеки.

2. Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) швейцарский психиатр-медиум, танатолог, обаятельная и весьма ученая дама. Она в 1980-х годах основала духовно-целительный центр, именовавшийся «Приютом безутешных вдов».

В этом заведении потерявшие мужей дамы имели возможность вступать с «посмертными сущностями» своих покойных супругов в спиритическое общение, в том числе и очень тесное.

Несмотря на то, что умершие мужья были гражданами совершенно разных стран, людьми разных возрастов, взглядов, положений, статусов и представлений о гигиене у всех дам, прошедших через «глубокий

мистический контакт» со своими давно почившими супругами была обнаружена одна и та же вагинальная инфекция.

Полиция, обратившая внимание на этот загадочный факт, вскоре обнаружила, что роль множества мужей исполнял один и тот же господин.

А именно — доверенное лицо Кюблер-Росс, циркач Джей Берхем, который умело пользовался абсолютной темнотой, бывшей обязательным условием сеансов. Собственно Берхем и был разносчиком венерического заболевания. Когда его уличили, он пояснил, что «сущность из потустороннего мира клонировала его для материализации встречи». (*Rosenbaum R. Dead like her: How Elisabet Kubler-Ross went around the bend. 2004, J. Grant Discarden science 2006*)

3. Питер Попофф, сверхпопулярный ясновидящий и целитель 80-х не был спиритом в традиционном смысле этого слова, но в своих публичных исцелениях и сеансах неизменно действовал силой призванного им «св. духа».

Попофф проявлял невероятную осведомленность о болезнях и именах совершенно неизвестных ему людей, впервые пришедших на его духовно-исцеляющие сеансы. «Публичные молитвы Попоффа были необычайно точными и содержали в себе имена, медицинские диагнозы и другую личную информацию, полученную им от св. духа...» «Выяснилось, что жена Попоффа перед началом и во время сеанса ходила по аудитории и непринужденно заговаривала с пациентами и их родственниками. Затем, при помощи портативного передатчика она передавала мужу, что надо говорить о том или ином пациенте. В результате Попофф объявлял тысячам пораженных почитателей точное имя, болезнь и адрес конкретного участника.» Разоблачен был при помощи банального радиоперехвата. Уличенный в обмане утверждал, что «пользовался радиопередатчиком дополнительно к силе духа святого». (*J. C. Smit. Pseudoscience and extraordinary claims of the paranormal 2010*)

Мы уже обсудили роль Гарри Гудини в истории спиритуализма.

В один ряд с ним мы можем поставить и прочих иллюзионистов разоблачителей, а именно: Джозефа Даннигера, Джеймса Рэнди, Дерена Брауна, Йена Роуланда, Майка Эдвардса, Баначека, Джонни Томпсона, Криса Энджела, Дэвида Блейна и многих других.

Все они в разное время развенчивали медиумизм и экстрасенсорику, предлагая «загадочным» явлениям простые и проверяемые объяснения.

В частности Даннигер «читал мысли», «предсказывал будущее», воздействовал на предметы «силой взгляда».

Все эти сакральные действия, известные нам по истории древней магии, Даннигер сопровождал заявлениями, поясняющими, что все это — обычные, достаточно простые трюки. Он раскрывал перед публикой технику ясновидения, спиритизма и телепатии, разоблачая, как он выражался, «паранормальное мошенничество.»

Отметим, что именно профессионалы — иллюзионисты набрасывались на спиритов и экстрасенсов при первой же возможности. Они и стали «похоронной командой» всех этих практик.

Вспомним, что самые амбициозные ученые комиссии, до включения в них иллюзионистов, как правило, никогда не были способны обнаружить обман.

Относясь ко всему чрезвычайно серьезно, академики не могли предположить, что искать надо не сверхтонкие и непостижимые явления, а веселый, хитрый, отполированный веками розыгрыш.

Иллюзионисты же видели и узнавали его сразу.

Здесь стоит вспомнить историю братьев Девенпорт, которых не смогли разоблачить экспертные коллегии, иногда включавшие более сорока профессоров Гарварда и Кембриджа.

Помимо профессоров на сеансах в доме Диона Бусико на Риджен-Стрит присутствовали и десятки журналистов, тщательно ищущих подвох и тоже не находивших его.

Братья Девенпорт, как известно из их жизнеописания (*автор П. Рэнделл*), направились в Англию, чтобы «сразиться с материализмом в его собственной берлоге». Они дерзко бросили вызов всей британской науке — и почти победили ее.

Скептическая «*Дейли Ньюс*» сквозь зубы констатировала, что «Чудеса,

показанные этими шутами, уложили Англию на лопатки».

Кембриджская профессура грустно отмалчивалась, газеты язвили, но найти рационального объяснения происходившему на сеансах не мог никто.

Братья Девенпорт, «сразившие материализм», ликовали, давали победные интервью и устраивали балы и рауты.

И тут-то на их беду возник некто Джон Н. Масклайн.

Он был профессиональным, но малоизвестным фокусником.

Собрав печальную профессуру и журналистов, Масклайн легко и непринужденно повторил все, что так потрясло науку и прессу Англии. А потом публично объяснил технику этих трюков.

При этом Масклайн скромно заметил, что «это еще очень простые фокусы, научить которым он берется любого желающего за пару месяцев».

Разоблачение было настолько убедительным и разгромным, что один из Девенпортов публично покался: «Я нахожусь сегодня здесь, будучи одним из основателей спиритизма, с тем, чтобы разоблачить его, как абсолютную ложь от начала до конца, как самое пустое из всех суеверий....» (Л. Р. Фрум «Спиритизм сегодня» 1963)

Градус трагизма в этом отречении был настолько высок и искренен, что даже ядовитая «Дейли Ньюс» в своей передовице обошлась без зубоскальства и «плясок на могиле». Она ограничилась замечкой следующего содержания: «Если бы братья Девенпорт, показав все, что показали, догадались бы сказать — «смотрите, как все просто», то они добились бы не только удачи и позора, но и уважения Англии».

Азарт, с которым фокусники травили медиумов, не слишком понятен стороннему зрителю, но имеет простое объяснение. Дело в том, что «ясновидящие», «телепаты», «целители», «духовидцы» и «спиритуалисты», как правило, пользовались стандартным набором тех трюков, что были изобретены именно в цирках.

«Летающие руки», «загадочные подъемы предметов», «сгибания ложек и ножей силой мысли», хождения по воде, волшебные исцеления и разгадывание мыслей, техника левитации и чрево вещание практиковали еще Кратифен, Феодосий, Эвклид и Деофит — полумифические иллюзионисты Древней Греции.

По всей вероятности не они были изобретателями фокусов, но именно эти имена сохранила история. Разумеется, у них были египетские, ассирийские, китайские и индийские предшественники, а сами фокусы шлифовались и совершенствовались в течении нескольких веков, прежде чем попасть на рынки и в амфитеатры Эллады.

Древнеримские сатурналии отшлифовали иллюзионное искусство и передали его ярмаркам ранней Европы.

В XVI–XVIII столетиях искусство фокуса было доведено до совершенства Георгом Сабелиусом, мэтром Гонэном, Жаном Руайе, Йозефом Фрелихом, Иоанном Боско, Каттерфельдо, Исааком Фауксом, Джинджеллом, Пелладино и еще как минимум тремя десятками классиков циркового иллюзиона. (*Cristopher M. Panorama of magic 1962; Evans H. Magic and its professors 1902; Тривас М. Вадимов А. От магов древности до иллюзионистов наших дней 1979*)

В раннем средневековье технология фокуса остается известной только тем, кто сам работает на аренах, но уже в 1533 году Генрих Корнелий Агриппа издает в Кельне свой труд «Об оккультной философии», где трюкам посвящена целая глава.

В 1771 году Иоганн Христиан Виглеб издает книгу «О натуральной магии». В 1790 появляется труд Г. Галле «Открытые тайны древних магов и чародеев или волшебные силы природы, в пользу и увеселение употребленные».

Даже самого беглого знакомства с историей циркового иллюзиона достаточно, чтобы убедиться в том, что все без исключения религиозные культы, включая спиритуализм, а также целители и экстрасенсы не изобрели ни единого собственного фокуса, а только заимствовали репертуарные номера, известные еще со времен Кратифена и Деофита.

Возможно, этот небольшой набор умных и эффектных обманок и есть тот самый «след бога».

Если это так, то смущает тот факт, что «мировой разум», «создатель и повелитель планет и плазм» век за веком пользуется одним и тем же сомнительным наборчиком чудес, подсмотренном на ярмарках и в цирках.

Вероятно, нам следует признать поражение: мы честно искали бога, а нашли унылый микст из нотаций и фокусов.

Знание тайн цирка сегодня обрушивает спиритуализм и экстрасенсорику, не оставляя для нас надежды найти в них «сверхъестественный фактор».

Но!

Если бы иллюзионисты «евангельского века» имели бы профсоюз, средства массовой информации и тот азарт, который воодушевлял Боначека или Гудини, у нас, вероятно, было бы на одну мировую религию меньше.

Ее паранормальная сторона была бы опознана, как набор репертуарных трюков, безжалостно разоблачена и осмеяна. А без нее притчи и нотации Христа остались бы простым фольклором, который

никогда бы не вскружил головы даже рабам и погонщикам ослов.

Христианство не исключение. Такую же участь имела бы и любая другая форма магии, остающаяся в своей премордиальной форме или оформленная в религию.

Мы видим забавную инверсию.

Цирковой трюк в сочетании с хохотом, светом, гримом и кривляньями остается тем, что он есть, т. е. обычным трюком. Он же в сочетании с мраком, пафосом и темой смерти становится доказательством наличия тайных духовных сил мира.

Причина такой инверсии понятна.

Для мозга с его очень ограниченными возможностями и соответственно «урезанной» рецепторикой, среда и не может предложить большого разнообразия возбудителей.

А функция центральной нервной системы — это их постоянный поиск, что, вероятно и вынуждает бедную ЦНС homo «бродить по кругу», используя одни и те же явления в качестве совершенно разных по смыслу раздражителей.

Прекрасным поясняющим примером таких инверсий является двойное использование бромидроза.

Бромидроз, как известно, это — зловоние пота, вызванное его естественным бактериальным разложением. Это сложный, многосоставный аромат, фундаментом которого является изовалериановая кислота и продукты нитрификации (окисления аммиака).

Бромидроз может вызвать рвотный рефлекс, когда исходит от разлагающегося пота ног, а может быть объектом восхищения, если его источают дорогие сорта сыра.

Отметим, что и в том и в другом случае это будет один и тот же запах. Его химическое происхождение и физиологическое восприятие никак не будут отличаться.

С учетом того, что молоко (основное сырье для изготовления сыра) это сложная модификация пота, сохранившее с ним (некоторое) биохимическое родство, оно и разлагается (почти) так же, как пот, теми же группами бактерий, в частности *Nitrosomonas*.

Но! Источаемый грязными запревшими носками, портянками, подошвами и пальцами ног, он вызывает отторжение и включает защитные реакции, а преподнесенный на хрустале или фарфоре, в виде «лимбургера» или «комамбера» провоцирует восторг и желание неспешно определять гамму ароматических интонаций.

Вглядевшись, мы обнаружим, что наши примеры с фокусами или

бромидрозом не уникальны.

Вся культура homo переполнена инверсиями.

Трудно сказать, где именно их концентрация сильнее.

Она и в двойном восприятии половых органов, в «щекочущих» языковых казусах, в похоронных и правовых ритуалах.

Дама, совершающая орогенитальный контакт, без всяких колебаний глотает мужскую сперму. Если та же жидкость будет подана ей в бокале к говяжьим ребрышкам, то мы, несомненно, сможем наблюдать всю мощь рвотного рефлекса.

Рыцари — крестоносцы Готфрида Бульонского имели обыкновение натираться калом папы. Они же сетовали на вонь от испражнений солдат и оруженосцев.

Это дает основания задуматься о зыбкости баланса безусловных и условных рефлексов и опять выводит нас к знаменитому эксперименту Ерофеевой.

Но сейчас нас интересует совершенно другое.

К сожалению, как мы видим, в религиях невозможно найти «следы бога» или хотя бы те «отпечатки его пальцев», которые позволили бы нам судить о наличии сверхъестественного фактора, способного влиять на процессы мышления.

Невозможность принимать всерьез паранормальную сторону культов, освобождает нас от доверия и к их декларациям.

Вероятно, магия и все ее дериваты — это все же слишком грубая рукотворная материя. По причине вульгарности ее происхождения в ней и не может содержаться того, что мы ищем.

Но это не значит, что наш поиск «бога» можно считать законченным.

Как известно, у магии есть родная сестра. Метафизика.

Она никогда не опускалась до фокусов и сбора медяков со старушек. Она не бралась учить или объяснять, полагая, что тайны, заложенные в основании мира, не измеряемы знанием и не изменяемы молитвой.

Она с одинаковой безгливостью морщила носик, созерцая и религиозные фокусы, и дымящиеся реторты.

Она не жгла людей и не вскрывала тайком трупы в подвалах.

В самом ее имени, которое переводится как «то, что после физики» весьма уютно разместилась претензия на знание конечного смысла.

Это наименование досталось ей совершенно случайным образом, но очень хорошо охарактеризовало претензию метафизики быть вне всего, после всего, до всего и в основе всего.

В метафизику, как правило, влюблялись все разочаровавшиеся в ее доступной сестричке.

Для интеллектуалов, начиная еще со времен Симплиция, именно в метафизике, а не в религии находилось объяснение волшебства любви, музыки, доблести, рифм, затмений и великих открытий.

За любым жизненным событием стояла именно она, как некое сверхчувственное, неосязаемое начало мира, которое-то и является подлинной причиной «чуда» мышления, искусства, веры и красоты природы.

Ее доводы были тем сильнее и убедительнее, что вообще никогда и никак не формулировались. Они оставались невидимы и бесплотны.

В отличие от магии, которая обросла уязвимой фразеологией и забавной атрибутикой, «надмирная тайна начала бытия» никогда не облакалась ни в какие конкретные слова и образы. Благодаря этому она долго оставалась неуязвимой для злословия.

Ее призрачность, конечно, очаровательна, но нам надо хоть как-то «пощупать» предмет нашего обсуждения. Иными словами, нужны хоть какие-то осязаемые характеристики этой тайны.

Их, конечно можно поискать у Аристотеля, но у нас нет задачи просто посмешить публику.

Иные античные авторы тоже не предлагают ничего вразумительного.

Европейские адепты метафизики: Гегель — Хайдеггер — Гуссерль, ловя ее вечно ускользающую сущность, громоздили друг на друга

миллионы слов, весьма причудливо меняли их порядок, но так и не смогли вывести ни одной характеристики данного явления.

В поиске формулировок её смыслов нам остается обратиться к первобытному мышлению (как к возможному автору).

Классическая антропология предлагает множество его вариантов, но нам нужен абсолютно примитивный, говоря языком Леви-Брюля «домагический» и «до логический» образец мышления.

Задача кажется невыполнимой, но это не так.

Конечно, кристальная, не замутненная магией чистота представлений — это огромная редкость. Её бесполезно искать в европейской или азиатской мифологии.

По счастью у нас есть «родина всего и всех» — Тропическая Африка. Именно там, в 50-е годы XX века Богумилом Оля у племен *кру* и *сенуфо* были обнаружены древнейшие представления человека о сверхъестественных началах мира.

Эта находка для антропологии сравнима по своей важности с обнаружением эдиакарской фауны для биологии.

Тем не менее, она осталась (как и многое другое) почти незамеченной и уж точно не оцененной. Но, благодаря ей, мы можем понять, как могло бы выглядеть понимание паранормального, если бы оно не стало объектом жреческого бизнеса.

По представлениям *кру* существует «не имеющая образа и облика потенция, именуемая Нионсва или Ниесва». Она полностью абстрактна и недостижима. Контакт с ней невозможен. Но именно она является началом и концом мира. (Б. Оля «*Боги тропической Африки*» М.1976)

Племя *Сенуфо* придерживается схожих представлений, но у них та абстрактная форма, которая заполняет космос, землю и человека зовется Кулотиоло. Она тоже всеильна, глуха к мольбам и безразлична к происходящему на земле, *сенуфо* вспоминают ее, по выражению Б. Оля, «молчаливо или намеками».

Европейская метафизика до шестидесятых годов XX века понятия не имела об африканском рецепте «молчания и намеков», но в общем и целом ему следовала (не считая бессвязиц Гегеля — Гуссерля — Шелера).

Мы видим не просто забавное совпадение.

«Надмирная тайна» метафизики действительно может существовать только в режиме необъясненности и несформулированности. Ее очарование — в ее полной неопределенности, а ее язык — молчание.

Сенуфо понимали это значительно лучше, чем Гегель. Поэтому их Кулотиоло значительно «метафизичнее», чем «мировой дух» Гегеля.

Гегельянство, конечно, сделало свое дело, но в основном Европа сплела паутины «невыразимого сверхъестественного начала» задолго до тиражирования мучительного многословия Георга Фридриха Вильгельма Гегеля.

Основным сырьем для неё послужили мириады поэтических пустяков, а также мимолетные нюансы и образы гуманитарной культуры.

Как ласточкино гнездо слюной, эти пустячки склеивались видовым самолюбованием в одно целое. (Как мы помним, *нотто* страстно желал быть «уникальным созданием», не имеющим ничего общего с другими животными.)

Очень хаотично и неряшливо, но у европейцев все же складывался образ некой всемирной тайны, главенствующей над всем, в том числе и над науками.

Но подрастал маленький Давид точного знания.

Со времен Галилея и Везалиуса он начал покручивать свою прашу, выразительно глядя метафизике прямо в ее сияющие неземным светом глаза.

Примерно с XVI столетия начался вечный бой между ней и наукой. Сейчас трудно сказать, кто именно вlepил метафизике в лоб первый, по-настоящему болезненный камень.

Это мог быть Бруно, Левенгук, Сваммердам или Бюффон. Сейчас это трудно установить.

Тогда метафизика отделалась шишкой и недолгим обмороком, но она даже не представляла себе, что ждет ее в ближайшем будущем.

Мы не вполне точно знаем, как обстояли дела в тиши кабинетов, но первое публичное изнасилование этой особы совершил Жюльен Оффре де Ламетри. Впрочем, поскольку к нему быстро присоседился Гольбах, то изнасилование можно характеризовать, как групповое.

Уставших энциклопедистов сменили Лаплас и Ламарк.

Сделав свое дело, они галантно уступили место толпе физиологов.

Те не были склонны к куртуазности и шалостям.

Они не трясли кружевами манжет и не утруждали себя пустыми комплиментами, как их предшественники. Близко познакомившись с Клодом Бернаром, Иваном Сеченовым, а также Бюхнером, Фогтом, Малешотом, Функом, Вундтом, и пр., метафизика познала настоящий кошмар.

Вообще, над ней успешно надругались очень многие.

Метафизика рыдала поэмами и симфониями, огрызалась полотнами Гро и томиками Канта.

Но восемнадцатый и последующие полтора века были для нее временем сплошного ужаса и позора.

Помимо серии публичных групповых изнасилований ей пришлось пережить и другие экзекуции.

Ее до крови искололи перьями Гексли и Тейлор, а Дарвин побил тросточкой.

Слюна Павловских собачек прожгла огромные дыры в ее мерцающих ризах, а Эйнштейн прямо ей на лбу нацарапал $E=mc^2$.

Иными словами, постепенно, но верно, усилиями физиков, химиков, физиологов, археологов и геологов метафизику удалось выдавить практически из всего интеллектуального пространства. Процесс был нелегким, но к началу XX века значительная часть явлений и событий уже получила простое и легко проверяемое объяснение.

В лабораториях одна за другой разгадывались загадки природы, а вместе с каждой разгадкой погибала и частичка «всемирной тайны».

Издыхающая метафизика, спасаясь от кислот и ланцетов, заползла в первоначальные пласты времени, в эпоху образования планеты и зарождения на ней жизни.

Там она и окопалась, мстительно шипя о том, что секрет возникновения живого недоступен познанию, что никогда и никакой определенности в вопросе происхождения жизни нет, не было и быть не может.

В этом горлумовском шипении хорошо слышится знакомый мотив о наличии неких «нефизических свойств» нашего мира.

К. Саган писал: «сохранялось убеждение не только среди богословов и философов, но и среди многих биологов, что жизнь не сводима к законам физики и химии, что есть еще какая-то жизненная сила, энтелехия, тао, манна, она то и движет живыми существами, вдыхает в них жизнь. Немыслимо было поверить, будто вся сложность и красота, точное соответствие формы и функции в живом организме сводятся к взаимодействию атомов и молекул.» (*Carl Sagan, 1996*)

Возможно, в этом есть какой-то смысл. Так или иначе, но проверить данную версию мы обязаны, чтобы окончательно решить для себя вопрос о некоторых спорных свойствах ЦНС.

До XVII столетия теория самозарождения жизни из гниющей органики (*autogeneratio* или же *Generatio spontanea*) казалась настолько очевидной, что не требовала никаких доказательств. Под автогенерацией успели «подписать» практически все основные творцы человеческого интеллекта, от Аристотеля до Декарта.

Формально, автором данной идеи считается Стагирит, хотя анализ трудов, в котором размещены выкладки по данной теме («О происхождении животных», «Учение о растениях») показывает, что Аристотель лишь сконцентрировал в своих трактатах основные научные воззрения того времени.

Хотя в разработке и трактовках *Generatio spontanea* хронологически неоспоримо первенство египетских и шумерских жрецов, а так же Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита Эфесского, Демокрита, и Эпикура, тем не менее, существует традиция считать основным ее автором именно Аристотеля.

Подчинимся (в данном случае) традиции, так как изначальное авторство все равно не определимо, да и не принципиально.

Отметим, что автогенерация, именно как авторская идея Стагирита интерпретировалась и кочевала по всем поздним античным трудам, от Цицерона до Лукреция и Плотина.

В раннехристианскую эпоху аристотелевское «самозарождение червей, лягушек и угрей в разлагающемся мясе, навозе и тине» было узаконено «отцами церкви» — Василием Кесарийским, Августином Гиппонским, Исидором Севильским.

Позже апологетами автогенерации стали Фома Аквинский и Альберт фон Больштедт, а Аристотель был возведен в ранг *praecursor Christi in rebus naturalibus* (предшественника Христа в вопросах естествознания)

Очень подозрительна покорность, с которой церковь приняла откровенно языческую идею.

Впрочем, история «святоотеческого» принятия идеи самозарождения совсем не так проста, как это видится сегодня.

Внимательно рассмотрим дословные цитаты.

В частности, Исидор Севильский был автором следующего пассажа: «пчелы образуются из разлагающейся телятины, тараканы из лошадиного мяса, кузнечики из мяса мулов, а скорпионы — из крабов.» («*Etimologicon*,

sive de originibus»), а Августин Гиппонский: «Многие очень малые животные, повидимому, не были созданы на пятый и шестой день, но произошли позже, от гниющей материи».

Фома Аквинский в своей «Сумме теологии» (*Summa theologiae*) убеждал в том, что: «Если даже появляются новые виды, то потенциально они существовали раньше, что доказывает тот факт, что некоторые животные образуются из гниения других животных.

Легко заметить, что эти реплики не вполне согласовываются с библейской картиной миротворения, где автором и изготовителем всех форм жизни является исключительно сам бог.

Конечно, в библейских книгах есть фрагменты (в 20 ст. I гл. и в 19 ст. гл. II книги Бытия и в 8–9 ст. 14 гл. Книги Судей), которые при очень большом желании можно истолковать как свидетельство образования пчел из львиного трупа, а птиц, полевых животных и рыб из «земли и воды», но адресация отцов церкви к столь неоднозначным стихам — это не более, чем поиск «теологической лазейки». По существу — это опасное балансирование на грани ереси, конфликт с магистральным смыслом библейского предания. Подобные вольности (учитывая агрессивность епископата, вселенских и поместных соборов, а та же верующих толп) могли дорого обойтись и Василию и Августину и Исидору и Фоме, учитывая что титул «отцов церкви» и сакральность своих имен они получали посмертно.

Возникает вопрос — для чего создатели христианской идеологии шли на этот риск?

Тут возможны две версии ответа.

Versio I.

Во времена бл. Августина (IV–V в.), Василия Кесарийского (V в.) и Исидора Севильского (VI–VII) еще была жива греко-римская наука, предлагающая свое видение мира.

Оно существенно отличалось от местечковых представлений древних евреев, зафиксированных в Библии.

Меж силой античного знания и библейскими догмами возникла конкуренция. Честно выиграть в этой борьбе церковь не могла, а правом тотально уничтожать ученых вместе с их трудами еще не располагала. (Регулярные сожжения инакомыслящих тогда были только мечтой.)

Конечно, и во времена раннего христианства церковь пробовала свои силы в полемике с наукой.

Уже и тогда аргументы астрономов и математиков проигрывали в убедительности главному доводу христиан т. е. — «igni ferroque».

Мы видим это на примере (весьма вероятной) физической ликвидации Цельса и Порфирия, (несомненном) уничтожении Гипатии, и истреблении множества античных книг. (Последнее является безусловным фактом.)

Образчиком торжества благочестия над знанием служит успешное сожжение епископом Фефилом в 391 году Александрийской библиотеки; закапывание книг по указанию набожного императора Валента; уничтожение «всех книг дохристианского периода, как оскорбительных для христиан», совершенное в 590 году по распоряжению папы Григория Первого.

Конечно, это были впечатляющие, но все же локальные успехи. Признаем очевидное: в V–VII веках фундаментальная классика науки была еще не по зубам церкви.

Почему?

Во-первых, по причине огромного количества «списков» Аристотеля, Эпикура et cetera, истребить которые у христиан не было физической возможности.

Во-вторых, ввиду отсутствия какой-либо собственной внятной концепции происхождения жизни.

Ни у Августина, ни у Исидора, ни у Василия не было представлений о том, насколько тотальной будет власть церкви, начиная уже с IX века.

Если бы они предвидели будущие возможности своей организации, то, вероятно, и не стали бы хитрить и искать «лазейки» в библейских текстах.

Но Исидор, Августин и Василий, по всей вероятности, предполагали, что конкуренция с наукой может быть долгой и драматичной.

Ориентируясь на современную для них реальность, первые церковные идеологи приняли понятные меры предосторожности, заключив с наукой формальный мир и отчасти перед ней склонившись.

Если признать справедливость наших суждений, то все становится на свои места и загадочный еретизм отцов церкви получает исчерпывающее объяснение.

Итак.

Чтобы придать респектабельность и конкурентоспособность своему детищу, первым творцам теологии пришлось «натянуть» племенные и крайне провинциальные тексты Библии на хоть какой-то научный каркас. Использовать в таком качестве они могли только античные знания и посему... присели в глубоком реверансе перед Стагиритом и его теорией самозарождения, поставив Аристотеля выше бога и Моисея. В этом была маленькая, но очень конструктивная хитрость, отчасти снявшая с христианства обвинения в дикости и провинциализме.

Versio II.

Вторая версия прозвучит несколько фантастично, но мы не имеем никакого права её исключать.

Вполне возможно, что открытое пренебрежение библейскими смыслами было вызвано не конъюнктурой и не стратегическими соображениями, а очень ироничной оценкой мироздания «по Моисею».

Да, имена Исидора Севильского, Василия Кесарийского, бл. Августина и Фомы Аквината сейчас стали синонимами ограниченности и фанатизма.

Но!

Не забываем о том, что время — это кривая и мутная линза. Никто не может состязаться с ним в способности исказить любой факт и образ.

Быть может, на самом деле эти люди были смельчаками, уже тогда вставшими на сторону знания, подлинными гностиками, что ткали узористое полотно высокой теологии для себя и единиц себе подобных, оставляя церковным массам библейский примитивизм.

Отметим, что отцами церкви не обсуждалась автогенерация более сложных существ. Опасность подобных размышлений была слишком велика и очевидна. Библия категорично оставляла «авторское право» на творение большей части животного мира и человека исключительно за богом. Здесь лазеек для идеологов христианства, вынужденных несколько «отрихтовать» Св. Писание под Аристотеля (и отчасти Платона и Эпикура) не оставалось. Впрочем, в этом не было и особой потребности. Всеобъясняющего принципа автогенерации жизни в органических субстанциях было достаточно, чтобы выстроить удовлетворительную картину сотворения мира. Ее можно было использовать в изысканиях, естественно не переходя те незримые черты, что были обозначены в сочинениях отцов церкви, но держа ее в уме, как некий универсальный ключик ко всем загадкам изначального жизнеобразования.

Отметим, что поиск эмпирических доказательств самозарождения организмов всегда казался излишним.

Бэконы, Галилей, Коперник, Гук, Картезиус и др. приняли данную идею без возражений и оперировали ею, как некой «вечной истиной». Разумеется, почти не переходя границ, обозначенных «отцами церкви».

Френсис Бэкон (1561–1626), в частности, в качестве примера описывал самозарождение чертополоха в земле, а Роберт Гук (1635–1703) настаивал на таком же происхождении всех видов грибов и плесени.

В XVI веке Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Парацельс) резко нарушил «правила игры», распространив принцип *Generatio spontanea* с низших форм жизни на самого человека. Он писал: «Возьми известную

человеческую жидкость и оставь ее гнить в запечатанной тыкве, потом в лошадином желудке сорок дней, пока там не начнет двигаться, жить и копошиться, что легко заметить. То, что получилось, еще нисколько не похоже на человека, но прозрачно и без тела. Но если потом осторожно, ежедневно и с благоразумием питать человеческой кровью и сохранять в течении сорока недель в постоянной и размеренной теплоте лошадиного желудка, то произойдет настоящий живой ребенок, только очень маленький». «*De natura rerum*».

Сегодня этот пассаж Парацельса кажется образчиком босховского фантастизма, порождением гомункулярных грез и откровенным мракобесием.

Но это сегодня.

В год же своего написания парацельсово откровение было эталоном научности и свободомыслия. Декларируя возможность лабораторного выведения «маленького прозрачного человечка», Гогенхайм не просто нарушил границу допустимого для науки, но и пошел в «лобовую атаку» на бога.

Гомункулизм (как бы он не был сегодня смешон) отбирал у божества прерогативу творения не только низших, но и высших форм жизни, тем самым вообще ставя под сомнение роль сверхъестественной силы в мироздании.

Парацельс поплатился за свою вольность всего лишь изгнанием. У мягкости этого наказания есть, разумеется, своя любопытная история, но она имеет мало отношения к обсуждаемому нами вопросу.

Впрочем, выходка знаменитого врача и алхимика никак не повредила концепции самозарождения. Она продолжала жить, владеть умами и служить основой научного мировоззрения того времени.

К VII веку авторитет идеи был столь велик, что опыты доктора Жана Батиста Ван-Гельмонта (1580–1644), которые тот проделал с пропотелым бельем и пшеницей, были восприняты уважительно, но несколько недоуменно.

Репето, самозарождение представлялось настолько бесспорным научным фактом, что эмпирическая проверка его истинности выглядела чудачеством.

В чем заключались опыты Ван Гельмонта, имевшего превосходную научную репутацию медика, химика да еще и специалиста по питанию растений?

Напомним, что почтеннейший доктор набил глиняные горшки своими грязными, сильно пропотевшими рубашками, пересыпанными зерновой

пшеницей и через пару недель получил в этой субстанции «самозародившихся» мышей обоих полов.

Процитируем самого доктора: «Ибо если вы набьете открытый кувшин нижним бельем, загрязненным потом, добавив туда некоторое количество пшеницы, то приблизительно через двадцать один день вы почувствуете изменение запаха, поскольку закваска, находившаяся в белье, проникает сквозь пшеничную шелуху и превращает пшеницу в мышь.» *Van Helmont J. B. Ortus medicinae (1667)*

Успех эксперимента был несомненным. Представления и науки и теологии о происхождении живых организмов подтвердилось пискom восемнадцати веселых мышат.

Если бы не этот маленький триумф голландского педанта, то возможно, старая теория Аристотеля беззаботно прожила бы еще лет пятьдесят.

Но!

Именно с мышек доктора Ван Гельмонта и началось обрушение «вечной истины самозарождения».

В соответствии с законами развития науки, успех Гельмонта спровоцировал доктора Франческо Реди (1626–1697) на ответный эксперимент с гнилым мясом и мухами.

Следует помнить, что Реди был последователем и учеником Гарвея, который к «вечной истине» относился весьма скептически.

Реди поместил тухлое змеиное мясо в открытый сосуд и очень скоро обнаружил там множество самозародившихся червячков, которые со временем преобразовались в мух.

На этом можно было бы успокоиться и снять шляпу перед мышатами, Аристотелем и Исидором Севильским, но Реди (как мы уже отметили) был крайне педантичным доктором и решил проверить собственный эксперимент на «чистоту».

На этот раз он взял два сосуда и поместив туда куски мяса одинаковые по степени протухлости, один из сосудов затянул муслином, тем самым закрыв туда доступ любым инсектусам.

Естественно, в закрытом сосуде «червячки» не самозародились.

У Реди возникли подозрения, что «вечная истина» не является бесспорным научным фактом. Он многократно повторял эксперименты, публиковал их результаты, заслужил славу ниспровергателя основ и, разумеется, был атакован защитниками автогенерации.

Вскоре забавный спор двух педантов разросся до масштабов общеевропейской научной дискуссии, в которую втянулись такие

авторитеты, как Марчелло Мальпиги (1628–1694), Антонис Ван Левенгук (1632–1723), Ян Сваммердам (1637–1680), Пьер Гассенди (1592–1655).

Левенгук раскритиковал Реди, снисходительно поясняя с высоты своего величия «микроскописта № 1», что формат зарождающихся в закрытом сосуде организмов был слишком мал, чтобы быть обнаруженным без волшебных стекол.

Впрочем, позиция Левенгука не отличалась отчетливостью и однозначностью. Скорее всего, она естественным образом менялась под влиянием наблюдений и размышлений. В своем письме Лондонскому Королевскому обществу он писал: «Наблюдая за удивительным промыслом природы, благодаря которому возникают эти «маленькие зверушки», способные жить и продолжать свой род, нам следует смутиться и задаться вопросом, неужели до сей поры есть люди, которые цепляются за старое убеждение, будто бы живые существа могут зарождаться в результате гниения?» Как видим, здесь Левенгук скорее поддерживает Реди, чем его оппонентов. Иными словами, основной шум наделал сам факт участия великого микроскописта в дискуссии, а не его меняющаяся позиция.

Аббат Гассенди, бывший на тот момент одним из властителей дум, пылко продекларировал стагиритовские постулаты о самопроизвольном зарождении жизни в моче, навозе, трупах, поте, а затем (будучи все-таки философом) еще и обогатил идею размышлениями о тонкостях механики автогенерации.

В «*De terrenis viventibus seu de animabilis*» Гассенди подробно прописал процесс самозарождения, добавив, что душу эти новообразованные организмы получают из остатков души, сохранившейся в том трупe, который их и порождает.

Скептический Сваммердам, тончайший исследователь анатомии и физиологии инсектусов, публично опроверг Гассенди и Ван-Гельмонта, назвав саму идею автогенерации «вздорной и не достойной даже осмеяния». (Сваммердам, впрочем, никак экспериментально не подтверждал свою убежденность, а основывался лишь на опыте морфологиста и понимании сложности зародышевого процесса.)

К концу XVII столетия диспут стал жестче и масштабнее.

Ситуацию усердно подогревал Реди, исчерпавший доводы, но сохранивший до старости дар к утонченным издевательствам над «самозарожденцами».

Дж. Нидхем (1713–1781), прелат и естествоиспытатель, высмеял почивших к тому времени Сваммердама и Реди, а затем серией экспериментов усилил доводы Гассенди и других сторонников

автогенерации. Этим он заслужил благосклонную оценку самого Ж. Л. Л. Бюффона (1707–1788), который тоже выступал на стороне *generatio spontanea*.

Бюффон, впрочем, не утруждал себя никакими доводами, полагая, что величие его персоны автоматически переводит любые его убеждения в разряд неоспоримых истин.

В ответ Лазарро Спалланцани (1729–1799) дерзко, красиво и безупречно доказательно «перемолол» все доводы сторонников Нидхема, Гассенди и Ван-Гельмонта, разъяснив природу их ошибок при экспериментировании. Громя теорию автогенерации, Спалланцани мимоходом, но весьма иронично задел и великого Жоржа Луи Леклерка, вызвав у директора Королевского Ботанического Сада приступ понятной ярости.

Нидхем, разумеется, «научно вспылал», т. е. объявил Спалланцани «неучем» и «шарлатаном», а затем ответил целой серией экспериментов, подтверждающих свою правоту.

Джон Грант в своем авторитетном науковедческом труде (*J. Grant Discarden science 2006*) выказал уверенность, в том, что «Нидхем прибегнул к популярному научному методу, которым всегда можно исправить почти любую неприятную ситуацию: он сжульничал в ходе экспериментов». Нидхем, — вообще сильная и недооцененная фигура. В научном мире того времени он имел прозвище *L. Anguillard* (человек-червь), полученное им за страстность при отображении жизни простейших в своем труде «О новых микроскопических открытиях» (1745). О боевом характере Нидхема свидетельствует его долгая полемическая война с Вольтером. В историю науки Нидхем вошел благодаря своей обращенной к Вольтеру фразе: «По вашим словам — мораль весьма незначительный предмет и должна быть подчинена физике. Я же говорю, что физику надо подчинить морали».

Постепенно тема раскалялась все сильнее, и к началу XIX века в дискуссию оказались вовлечены Ж. Б. Ламарк, Вольтер, Ф. Дюжарден, Ф. Пуше, Ж. Л. Гей-Люссак, Ж. Дюма, Дж. Тиндаль, Г. Бестиан и еще множество зоологов, химиков, физиков и биологов поменьше «калибром».

«Самозарожденцы» стояли насмерть, но Теодор Шванн (1810–1882), а за ним и Луи Пастер (1822–1895) все же поставили в точку в этом споре, окончательно доказав невозможность самовозникновения живых организмов в органических субстратах.

Пастер написал: «Никогда больше доктрина самопроизвольного зарождения не придет в себя от смертельного удара...» (*Vallery-Radot R. The*

life of Pasteur 1960)

Удар, как выяснилось позже, смертельным не был, но феноменальная по своему педантизму серия пастеровских опытов все же обеспечила противникам *generatio spontanea* — решительную победу.

Но, как только победа над «вечной истиной» была одержана, возник страшный для естествознания вопрос: а как же зародилась жизнь?

Страшен он был тем, что содержал намек на неизбежность некой сверхъестественной силы, когда-то явно вмешавшейся в процесс мироздания.

Отметим проницательность теологов, с середины XIX столетия внимательно следивших за схваткой меж «вечной истиной» и научным естествознанием.

Их явно забавлял азарт, с которым натуралисты крушили идею самозарождения.

Еще до расстановки Пастером «финальных точек», мистики начали злорадствовать, предсказывая, что в результате всей экспериментальной работы наука сама себя выведет к признанию того, что сотворение жизни было под силу лишь надприродному существу.

Примерно это и произошло к последней трети XIX века.

Для ученых вольнодумцев положивших столько труда на разгром религиозных идей победа над принципом самозарождения имела весьма горький вкус.

Жаловаться было не на кого — наука сама себе выкопала эту могилу.

После крушения *generatio spontanea* стало понятно, что в течении многих веков именно эта теория и была «научной», адресованной к законам природы, а не к мистике.

После ее «кончины» возникло ощущение, что не существует ни единой «зацепки», ни единой ниточки, которая могла бы повести к рациональному и проверяемому объяснению феномена появления жизни на древней земле.

Доказанная Пастером возможность происхождения «живого лишь от живого» неотвратимо означала только одно: первым звеном всей жизненной цепочки был мощный, высокоорганизованный, и наделенный способностью к бесконечным сознательным трансмутациям начальный организм.

Чтобы дать возможность развиваться всему многообразию органической жизни, он должен был раздробить себя на десятки тысяч совершенно разных начал, дать жизнь всем видам и «собраться» обратно, чтобы курировать и направлять развитие.

Тут-то по-настоящему и запахло богом. Причем таким, какого не способно было породить никакое религиозное воображение.

Никогда еще за всю историю человечества реальность божества не была такой яркой и убедительной.

Особенно важно было то, что явленный из пробирок, дефлегматоров и испарителей бог Пастера не имел ничего общего с фантазиями культов. Скроенный по лекалам самой высокой метафизики, он был очень «научен» и стерильно чист от жреческих спекуляций.

В трудах по истории науки этот момент деликатно характеризуется, как «кризис естествознания». Но это было больше, чем «кризис». Это был крах.

О науку публично вытирали ноги толпы «субъективных идеалистов», гегельянцев, астрологов, метафизиков, спиритов, виталистов и просто религиозных фанатиков.

Бессчетные Достоевские — Авенариусы — В. Соловьевы — Вейсманы — Де Фризы-Коржинские мстили естествознанию за годы унижения религиозной веры и разбитые мифы.

Ситуация была крайне неприятная. Она усугублялась еще и тем, что практически все открытия науки теперь были обращены против нее самой.

Поясним.

Точный возраст планеты, конечно, был еще не известен.

Но!

В XVII веке ученик Ньютона Эдмунд Галлей определил его в 10.000 лет. Чуть позже Жорж Луи Леклерк де Бюффон обозначил его 74 тысячами 832 годами с того самого момента, когда оторвавшийся от Солнца протуберанец образовал планетное тело Земли.

Лорд Кельвин в 1862 году обозначил древность нашей планеты сорока миллионами лет.

Сэр Артур Холмс в 1911 году назвал цифру 1, 64 миллиарда лет.

Seretum, вскоре стало ясно, что Земля является еще более архаичным образованием, чем это представлялось Кельвину и даже Холмсу. (Открытия свойств изотопов свинца, сделанные в 1913 году Ф. Содди, позволили внести еще чуть-чуть ясности в ее возраст.)

Предъявление все более и более возрастающих цифр провоцировало забавную панику естественников. (Они тогда еще не понимали, что именно огромность временного пространства, простершегося от момента образования планетарного тела до палеозоя и станет основной подсказкой для разгадки тайны жизнезарождения.)

К началу XX века, сегодняшняя (относительно точная) цифра земного возраста (4,75 млрд лет) разумеется, еще не прозвучала.

Но уже обозначилась картина катархейского (гадейского) зона и раннего архея.

Без сомнения, — это был строго минеральный, безкислородный, высокотемпературный мир, полностью беззащитный перед обжигавшим его коротковолновым солнечным излучением.

Как казалось, на ранней земле не было места ни для каких форм жизни.

Последний «гвоздь в крышку гроба» естественнической идеи забила геология того времени.

Отметим, что она всегда была мощным и верным союзником научного свободомыслия. Посему именно ее свидетельство было воспринято наиболее драматично.

Геология честно исполнила свой долг, стратифициров слои земной коры и заключив, что «к архейской группе относятся массы гнейса, слюдяного сланца, филлитов и т. д., и те кристаллические сланцы, которые вместе с мрамором и кварцитом лежат на больших протяжениях под древнейшими породами кембрийской системы; до сих пор в них не было найдено остатков животных или растений»(М. Нермайр *История Земли т1, СПб 1903*)

Академический свод — «Итоги науки» т. II, стр. 701 (СПБ 1911 г.) фиксирует пораженческие настроения натуралистов того времени: «Несомненно, что и все дальнейшие попытки найти в глубине гнейсовосланцевой земной брони какие либо остатки родственных нам «углеводородных» организмов осуждены на бесплодие».

Эдиакарские (позднеархейские) организмы обнаружены еще не были,

но даже их открытие могло бы лишь немного (на 100 млн лет) передвинуть вглубь времени ту демаркационную линию, что в сознании ученых XIX века разделяла «мертвую» и «живую» эпохи истории Земли.

Ситуацию, возможно, могло бы отчасти поменять знание о подлинном возрасте биологической жизни, о том, что первые экзоглифы, т. е. биогенные отложения, молекулярные ископаемые и археи содержатся в пластах осадочных пород, сформировавшихся в сидейрийский период протерозоя, т. е. 2,5 миллиарда лет назад, а первые цианобактерии — в породах палеоархейской эры, образовавшихся 3.5 миллиарда лет назад.

Впрочем, для того, чтобы в зеленокаменных пластах Барбертона (юж. Африка) и Стрелли-Пул (западная Австралия) обнаружить следы цианобактерий, требовалось прежде всего точное знание того, что их *надо* там искать.

А это знание могло основываться только на мощной и доказуемой теории, объясняющей неизбежность плавного и естественного перехода материи из минерально-химического в органическое состояние.

Требовалось понимание того, что жизнь есть непрерывный химический процесс, а разделение его на «мертвый» и «живой» периоды — это не более чем недоразумение, навязанное науке и сослепу ею проглоченное.

Такой теории в начале века, разумеется, еще не существовало.

Но!

Тот, кому предстояло начать ее формулировать, уже примерял фуражку гимназиста. Впрочем, в 1900 году будущему академику Опарину было лишь шесть лет и его больше занимало ужение карасей, чем кризис мирового естествознания.

Второму творцу теории абиогенеза, Джону Бёрдону Сандерсону Холдейну, на тот момент исполнилось восемь. Величие оксфордских стен, в которых он родился и вырос, конечно, уже повлияло на него.

Он ассистировал своему знаменитому отцу физиологу Джону Скотту Холдейну, очень увлеченно мыл пробирки и даже рассматривал альвеолы *in vitro*, но до теории абиогенеза руки его еще «не дошли».

Будущий Нобелевский лауреат Гарольд Клейтон Юри, которому предстояло экспериментально доказать верность части теории в 1900 году отметил семилетие, уже имея репутацию двоечника и хулигана. Почти все его время было занято выслушиванием нотаций и изобретением способов спасения от очередной порки.

Систематизатор абиогенетической теории, победоносный академик Джон Десмонд Бернал был только-только зачат, и соответственно, ужасно

занят прохождением этапов эмбриогенеза.

Рубеж столетий, по всей видимости, он встретил еще без глазок, при хвостике и жаберных щелях. Его жизненное и научное пространство было строго ограничено стенками матки, так что и он никак не мог повлиять на драматические события в ученом мире.

А вот профессор Мартин Герард Руттен, которому предстояло дать теории фундаментальные геологические доказательства, в 1900 году даже и зачат еще не был.

Впрочем, как минимум полтора десятка лет должно было пройти и до рождения Ф. Крика, Дж. Уотсона, А. Корнберга, М. Эйгена, М. Уилкинса, М. Кальвина, М. Перуца, Де Дюва — тех нобелевских лауреатов, чьи работы позволят окончательно отбросить старые определения «жизни».

Именно благодаря им стало возможно принципиально расширить это понятие, и признать, что любое межатомное взаимодействие уже является «жизнью», вне зависимости от того, что является его результатом — простые химические реакции или сложные организмы.

Alias, по тем или иным причинам вся эта великолепная компания никак не могла принять участия в сражениях меж знанием и метафизикой.

Тем временем, преимущество оставалось за мистиками.

Они превосходили естественников численностью и сплоченностью. На их стороне было общественное невежество, церковь, философия, психология, литература, искусство и... большая часть наук.

В частности — физика, биология и геология (по их состоянию на тот момент).

Разумеется, по мере открытия новых значений возраста планеты библейское представление о создании жизни окончательно рассыпалось в прах.

Но, (как мы помним) у креационистов, теологов и виталистов, оставалась в рукаве их метафизическая вечная карта — *некое* сверхъестественное вмешательство в историю планеты. Да, оно явно было не таким, как его описывает Библия, но где-то пред самым кембрием, оно, несомненно, осуществилось.

Это «некое вмешательство» был очень удобным аргументом. Оно было не опровергаемым, не проверяемым и недоказуемым. Оно не из чего не следовало и ни к чему не вело. Его невозможно было ни оспорить, ни сформулировать.

Над ним, конечно, можно было посмеиваться, его можно было отрицать, но никакого другого объяснения «молниеносной» смены полной безжизненности архея на кембрийское изобилие, кроме «вмешательства»,

тогда не было и казалось никогда и не появится.

Бог Пастера великолепно подходил на роль метафизического творца жизни.

Любопытно, что здесь (почти) повторилась традиционная религиозная схема «исполнения пророчества».

Явление именно такого бога, как оказалось, было предсказано. И не кем-нибудь, а самим Декартом.

У самого Картезиуса нет никакой краткой и внятной формулировки своего «пророчества», но вот Паскаль, тщательней прочих изучивший Декарта, сумел ее вывести: **«Я не могу простить Декарту следующего: во всей философии он охотно бы обошелся без бога, но не смог удержаться, чтобы не дать ему щелчка по носу, заставив привести машину мира в движение. И после этого он уже более никаких дел с богом не имел»** *Pascal. Pensees. Paris 1852, p. 41.*

Чуть позже бог, имеющий отдаленное сходство с «декартовско-пастеровским», явился еще раз, вынырнув уже из квантовой теории. Впрочем, и его век был не долг. Едкая интеллектуальная среда 30—60-х годов XX века растворила и этого бога.

Что мы имеем в виду?

Напомню.

Образ «кота Шредингера» «вылез» далеко за пределы физики, став модной словесной игрушкой.

Вместе с тем трудно представить себе что-нибудь более неудачное, чем этот «кот». Шредингер очень хотел создать образ взаимоотношений квантовой и «классической» реальностей, но именно это у него и не получилось.

Глубочайшая неверность предложенного Шредингером образа заставляет признаться Хокинга: «Когда я слышу про кота Шредингера, моя рука тянется за винтовкой».

И дело не в самом Эрвине Рудольфе Шредингере.

Его значимость и авторитетность вне всяких подозрений. Тем не менее, создать удовлетворительный словесный образ квантовой парадоксальности даже для него оказалось не по силам.

Почему?

Отчасти на этот вопрос отвечает другой творец новой физики, Ричард Фейнман. В своем труде «КЭД — странная теория света и вещества» он признает, что мы обречены «употреблять обычные слова в необычном значении».

Б. Бова пишет: «эволюция не подготовила нас в достаточной степени к

пониманию таких вещей, как квантовая физика, искривление пространственно-временного континуума, даже возраст Земли сложно воспринять, не говоря уже о возрасте вселенной... Метафоры помогают, но это не более, чем костыль и в большинстве случаев они лишь подчеркивают ограниченность нашего воображения».

Квантовик-биохимик А. Сент-Дьерди идет дальше Фейнмана и Бова. Он почти нащупывает суть вопроса, отмечая, что «по-видимому, в нашем теперешнем складе мышления отсутствует что-то очень важное, целое измерение, без которого нельзя найти подход к этим проблемам».

В чем же дело? О каком «целом измерении» говорит Сент-Дьерди?

Вероятно, у нас есть ответ на этот вопрос.

Дело в том, что попытка описать квантовые явления с помощью слов, терминов и образов подобна лепке из... ртути.

Невозможно маркировать тончайшие явления теми словами, которые годятся для сказок про «Красную шапочку», для поэм или прескрипций.

У нас, возможно, не плохой язык. Он худо-бедно обеспечивает межлюдские коммуникации и всякие милые глупости, вроде литературы. Но на большее он не способен.

Объяснить иной физический мир с его помощью также невозможно, как дать техническую характеристику «Боинга» используя при этом лишь мычание и хрюканье парантропов, или пересказать Илиаду, при помощи всего двух букв алфавита.

Те слова, что относительно пригодны для описания макромира — полностью обесмысливаются в квантовой реальности и перестают вообще что-либо обозначать. Приспосабливая наши архигрубые формулировки к сверхтонким и малопонятным явлениям, мы прочно запираем от себя смысл этих явлений и искажаем их суть.

Да, других слов и образов у нас нет.

Можно, конечно, хвататься за соломинку сложной терминологии, но как показывает опыт, выручить и она не способна.

Надо набраться мужества и признать, что человеческий язык удручающе беден и не развит. Предъявлять претензии нам не к кому — мы впустую потратили три тысячи лет, развлекаясь земными поклонами, поэмами и самовосхвалением.

Именно бедность и неразвитость языка в ближайшем будущем станет главной проблемой науки, которая будет существенно ограничивать ее развитие.

Почему?

Дело в том, что именно язык устанавливает границы понимания. То,

что не имеет никакого словесного обозначения — не имеет и места в мышлении.

(Это особенно обидно с учетом того, что квантовые теории, по всей вероятности, действительно способны дать сверхглубокое и сверхточные расшифровки почти всех явлений физического мира, кроме гравитации.)

Конечно, пытаться можно. Но нужно заранее подготовиться к тому, что большая часть смыслов погибнет и результат будет столь же нелеп как «кот Шредингера».

Давайте разберем это утверждение.

Шредингеровская «драма в ящике» подразумевает (в том числе) некий существенный контраст между «смертью» и «жизнью». На нем и выстроена метафора.

Увы, «жизнь» и «смерть» — это очень примитивные понятия, пригодные для поэмы, но равным счетом ничего не означающие в серьезных текстах.

Дело в том, что с точки зрения биологии, а тем более и химии и физики,дохлая кошкадохлой не является. Вернее, она никак не может считаться неким «безжизненным объектом».

Если мы попытаемся замерить биологическую и химическую активность в «дохлой» кошке, то мы увидим грандиозный парад жизни.

(Некроз, как известно, запускает весьма живописные биологические процессы).

В покойной кошке происходит образование и размножение миллиардов новых микроорганизмов и бактерий, свершаются метаморфозы ферментов, аминокислот, газов и элементов. Кошка наполняется удивительными трансмутациями вещества клеток. Подобно невидимому сверхмощному фейрверку по ее организму разлетаются захватившие власть: кадаверин, скатол, путресцин и стафилококки. Преобразовывается материя и весело атакуют друг друга новообразованные газы, кислоты и бактериальные колонии.

А на молекулярном и субмолекулярном уровне картина «дохлой кошки» еще любопытнее. Некоторая (ничтожно малая) часть молекул и атомов вовлекается в некротический карнавал изменений, но основная часть остается стабильной и невозмутимой. Такой же, как, (примерно), в кошке мурлычущей или подстерегающей мышшь.

Иными словами, мы с очень большой долей вероятности можем констатировать, что при наступлении «дохлости» на квантовом уровне вообще ничего не произошло. Начиная с уровня химических элементов и ниже, факт т. н. «смерти» воспринят с абсолютным безразличием или

попросту не «замечен».

Как видим, т. н. «смерть» ломает лишь биологическую индивидуальность конкретной кошки, но все составлявшие ее «микродетали», разумеется, живут, здравствуют и ждут новых трансмутаций.

(Вряд-ли им суждено когда-либо еще сложиться в кошку, быть может им предстоит стать тыквой, сигаретой или лысиной премьер-министра).

Драма отсутствует. Свершилась всего лишь еще одна метаморфоза живой материи. Таких метаморфоз ежесекундно происходит (по самым скромным подсчетам) квадриллионы.

Дело в том, что биологическая, а тем более химическая и физическая смерть есть абсолютно недостижимое состояние. По крайней мере, у нас нет ни малейшей возможности представить вероятность такого события.

И разумеется, нет никаких шансов его описать.

У нас есть лишь наше штатное «мычание» парантропов, которые с помощью нескольких звуков, жестикующий и драматического выпучивания глаз пытаются характеризовать работу коллайдера.

Шредингеровская попытка формулировать кванты с помощью этого «мычания» привела к грандиозной неразберихе.

Именно с легкой руки Эрвина Рудольфа в квантовую механику хдынули слова, словечки, образы и словесные трактовки. Помои человеческой речи затопили непостижимость квантового мира, все исказив, смешав и перепутав.

«Мычание» стало оглушительным и многоголосым.

В результате «кот» послужил закваской для шокирующего мифа о том, что квантовый объект «оживает» только в момент наблюдения за ним. Более того, «котовья» фантазия Шредингера позволила развиваться целой теории, позволившей трактовать некоторые факты весьма лестным для *hoto* образом. Возникла убежденность, что наблюдение, само по себе оказывает влияние и на состояние и на поведение квантового объекта.

«Человечество больше не находится в центре вселенной, все стало гораздо хуже, оно определяет природу этой реальности» (Поттер 2009)

Ставки *hoto* взлетели до небес. Из скромного животного, наделенного некоторой сообразительностью, он вновь превратился в важнейший фактор мироздания, способный влиять на квантовый мир, исказить или нормализовать его одним лишь взглядом и присутствием.

В. К. Гейзенберг пошел еще дальше Шредингера и заявил, что «у квантовых объектов нет истории до наблюдения».

Отпрепарируем эту важную реплику.

Она на 85 % состоит из интеллектуального опьянения, вполне объяснимого остротой, красотой и загадочными смыслами квантовых открытий XX века.

Но в 25 % заключена очень серьезная мысль о волшебном влиянии сознания человека. Если бы эта мысль была высказана теологом (что маловероятно), ее можно было бы игнорировать, как типовой мистический вздор.

Но это заявил (причем всерьез) Гейзенберг, что делает игнорацию невозможной.

Вероятно, нам не удалось бы «в лоб» справиться с данным утверждением Вернера Карла Гейзенберга, но, по счастью физика, за последние 50 лет обзавелась несколькими важными пониманиями, которые избавляют нас от необходимости самим вступить в полемику с этой великой тенью. За нас все сделало время и развитие науки.

Напомним.

«Кот» и ряд утверждений Гейзенберга, конечно, стали шоком для современников.

Но быстро наступило отрезвление.

Первым трезвящим фактором стало справедливое недоумение:

Каким же образом, без «руководящего и направляющего» наблюдения *hото* вселенная возникла, сформировалась и выстроилась? Как же она обходилась без него в течении, как минимум 14 миллиардов лет, когда человека не было и в помине?

Затем возник еще один коварный вопрос:

А почему столь влиятельное существо, как человек, к моменту открытия квантового мира оказалось столь неразвито, что оказалось не способным даже описать процессы, происходящие на субмолекулярном уровне?

Этот скепсис существенно понизил градус восторгов.

Затем постепенно пришло понимание, что понятие «маленькое» и «большое» существует лишь для человека, который по старой неолитической привычке норовит все сопоставить с личной размерностью и возможностями своей незатейливой рецепторики.

Для мироздания же нет ни «маленького», ни «большого». Есть равноправные и равнозначимые физические величины. Роль каждой из них одинаково существенна.

Более того, как мы знаем, существует всевластная симметрия.

Она, конечно, «мерцающая», но все же симметрия, что хорошо заметно на примере сильного ядерного взаимодействия, симметричности

молекул, кристаллов, организмов, а так же теории поля.

(Теорию суперсимметрии Бозе-Ферми о симметричной связке бозонов-фермионов мы не принимаем в расчет, как спорную)

Но если симметрия существует, то нет никакой логической возможности останавливаться на «мелкости» кванта.

Да, с точки зрения человека, эта частица невелика. Но она, несомненно, состоит из еще более мелких фрагментов. Те, в свою очередь, вновь тоже дробимы и делимы. И так до непредставимой бесконечности.

Поясню.

Ведь, если существует симметрия (пусть и мерцающая), а также такие «сверхкрупные» структуры, как галактики, то им должна быть противопоставлены и «сверхмелкие», по сравнению с которыми бозоны покажутся слонами.

Например:

В 2004 году была обнаружена гигантская пустота, имеющая в поперечнике около миллиарда световых лет. Она, несомненно, является обособленной космической структурой, о чем говорит ее температура (на 30–45 % холоднее остального космоса).

Понятно, до какой степени она, выражаясь нашим языком, непредставимо огромна. А по правилам симметрии ей должна быть противопоставлена и частица, «мелкость» которой для нас также невообразима, как и «крупность» вышеупомянутой «пустоты».

Для ее обозначения нет ни слов, ни понятий. А небольшие возможности языка устанавливают, увы, и весьма узкие границы понимания.

На этом простом примере мы видим, что кванты утратили статус «последней остановки» деления физической материи. Исходя даже из одного этого, возлагать на них ответственность за развитие вселенной, как минимум, некорректно.

Чуть позже возникло понятие «декогерентность». Без претензий на художественность оно попыталось обозначить отношения субатомных частиц, живущих вне нашей привычной логики с логичными и «законопослушными» объектами классической физики.

Этот скромный, несовершенный, но очень корректный термин окончательно похоронил и «кота», и образ homo — «повелителя квантов».

Зафиксировав «схлопывание» этой милой гипотезы, мы возвращаемся я в девятнадцатое столетие на поле первой грандиозной баталии меж естествознанием и метафизикой.

Парадоксально, но на метафизическую (креационистскую) идею

прямо или косвенно «работали» практически все крупнейшие открытия XIX века.

И в первую очередь — теория Дарвина.

Как мы помним, первая реакция на нее была весьма болезненной.

Знаменитый обморок леди Брюстер и драма бывшего капитана «Бигля» Р. Фицроя стали символами того искреннего ужаса, который пришлось пережить просвещенной публике при первом знакомстве с теорией эволюции.

Утонченную викторианку Брюстер, упавшую в обморок на известных дебатах в Оксфорде, конечно же, вернули к жизни. Но душевная рана, причиненная ей мыслью о ее родстве с животными, убила в леди (по выражению светской хроники) «все человеческое». Сперва она из любопытства отдалась индусу-носильщику, а затем перестала ездить в оперу.

Фицрой, хотя и чувствовал личную вину за «Происхождение видов», но на такие крайности, как Брюстер, был не был способен. Он просто покончил с собой.

Так (вкратце) выглядела общественная реакция.

Жречество того времени — епископы Уилберфорс, Меннинг, Уайзмен, а также аббат Амар и ученые священники Гладстон и Бергон решили принять бой и отстаивать достоинство человека, униженного теорией эволюции.

Для борьбы со «скотской философией» (т. е. теорией Дарвина) была основана целая «Академия», собравшая под свои знамена самых титулованных теологов и профессоров Англии, Германии и Франции.

«Наступило время, когда церковь должна решительно вступить на борьбу с движением, угрожающим уничтожить остатки христианской веры в Англии»

«Эти бесчестные учения находят себе единственную поддержку в наиболее отвратительных страстях. Их отец — гордость, их мать — непристойность, их отпрыски — революции. Из ада они приходят и в ад возвращаются, захватив с собой всех тех, кто не стыдится быть их провозвестником». (en. Уайзмен)

Профессор Людгардт (универс. Лейпцига) вынес вердикт — «Идея творения принадлежит религии и естествознанию здесь делать нечего.»

Трудно сказать, кто травил Дарвина с большим азартом: жрецы или ученый мир.

Напомним, что против эволюционной идеи поднялись такие titаны науки, как Лайель, Вирхов, Агассис, Оуэн, Джемс, Бозиццио, Седжвик, Бэр.

Шествие этих великанов, снисходительно топчущих дарвинизм, конечно же, сопровождалось и толпами научных гномов, требовавших «разоблачить проходимца, напялившего маску ученого». (Это они о Дарвине)

Подключилась пресса.

Газеты и журналы резюмировали мнение академического мира о теории эволюции: «Крайне необоснованная гипотеза», полная «неверных предпосылок, поверхностных исследований и путанных рассуждений».

Сам Дарвин в большинстве публикаций представлялся как «поверхностный и необразованный человек, обиженный на мир из-за своей болезни».

А затем случилось то, что и должно было случиться.

Первый испуг прошел и стало очевидно, что сам по себе дарвинизм никакой опасности для религиозной веры и устоев общества не представляет. Да, он отчасти противоречит буквальному пониманию Пятикнижия, но буквальной трактовкой можно и пожертвовать, как это сделали когда-то отцы церкви, признав *generatio spontanea*.

Сегодня мы видим итог: теория эволюция «захвачена неприятелем».

По ее скрижалям комфортно прогуливаются граждане в сутанах, фрейдисты, креационисты, оккультисты и т. д.

К ней благосклонен католический Ватикан, в специальной энциклике папы Пия XII "*Humani generis*" признавший ее возможную правоту.

(В 1996 году позиция католиков была вновь подтверждена папой Иоанном-Павлом).

Эволюцию снисходительно треплют по щечкам православные фундаменталисты, шаманы, раввины и экстрасенсы.

И для религий, и для метафизики в дарвинизме уже нет никакой проблемы.

Он проглочен, переварен и включен ими в их «обмен веществ».

Это случилось потому, что дарвиновская теория, вырванная из контекста «пяти теорий», абсолютно беззащитна и беспомощна.

Будучи всего лишь малым фрагментом грандиозной картины, «оставшись одна», теория легко может быть вмонтирована в любую, в том числе и метафизическую конструкцию.

Но это еще не все.

У теории эволюции есть и еще одно слабое место, делающее ее безвредной для «бога».

Как безусловная научная данность, она (мягко говоря) не льстит *homo*.

Но *homo* в ответ мстит ей за «покушение на прекрасный миф о своей исключительности» безразличием и глобальным недоверием к Дарвинизму.

Это автоматически означает отказ приема теории эволюции в круг т. н. «вечных культурных ценностей» человечества.

В результате Дарвинизм становится персональной игрушкой нескольких сотен биологов. Учитывая безответность этих «заплаканных очкариков», теорию у них периодически отбирают «поиграть» все, кому не лень.

В 2002 году *Scientific American* разродился блестящей и предельно честной статьей об эволюционизме — «15 ответов на вздор креационистов»: «Когда Чарльз Дарвин 143 года назад предложил теорию эволюции на основе естественного отбора, ученые той эпохи восприняли ее в штыки. Однако многочисленные палеонтологические свидетельства, достижения генетики, зоологии, молекулярной биологии и других наук в итоге подтвердили бесспорность эволюции. Эту битву эволюция выиграла везде, кроме общественного сознания.»

Самое удивительное, что она, приобретя всемирную славу, осталась совершенно неизвестной, отчасти повторив судьбу Теории Относительности. О факте ее существования, вроде бы знают все, но, что именно. Сбылись надежды епископа Уорчестерского, который, когда-то покрывался холодным потом на прениях меж Гексли и Уилберфорсом: «Будем надеяться, что это неправда. Но даже если это и правда, будем надеяться, что она не станет широко известной».

Бессилие дарвинизма, вырванного из контекста «пяти теорий» стало полностью очевидно только сейчас, но заметно было еще в эпоху первой великой битвы метафизики, культов и науки.

Да, Дарвин разворачивал четкую логику развития видов, но он не указывал «начальной точки» жизни. Ни первопричины развития, ни его кажущейся внезапности он объяснить не мог.

Своей силой и научной безупречностью его теория только усугубляла драматизм ситуации.

Доказательно и подробно живописуя многообразие и невероятную приспособительную силу организмов, их стремление существовать, теория растерянно умолкала в ответ на вопрос о причине полного отсутствия жизни в архее и о ее стремительном появлении в кембрии.

Сам Дарвин обескураженно писал: «Трудность подыскать какое-нибудь подходящее объяснение отсутствию мощных скоплений слоев, богатых ископаемыми, ниже кембрийской системы все-таки весьма велика... Этот факт нужно признать пока необъяснимым и на него можно справедливо указывать, как на сильное возражение против защищаемых здесь взглядов.»

Происшедшее (примерно) 500 млн. лет назад внезапное насыщение животными и растениями мертвого, до той поры, мира, действительно слишком уж походило на подчиненную чьей-то воле «смену декораций». На действие разумного замысла.

Б. Брайсон ехидно, но справедливо подметил, что книга Дарвина, озаглавленная «Происхождение видов», совершенно не в состоянии объяснить именно происхождение видов, т. е. того, как и откуда они произошли. (Bryson 2003)

Конечно, уже известное в конце XIX и начале XX в. изобилие ископаемых кембрия производило завораживающее впечатление.

Особенно сильным оно было в контрасте с зоологической и ботанической «пустотой» докембрийских отложений.

Тогда-то и родилось популярное выражение «кембрийский взрыв».

Отметим, что осколки и ударную волну этого «взрыва» целиком принял на себя именно рационализм.

«Взрыв», сметая и увеча его, вновь открывал дорогу самым изощренным мистическим и метафизическим фантазиям о «начале мира».

Лишь в семидесятые годы XX века уже пришедшая в себя от шока повеселевшая наука будет иронизировать устами Ван дер Влерка: «кембрийское изобилие останков свидетельствует не о взрыве жизни, а о моде на раковины и кутикулы.»

Само выражение «взрыв жизни» будет оценено, как недоразумение, и с академических высот М. Руттен провозгласит, что «взрыв жизни в начале кембрия — это всего лишь взрыв ископаемых. Просто именно в этот период некоторые группы животных приобрели способность выделять твердые раковины, которые сохраняются в ископаемом виде гораздо лучше, чем мягкие ткани животных» (М. Руттен *Происхождение жизни естественным путем* М.1973).

Но это произойдет, как мы уже отметили, значительно позже.

Очень не случайно весь боевой авангард материалистов, почти все его фундаментальные силы примыкали к лагерю «самозарожденцев», даже когда тот был окончательно раздавлен доводами Пастера и Шванна.

Наилучший пример — Э. Геккель. В своей *«Естественной истории миротворения»*, в части I (*Общее учение о развитии*) он пишет: «Отрицать спонтанное зарождение — это значит признать чудо, божественное творение жизни. Или жизнь зарождается самопроизвольно на основании тех или иных закономерностей, или она создана сверхъестественными силами.»

Любопытным образчиком материалистического отчаяния является и позиция Г. Бестиана, который «до самой своей смерти, последовавшей в 1915 году, упорствовал в своей вере в самопроизвольное зарождение». (Д. Кенъон, Г. Стейнман *Биохимическое предопределение* М.1972)

Кроме теории эволюции, на метафизическую идею «работали» и первые гистологические разработки.

Открытие свойств живой клетки сделанные Модем, Шлейденом, Пуркинье и Шванном разъяснили биологическую сложность этой микроскопической основы жизни. Стала очевидна абсолютная невозможность ее случайного появления среди раскаленных камней архея. Эта очевиднейшая вещь опять-таки неумолимо выводила к фактору «сверхъестественного вмешательства».

Метафизика торжествовала и праздновала победу.

Впрочем, опаленные и простреленные знамена рационализма все еще развевались.

Естественники не сдавали своих безнадежных позиций, ожидая «подкреплений», уповая на возможность научного познания «главной тайны мира». Их, как мог, утешал Клод Бернар, говоря, что: **«Но на самом деле тайна рождения (жизни) не более темна, чем все другие тайны жизни, но и не менее».**

Выглядели материалистические позиции весьма печально.

Вспомним их.

В самом начале XX века головы читающих дам кружила «космозоальная» версия (позже ее переимуют в «панспермию»).

Согласно ей, микророзродыши жизни были принесены на планету метеоритами из космоса. Публика эту гипотезу приняла очень

благосклонно.

Возможная инопланетность общего происхождения жизни подслащала горечь «обезьяньего фактора».

Впрочем, космозоа (панспермия), несмотря на ее поддержку Гельмгольцем, Томсоном и Вернадским, была, в принципе, недоказуемой и не проверяемой, т. е. находилась вне академической науки. Она была очень хороша лишь, как турник для интеллектуальной гимнастики.

Позже панспермийцы получают подарок в виде трех метеоритов.

Первым и самым мелким станет «Мерчисонский», взорвавшийся в 1969 году над австралийской деревушкой. Этот метеорит, как выяснилось, содержал в своем веществе 18 аминокислот, а также следы парафинов, фенолов, спиртов и углеводов. Из восемнадцати аминокислот «Мерчисона» как минимум пять были идентичны тем, что содержатся в белках.

Второй метеорит был значительно крупнее и мощнее «Мерчисона». Он был специально пристрелян по противникам гипотезы панспермии и всегда оставлял после своих попаданий многокилометровые дымящиеся воронки. Как вы, вероятно, уже поняли, речь идет об открывателе пространственной структуры ДНК, сэре Френсисе Крике. Тот вдруг проникся идеями панспермии и произвел несколько образцовых погромов в классической эволюционной биологии.

Третьим метеоритом стал астрофизик Фред Хойл, обладавший не меньшим, чем Крик, разрушительным потенциалом.

Впрочем, эти три явления (как мы уже отметили) произойдут позже.

Если мы продолжим осмотр прорванной и смятой линии фронта естественников, то увидим, что Гаад (1878), Квинке (1888) и Траубе (1866) пытались лабораторным способом воспроизвести простейшие организмы и протоплазму. Аллен (1899) и Пфлюгер (1875) (один за другим) делали попытки «лобового» синтеза белка на основе сверхактивных цианистых соединений.

В другом «окопе» героичный Вильгельм Оствальд, а также Шарф, Шульце, Раубер, Пржибрам и Леман искали ключ от тайны жизнезарождения в уподоблении кристаллов и организмов.

Все эти попытки не были успешными. Растерянность материалистов усугублялась: «Но, может быть, то, что невозможно в лаборатории, совершается все же в природе? Может быть, где-нибудь на земле безжизненный материал все-таки превращается в живые существа?» (*Итоги науки в теории и практике* Т5. 1912)

Отметим, что настоящее хладнокровие в естественническом лагере сохранял лишь Томас Генри Гексли.

Пожалуй, он единственный не «кланялся» телеологическим и креационистским «пулям», не паниковал, а «насвистывая гулял по гребню окопа», вдохновляя своим мужеством рационалистов.

Гексли замечательно трезво оценил кембрийские организмы, которые практически весь ученый мир считал «первыми» на земле: «Принимая во внимание организацию этих моллюсков и ракообразных и их очень сложное строение, мне кажется, требуется немалая доля воображения, чтобы увидеть в них первые создания живого мира... Я думаю, нет никакой возможности допустить справедливость предположения, что эти формы именно и представляют зачатки органической жизни...»

Отметим, что сейчас мы говорим именно о жизнезарождении, не касаясь вопросов возникновения «разума и мышления», а тем более интеллекта человека.

Эта тема, тоже, всегда была (и есть) козырем метафизики, не менее мощным, чем происхождение первой клетки.

Ни конвергенцией, ни отбором, ни какими либо иными механизмами эволюции было невозможно объяснить, почему существо, в течении сотен тысяч лет не дотягивавшее даже до уровня нормального слабоумия, внезапно обзавелось выдающимися (по меркам животного мира) интеллектуальными способностями.

По сути, появление интеллекта было еще одним «взрывом», тогда не имевшим никакого объяснения, кроме метафизического.

Происшедшие несколько тысяч лет назад изобретения колеса, построек, некоторых механизмов, земледелия, а также радикальное упорядочение общественных отношений в *стаях homo* было названо «неолитической революцией» и «одной из величайших тайн в развитии человечества». (Чайлд, «Человек создает себя» 1936)

Как мы помним, в свое время Дарвин крайне неосмотрительно написал: «Моя цель — показать, что между человеком и высшими животными нет принципиального отличия в умственных возможностях» и «различие в умственных способностях между человеком и высшими животными, как бы оно не было велико, конечно, количественное, а не качественное».

Эти роковые фразы послужили приглашением «на огонек» для орд психологов, виталистов и других любителей высоких материй. Они приняли его, ввалились в эволюционную теорию и с удовольствием устроили в ней образцово-показательный погром, уже не стесняясь в выражениях и глумясь над всем, что попадалось им под руку.

«Печать бессмысленности и абсурда, напечатленная на челе

мироздания... Никакая форма грубейшего материализма не опускалась до такого низменного мирозерцания...» «Если это так, то у человечества есть только один выход — умереть от тошноты и омерзения к самому себе». (Н. Я. Данилевский *Дарвинизм. Критическое исследование* т1.СПБ 1885)

Были и еще более живописные высказывания, но, во имя соблюдения академического стиля нашего исследования, мы их все же опустим.

Дарвин печалился: «Тяжело быть ненавидимым в такой степени, как ненавидят меня».

Надо сказать, что Дарвин за свои размышления об уме человека тогда получил по заслугам, так как перешел «рубикон» безоружным.

Никакими серьезными аргументами свои сенсационные утверждения он подкрепить не мог.

Дело в том, что их еще не существовало.

Это была как раз та ситуация, когда идея уже родилась, а ее доказательства (в виде ТУР) на свет еще не появились.

Напомню, что такая ситуация не редкость в науке. Джеймс Дальтон в свое время высказался о особенностях атомов, но подтверждение его мыслей стало возможно лишь через сто лет. Гюйгенс в XVII веке разгадал волновую природу света, но предоставить убедительных доказательств не смог.

Конечно, похожие репризы по теме мозга и мышления позволяли себе еще в XVIII веке Ламметри и Гольбах.

Кстати, почти безнаказанно.

Но, в отличии от Дарвина, у них, как у публицистов, была «лицензия на хулиганство», да и говорили от имени философии, а не академической науки.

Следует вспомнить и грозную репутацию этой парочки.

Прелаты и профессора, зная, что перья «двух негодяев» смертоносны и мгновенно превращают оппонентов в посмешища, аккуратно объявили натурфилософов «безумцами», и все стихло.

С Дарвиным все было иначе: одно дело — усонogie раки, вьюрки и «другие ракушки», другое — покушение на святая святых человеческого достоинства с позиций глубинного естествознания. Дарвина шельмовали долго и беспощадно.

Проклятия церкви, которые пришлось выслушать сэру Чарльзу, кстати, были значительно мягче и тактичнее, чем череда истеричных приговоров, вынесенных Дарвину научным сообществом.

Климент Аркадьевич Тимирязев сочно живописал реакцию ученых

современников Дарвина на его теорию, как «смесь бесцеремонных обвинений в шарлатанстве, безграмотности, скудоумии с насмешками, глумлением и проклятиями».

Физиология мозга, которой предстояло расставить часть точек над *i* в вопросе происхождения мышления, еще не вступила в бой.

В середине XIX века И. М. Сеченов, Бюхнер, Фогт, Малешотт ошарашили публику жесткой материалистической атакой на «вечные ценности», после чего физиология взяла паузу, с невинным видом изучая локализацию функций в спинном и головном мозге, да законы нервной проводимости.

Впрочем, над ее шеренгами уже слышен был лязг примыкаемых штыков: Сантьяго Рамон Кахаль уже создал нейронную теорию, Шеррингтон обозначил безусловное и тотальное главенство нервной системы в любом организме, Хьюлинг Джексон развил великую идею Чарльза Белла, гласящую, что интегрирующей структурой мозга является его древнейшая часть.

Это были блестящие открытия. Каждое из них аккумулировало в себе накопленные физиологией доказательства материальной природы мышления и целиком на них базировалось.

Эти открытия поражали великолепием, но пока не «монтировались» в единую систему.

Физиология ждала своего часа, парадигмы и вождя.

Шеррингтон, на которого возлагалось столько надежд, еще не «пал», но уже начал ощутимый дрейф в сторону мистики, Кахаль демонстративно занял уютное местечко «рядом с битвой», а идеям Джексона, чтобы материализоваться в интеллектуальные молнии, нужен был дерзкий мыслитель — клиницист и гораздо более материалистически электризованное «поле» (т. е. на тот момент, «до Пенфилда» они были еще бессильны).

Как раз в это время Иван Петрович уже разобрался с физиологией пищеварения, за что и получил Нобелевскую премию.

Триумф окончательно убедил Павлова во всемогуществе экспериментального метода и в том, что с его помощью можно открыть и объяснить любую «загадку» человека.

Как вы помните, почти сразу решил Павлов и вопрос о «душе», насмешливо предложив ее «взять в руки»: «Конечно, нужно понять это таким образом, что Кёлер заядлый анимист, он никак не может помириться, что эту душу можно взять в руки, взять в лабораторию, на собачках разъяснить законы ее деятельности». (И. П. Павлов *Избранные*

произведения стр. 490)

Разумеется, Павлов был не первым экспериментатором в истории, но именно он обладал страстью, твердостью и возможностью проводить многолетние системные опыты *in vivo*.

Более того, он обладал невероятным научным хладнокровием и умел «не замечать» т. н. «этические проблемы», лишь иногда буднично упоминая, что в его лаборатории «израсходованы многие десятки собак».

То, насколько универсальна «отмычка» эксперимента, было известно давно, но Иван Петрович создал настоящий культ опыта и возвел его в абсолют.

Более того, руководствуясь тончайшим «научным слухом» он умел соблюдать поступательность своих вивисекций, никогда не забегая вперед и не «перепрыгивая» через этапы, которые было необходимо пройти.

Он хорошо усвоил свой «нобелевский урок» и понял, как именно следует задавать объекту исследований нужные «вопросы», как вслушиваться в те «ответы», которые объект передает через «собачек» и как и когда надо сделать следующий ход.

При соблюдении всех этих условий верный ответ на самый сложный вопрос физиологии был практически неизбежен.

Существенную роль сыграло и умение Павлова воздерживаться от любых проявлений «артистизма в науке» и гениальничанья.

Конечно, и он порой ошибался. Но лишь когда давал себя увлечь или увлекался сам.

Это бывало, но редко.

В основном он был строг и сверхъестественно внимателен, развивая в себе, по его выражению, «ясновидение действительности».

Он упрямо резал, зашивал, наблюдал, снова резал и ставил фистулы, отведя себе роль наблюдателя, всегда подчиненного авторитету эксперимента.

Ошеломляющее открытие (части) принципов пищеварения утвердило Павлова в уверенности, что «ключиком» системного эксперимента с такой же легкостью, как желудок, можно «открыть» и мозг.

Более того, завещанная Ламетри, Гольбахом, а так же и Клодом Бернардом мысль о том, что «великая тайна» мышления должна иметь простую физиологическую разгадку, начала получать подтверждение с самых первых, еще робких экспериментов.

Почему Павлов стал «Павловым»?

Что отличало его от десятков других блестящих физиологов? От Введенского, Вирхова, Фритча, Гитцига, Циона? От того же Геденгайна, в

лаборатории которого Иван Петрович заслужил прозвище «русская канарейка» (за невероятный желтый цвет своего костюма)?

Полагаю, что Ивана Перовича уместно (метафорически) сравнить с летучей мышью *desmodontidae*.

Напомню, что десмодонтида, благодаря инфракрасным рецепторам отлично видит под толщей кожи крупные кровеносные сосуды и впивается в них безошибочно, с первого же укуса получая доступ к крови.

Примерно такое же свойство было и у Ивана Павлова. В любом живом организме он видел, прежде всего, экспериментальный материал. Его взгляд, благодаря этому строго физиологическому мышлению, легко проникал сквозь коросты мифов и предубеждений о жизни. Он знал, где и с какой силой надо «укусить», чтобы попасть точно в загадку физиологической функции организма.

Конечно, для такого «ясновидения» требуются огромные знания и экспериментаторские возможности.

Впрочем, одного этого мало.

Как мы уже говорили, надо неукоснительно соблюдать «субординацию».

Согласно ей, главная роль всегда принадлежит результату опыта.

У самого исследователя роль подчиненная. Его дело — слушаться эксперимента, подчиняться эксперименту и никогда не приносить в трактовку эксперимента ничего личного. Никаких «взглядов», никаких убеждений. Чем «послушнее» он будет, тем внушительнее будет и финальный результат.

Но даже и этого недостаточно.

Для исключительного успеха в физиологической науке требуется и исключительно «холодное око».

Что мы имеем в виду, вводя этот странный термин?

Прежде всего, мы говорим о полной, безграничной свободе от всего массива человеческой мифологии, культуры и веры.

Поясню.

Исследователь должен быть свободен от ощущения, что где-то за мысленным горизонтом знания скрывается «надмирный, сверхъестественный фактор».

Ведь если внефизический, сверхъестественный фактор существует, то вычерчивание объективной картины работы ЦНС — пустая трата времени.

Почему?

Потому, что по самой своей природе этот «фактор» должен иметь возможность воздействовать на все в мироздании. В том числе на сознание

и мышление человека.

Но в таком случае условные и безусловные рефлексy превращаются в побрякушки, которыми «кто-то» может начать жонглировать по своему капризу. Добавим, что этот «кто-то» неизвестен, а цели его неведомы.

Признание внефизической основы мира превращает работу мозга в простое биологическое обслуживание принципиально непостижимого процесса. А ученому остается жалкая роль путевого обходчика, обреченного следить за функционированием системы, у которой есть загадочный, всесильный хозяин.

Отметим еще раз, что убежденность в наличии такого «хозяина» является фундаментом всей культуры homo.

Как мы уже знаем, у «хозяина» множество имен, лиц и нарядов. Каждая религия наряжает и причесывает его по моде своей эпохи.

А вот метафизика оставляет его безымянным и совершенно голым.

Впрочем, эта нагота не предполагает наличия животика или пениса. Вселенская плоть «хозяина» сделана из созвездий, туманностей и арий.

В таком виде он не только выигрывает в изяществе, но и легче интегрируется в культуру любого века. Исчезает необходимость снабжать его пейзажами Христа или перьями Кельцаткоатля.

Нравится нам это или нет, но определить, где заканчивается метафизика и начинается культура, категорически невозможно.

По сути, метафизика и культура — это две стороны одной монеты. Они неразделимы. Принимающий догматы культуры через них вольно или невольно принимает и загадочного «хозяина».

В обывательском представлении именно этот хозяин — подлинный автор симфоний и поэм. И только он делает одного Моцартом, а другого оставляет безвестным «клавишником».

Он автор (или по крайней мере, соавтор) всего того, что номинируется, как «гениальность».

Именно через это понятие человек подпитывается верой в наличие некой внефизической силы, управляющей миром. Наличие Баха или Байрона, их необыкновенная, с точки зрения homo «одаренность» становится доказательством «бога» более могущественным и убедительным, чем любые сочинения Августина или тексты евангелий.

Ведь если есть необъясняемые наукой явления, а к таким относится «гениальность», то возникают весьма и весьма обоснованные сомнения в точности научной картины мира.

Руками Наполеона или Да Винчи бог вцепляется мертвой хваткой в одеяло мироздания и тянет его на себя.

Атеисты страшатся этой темы и обходят ее так же аккуратно, как «нейротеологи» теорию условных рефлексов.

Конечно, можно и дальше делать вид, что такой проблемы не существует или «забывать» о ней, чтобы она не мешала вычерчивать красивые материалистические теории.

Но в любой самой стройной теории любой Бетховен легко протыкает дыру своим «гениальным» пальцем.

Очень важно понимать, что культура и наука не просто некие разновекторные явления.

Нет.

Они обречены вечно враждовать, нанося друг другу увечья.

Культура утверждает величие, непостижимость и уникальность человека.

А наука доказывает его ничтожность, изучаемость и банальность. (Чаще всего это происходит невольно, но все же происходит).

Конфликт здесь неизбежен, так как реалистическая картина не имеет ничего общего с лестным мифом, который крепко укоренен через культуру.

Основная проблема заключается в том, что культуре бог необходим. Культура — это главный бастион бога. (Он неприступен, в отличие от церкви, которую несколькими поколениями вольнодумцев удалось превратить в мумию.)

Идти в лобовую атаку на этот бастион бессмысленно. (Такие попытки уже предпринимались, но всегда выглядели очень забавно.)

Именно через культуру метафизическая идея становится сверхвлиятельной и подчиняет себе любое мировоззрение.

(Отметим, что при этом аннулируются примитивные признаки богопочитания в виде поцелуев рук жрецам или тому подобных нелепостей. Исчезает необходимость в поиске вульгарных чудес.)

Главным «чудом» мира становится «гениальность» и тесно связанная с ней уникальность личности, которую каждый homo обязательно распространяет и на свою персону.

А не имеющее никакого рационального объяснения неравенство «по одаренности» ломает любые физиологические выкладки Бюхнера — Малешотта — Фогта-Бернара-Павлова.

Поэты, живописцы, композиторы становятся архангелами метафизического начала. Огненные мечи их поэм и симфоний кажущейся необъяснимостью своего происхождения легко рубят «в лапшу» любого естественника.

Уберите бога и вы обрушите сразу всю убежденность человека в своей

исключительности.

Уберите исключительность «личности» и вы сможете легко обрушить бога.

Дело даже не в том, что бедняжка *homo* осиротеет.

Его наследственная деменция, которую так удобно маскировать «верой», сразу лишится всех покровов, а культура отчасти девальвируется.

Симфонии превратятся в то, что они есть на самом деле.

Т.е. в структурированные многовековым путем проб и ошибок наборы звуковых раздражителей, сила воздействия которых объясняется простым умением подобрать ту последовательность и высоту звуков, которая воздействует на слуховые рецепторы и рефлекторные цепи наиболее сильно и ярко.

Открытый бой с культурой смертелен для науки.

Следует помнить, что культура пришла первой, «обжила пространство жизни человека» и уже давно установила свои законы. Через дикие традиции и нелепые вымыслы именно она управляет поведением и мыслями миллиардов *homo*. Это мощный и всевластный враг всякого точного знания.

Культура не прощает посягательств на свои догматы. Она злопамятна и мстительна. (Вспомним печальную судьбу теории эволюции, которую человечество так и не приняло.)

Так же следует помнить, что везде расставлены ее сторожевые вышки, всюду снуют ее соглядатаи и маршируют солдаты.

Разумеется, это делает научные диверсии еще соблазнительнее, но совершать их надо со всей возможной аккуратностью. И непременно соблюдать маскировку.

Про проигрышность любого открытого конфликта очень деликатно и туманно, но по сути верно написал Шредингер: «...наука, представители которой внушают друг другу идеи на языке, в лучшем случае понятном лишь малой группе близких попутчиков, такая наука непременно оторвется от человеческой культуры. В перспективе она обречена на бессилие и паралич, сколько бы ни продолжался и как бы упрямо не поддерживался этот стиль для избранных, в пределах этих, изолированных групп, специалистов». (*Избранные труды по квантовой механике 1976*)

Какой вывод должны сделать мы из всего вышесказанного?

Только один: физиолог должен воспитать в себе умное презрение к культуре, снисходительное понимание ее декоративности, а также ее условности и ложности.

Это не трудно. Для этого надо всего лишь изучить и понимать механизм, с помощью которого человек научился создавать различные продукты сложной нервной деятельности. А это всего лишь цепочки

условных рефлексов, которые каждая культура вяжет по-своему.

В культуру можно «играть», но ее никогда не следует принимать всерьез. А авторитет ее создателей, т. е. тысяч писателей, поэтов, живописцев, музыканов и философов должен быть доброжелательно, но твердо отброшен, как нечто совершенно несущественное и не имеющее к знанию никакого отношения.

Это очень нелегко, но (судя по всему) Павлов оказался способным и на это.

Прекрасный пример — его отношение к монументальнейшему идолу мировой философии, к Георгу Фридриху Вильгельму Гегелю.

Как мы знаем и видим, вокруг тени Гегеля до сих пор принято ходить только на цыпочках, поминутно отвешивая ей поясные поклоны. Почтение к Гегелю — это не обсуждаемый минимум. Даже мимолетные, даже самые корректные сомнения в его величии недопустимы.

А вот Иван Петрович, ознакомившись с некоторыми трудами Георга Фридриха Вильгельма, выразил твердую убежденность в том, что «Гегель — умственно неполноценный человек».

«Трудно себе представить, говорил он, чтобы человек с нормальным рассудком мог утверждать, что идея, дух является первичным, изначальным, а материя — вторичным, производным. Более того, Павлов заявил о готовности аргументировать правильность своих предположений и попросил для этих целей достать ему подробное жизнеописание Гегеля.»

Судя по воспоминаниям академика Э. А. Асратяна, И. Павлов даже выразил желание ознакомиться с биографией философа, чтобы понять, «на каком этапе жизни и в результате какого несчастного случая» произошли, по его мнению, «трагические изменения рассудка» философа.

«Чтобы удовлетворить его желание я принес ему из дома свой экземпляр книги Куно Фишера о Гегеле. Через несколько дней он сказал, что это не та книга, которая ему нужна. «В ней описана не жизнь Гегеля со всеми характерными особенностями его личности, а возникновение, развитие и сущность его сумасбродных мыслей и идей». (Асратян Э. А. «Страницы воспоминаний об И. П. Павлове», в сб. И. П. Павлов в воспоминаниях современников Лд 1967, по подлиннику Арх. АН СССР, ф.259, оп.7, № 108)

Раздражение И. П. Павлова легко понять, в сочинениях Гегеля он прежде всего увидел выводы, базирующиеся на крайне примитивных представлениях об обсуждаемом вопросе.

Павлову было сложно понять, как может взрослый вменяемый человек, вторгшись в область одной из самых сложных наук и не имея об

этой науке никаких самостоятельных представлений, столь напыщенно и категорично предлагать решение ее основного вопроса.

Как мы помним, щелчки по носам философов — это давняя традиция физиологии.

Сумрачный Клод Бернар писал: «Экспериментальная физиология не имеет надобности обращаться к какой бы то ни было философской системе... Открытия делаются без помощи философии. И теории создаются тоже без нее... В настоящее время физиология стала точной наукой. Она должна освободиться от философских и теологических теорий, которые так долго примешивались к ней... мы наблюдатели фактов без всякой предвзятой систематической идеи».

Тот же Бернар в своей записной книжке называл Канта, Гегеля и Шеллинга «пустышками». (Claude Bernard. Philosophie.1937)

Чуть позже высказался и исследователь физиологии вселенной: «Я убежден, что философы оказали пагубное влияние на развитие научной мысли, перенеся некоторые фундаментальные понятия из области опыта, где они находились под нашим контролем в эмпирии априорности... Философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и тонкой интуицией».

На XIV Мадридском конгрессе прозвучала первая речь Павлова о принципах высшей нервной деятельности.

«Мадридская речь И. П. Павлова в этом смысле представляет собой образец прямолинейности и смелости великого ученого. Он не побоялся смело отказаться от бесполезной апелляции к психическому, которая на протяжении многих лет не дала заметного сдвига в изучении механизмов нервной деятельности.» (Анохин П. К. 1949)

Эта речь была всего лишь прологом, первым приближением к теории условных рефлексов, но и по ней было ясно, что в лице Павлова, метафизике придется иметь дело с ласковым, но безжалостным и могучим врагом.

Именно в Мадридской речи уже заметно, что Павлов понимает необходимость очищения науки о мозге от загрязнений, привнесенных в нее психологией и философией.

Примерно в это же время Павлов принимает и ряд жестких организационных решений. Он расстается с теми учениками, «что стояли на позициях толкования умственной работы с позиций психологии». (имеются в виду А. Т. Снарский и доктор Толочинов И. Ф.)

Впрочем, Павлову требовалось время.

И немало.

Для того, чтобы теория условных рефлексов оформилась, доказалась и нанесла бы свой удар по основным принципам метафизики, требовалось еще не менее десяти лет.

Отметим, что для развертывания широкой естественнонаучной трактовки мышления, ситуация была чрезвычайно не благоприятной.

Помимо триумфа спиритизма и оккультизма, Европа переживала второе пришествие гегелевской мистики.

Нашедший в ней ответы на свои вопросы, тогдашний бог физиологии Чарльз Скотт Шеррингтон холодно заметил Павлову: «Ваши условные рефлексы в Англии едва ли будут иметь успех, потому что они пахнут материализмом».

В конце XIX столетия Зигмунд (Сигизмунд Шломо) Фрейд уже начал формулировать свое чисто фантазийное, но чрезвычайно влиятельное учение. Его сила была (прежде всего) в блеске литературной подачи и в чрезвычайной лестности фрейдизма для человечества.

С точки зрения рынка парамедицинских услуг данная теория была безупречной.

(Как мы видим, в обывательском фольклоре фрейдистская терминология и сегодня занимает весьма почетное место.)

Фрейдизм — это было именно то, в чем нуждалась мыслящая Европа уставшая от унижения материалистами всех ценностей человечества.

От Фрейда люди не без удовольствия узнали, что их мышление имеет в своей основе тайные порочные механизмы, что управляется оно неким всемогущим «подсознанием», а также «силами бессознательного». Еще одним приятным открытием было то, что все эти загадочные процессы поддаются регулировке с помощью т. н. «психоанализа».

Конечно, теперь трудно понять кто был в большей степени автором идей «подсознания, бессознательного и психоанализа» — сам Фрейд или тот (в общей сложности) центнер кокаина, который, начиная с 1883 года, доктор Сигизмунд Шломо проглотил, инъектировал, втер во все свои слизистые, употребил назально, клизмально и даже в виде глазных капель.

Человека, знакомого с основами физиологии мозга заподозрить в изобретении таких фантазий, как «подсознание» чрезвычайно сложно. А Фрейд не просто знал физиологию, а знал хорошо. И до своего кокаинового периода написал несколько недурных статей, в том числе и для медицинской энциклопедии Нотнагеля. Так что, скорее всего, подлинным творцом фрейдизма является все-таки не сам доктор, а C17 H21 NO4.

(Впрочем, кокаин, в силу известных причин, не смог заявить о своем авторстве и все лавры достались исключительно Зигмунду Фрейду.)

Кстати, судя по всему, именно кокаиновое опьянение помешало Фрейду заметить то существенное медицинское открытие, которое он случайно сделал в 1884 году. Испытывая на себе кокаин, присланный ему для исследований фабрикой Мерка в Дармштадте, он опробовал его сильный настой на роговицах собственных глаз и обнаружил способность *sosaium* парализовывать рецепторы, в том числе и болевые.

Чуть позже открытие было присвоено Карлом Коллером, который именно на основании невнятной статьи Фрейда в «*Heitlersche Zentralblatt fur Therapie*», описавшего свои ощущения, ввел в оперативную офтальмологию способ кокаиновой анестезии роговицы, и тем самым начал «новую эру» глазной медицины.

Фрейда эта ситуация привела в долговременное бешенство и (по всей вероятности) сдетонировала его полный разрыв с физиологией и медициной. Впрочем, он никогда не забывал про завораживающую силу научной терминологии и продолжал ею жонглировать.

Более того, хорошо понимая коммерческий вес ученых регалий, доктор Сигизмунд Шломо одиннадцать раз безуспешно номинировался на Нобелевскую премию.

По существу же все его учение (как по его собственному признанию Фрейда, так и по факту) никакой связи с имеющимися у него научными познаниями не имело. Более того, он неоднократно упоминал, что «лучших своих учеников он нашел среди не-медиков» (Ф. Виттельс «Фрейд его личность, учение и школа» 1925)

Нобелевский лауреат Питер Медавар характеризовал фрейдизм, как «грандиозное мошенничество XX века». Но Медавар, ослепленный академической безгливостью, по всей вероятности, все же ошибся.

Ничего грандиозного в учении Фрейда нет.

К сожалению, в нем вообще ничего достойного упоминания нет.

Но нельзя считать фрейдизм и просто пустым местом. Он навсегда останется примером того, насколько паранаучная фантазия может быть для публики соблазнительнее и реальной науки.

Фрейд долго вызывал справедливое раздражение биологов, физиологов и неврологов, пока время не спустило его из науки «тремя этажами ниже» в разные массово-развлекательные жанры, вроде эзотерики и психологии.

Помимо фрейдизма, спиритизма, гелельянства, эзотерики и вульгарного христианства (которое не до конца еще утратило влияние) на интеллектуальный рынок Европы просочились и все виды восточных мистик.

Все это вместе, вкупе с метафизикой образовывало весьма неблагоприятный фон. Конечно, он не мог прямо влиять на результаты научных исследований, но он создавал лишние сложности.

(Можно (и нужно) презирать общество, но не следует забывать о финансовой зависимости науки от его прихотей и увлечений.)

Кровавая революция 17-го года в России оказалась очень кстати.

Принявшись (как и все революции) мастерить «нового человека», она прочно изолировала Россию от всех забав Европы. Все мистические тенденции постепенно утратили на ее территории право голоса.

Более того, революция (понимая, что с метафизикой ей в одиночку не справиться) заключила союз с ее главным врагом — академической наукой. СССР щедро и последовательно ее финансировал, позволив Павлову не обращать никакого внимания на ветреность общества.

Вне зависимости от субъективных оценок большевизма надо признать его безусловно положительную роль в создании должных условий для Павловской физиологической школы и огромного количества проводимых ею экспериментов, а через это и на развитие принципиально важных, глобальных параметров точного знания. У Павлова, несомненно, была исключительная свобода научного поиска, обеспеченная ему условиями революционной среды.

(Мы опять видим, что не самые эстетичные события очень благотворно влияют на ход истории науки. Об эксперименте Фритча-Гитцига мы уже говорили, но таких примеров в истории множество. Вспомним английскую чуму 1665 года. Да, ее жертвой стали несколько миллионов человек. Но она же загнала Ньютона в «Линкольнширское отшельничество», где он, полностью изолировавшись от мира, наконец нашел время исследовать дисперсию света и начать свой основной труд «Математические начала натуральной философии»).

Но списать со счетов взаимозависимость двух крепко увязанных меж собой вопросов происхождения мышления и общее происхождение жизни поначалу не мог и Павлов. Для успеха ему тоже нужна была относительная определенность в вопросе происхождения жизни.

Теория условных рефлексов — это пусть и сверхмощный, но все же «контрольный выстрел». Она очень хороша для добывания иллюзий, но категорически не пригодна для того, чтобы по темным углам мироздания души мистические химеры.

Для того, чтобы удар ею был эффективен, противник должен быть измучен, обескровлен и желательно крепко связан.

Иными словами, поверженную метафизику кто-то должен был бросить

на колени перед Иван Петровичем.

Павлов понимал, что в противостоянии с глобальным «внефизическим фактором» решается судьба не только физиологии, физики, астрономии и биологии, но и всех наук вообще.

Но пока он мог только наблюдать за схваткой.

«Нельзя закрывать глаза на то, что прикосновение истинного, последовательного естествознания к последней грани жизни не обойдется без крупных недоразумений и противодействия со стороны тех, которые издавна и привычно эту область явлений природы обсуждали с другой точки зрения и только эту точку зрения признавали единственно-законной в данном случае». (И. П. Павлов.)

Конечно, мы без труда могли бы реконструировать состояние темы в павловскую эпоху, но мы получим лишь музейный экспонат, сегодня совершенно не актуальный.

Ивану Петровичу, впрочем, хватило и тех представлений, которые можно было суммировать в 10–20 годы XX века. Они были еще очень скромны, но для него достаточны. Не имея полной ясности, руководствуясь только уверенностью в том, что мир неопровержимо материален, он решился начать свое дело.

И надо сказать,

Даже в весьма робком наборе фактов и гипотез Павлов сумел разглядеть все, что ему было надо: «перед нами грандиозный факт развития природы от первоначального состояния в виде туманностей в бесконечном пространстве, до человеческого существа на нашей планете, в виде, грубо говоря, фаз: солнечные системы, планетная система, мертвая и живая части земной природы». (*«Двадцатилетний опыт»*)

Впрочем, не все обладают экспериментальным опытом Ивана Петровича, позволявшим в капле собачьей слюны видеть подтверждение естественных основ мироздания.

Примерно в то же время, т. е. в начале XX века появилась и первая возможность «пощупать» метафизическую идею.

Своей собственной «плоти», никакого осязаемого содержания у нее не обнаружилось. (Как собственно, и декларировали жрецы племени Сенуфо, а также Гегель — Паскаль — Хайдеггер.)

Она оказалась практически целиком сделана из незнания, непостижимости и изощенного романтизма. Т. е. из основных строительных материалов всей остальной культуры homo.

Но!

Все эти компоненты были на удивление крепким строительным

материалом. Они были неуязвимы для любой логики и неподвластны эмпирике.

Все эти компоненты оказались на удивление крепким строительным материалом, неуязвимым для всякой логики и неподвластным любой эмпирике.

Мы помним, что попытки естественников загрызть метафизическую идею в честном бою лишь усеивали дискуссионное пространство обломками академических зубов.

Начало двадцатого столетия добавило таких обломков.

Почему это случилось?

Дело в том, что метафизическая идея быстро адаптировалась к новой реальности. Она научилась любые промахи и нестыковки науки трактовать в свою пользу. Это без сомнения, было спекулятивным, но очень мощным приемом. Как видим, прием работает, и по сей день.

Его механизм прост: любая пометка или недоработка естествознания тут же объявляется доказательством наличия некоего «сверхъестественного начала» мира, все, что еще не получило своего простого объяснения всегда трактуется в пользу метафизики. Тут годится и путаница с рисунками эмбрионов Геккеля, поддельность питлдаунского черепа, отсутствие «переходных форм», неразгаданность роли ферментов в образовании ДНК или некоторые квантовые неясности.

Неизбежность ошибок в деле накопления и очищения точных знаний — очевидное и естественное дело. Но метафизика научилась присасываться к ошибкам науки и трактовать каждую из них, как свою личную победу.

Согласно такой логике, любая заминка выступающего на арене атлета должна добавлять очков злобствующему калеке на двадцать пятом ряду трибун, который и в соревнованиях-то не участвует.

Ситуация, конечно, забавная. Но, строго говоря, все это характеризует не саму метафизику, а лишь метафизиков.

А их можно понять. Для спасения своей идеи они идут на все. Их наивная хитрость с перелицовкой оплошностей науки в доказательства бытия божьего, по-своему, даже очаровательна.

Правда, опять нет никакой уверенности, что на эти ухищрения их уполномочил непосредственно сам «демиург». Лицензию, подписанную божеством, дающую право говорить от его имени, нам никто еще из них не показал.

Мы помним, что в первой трети XIX века какой-то поэт провозгласил, что «тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман», и этот

принцип стал стержнем паранаучных дисциплин. «Возвышающий обман» принарядился в психологические и философические облачения, окутался эзотерическими флёрами, и возглавил глухую, упорную войну против физиологии.

Эта вечная битва красивого «обмана» с физиологией объясняется понятным стремлением человека отстоять свое достоинство, сохранить в неприкосновенности миф о уникальности *homo* в мироздании.

Сегодня, спустя годы, точки в вопросе происхождения жизни, в общем, расставлены. Тщательно, аккуратно и доказательно.

Но! Именно из той эпохи, когда все и началось в данную тему до сих пор протянуты щупальца метафизики. Они живы. Они весьма чувствительно иннервируют тему и сохраняют ее живой по настоящую минуту.

Мы закончили прошлую лекцию на том, что именно из той эпохи в тему происхождения жизни до сих пор протянуты щупальца метафизики.

Они весьма чувствительно иннервируют вопрос и сохраняют его актуальным по настоящую минуту.

Будем справедливы — только они и сохраняют.

Никакого иного движения в этой области не наблюдается уже несколько десятилетий. Лишь когда щупальца приходят в движение и принимаются душить очередной догмат естествознания, то тогда и наука вспоминает дни былой славы и хоть что-то попискивает в ответ.

Ее писк, надо сказать, не впечатляет.

Никакого серьезного сопротивления она оказать не может, как будто бы Павлов, Бернал, Фейнман, Уотсон, Крик и прочие гиганты унесли с собой в могилы весь огонь познания, отвагу и убежденность.

Наука, у которой не получилось с разгона взять высоту вопроса происхождения жизни, сперва смущенно сдулась, а позже научилась отделяться от «основного вопроса» толерантными фразами.

Почему это произошло?

Дело в том, что, к концу XX века естествознание перекошилось и потрескалось под ударами тарана культуры. Тот бил без всякой передышки, как по основам науки, так и по всем ее изящным надстройкам.

Культура бросала в бой легионы поэтов, теноров, дизайнеров и режиссеров. В результате она отвоевала почти все позиции, потерянные в XIX веке.

Поправ обломки научного мировоззрения, тенора вновь закрепили культ гениев, необъяснимость искусства, мира, любви, а через это и метафизику в чистом виде.

Прекрасный пример — Ричард Докинз. Ученый, всего лишь сохраняющий верность науке и её миропониманию, объявляется атеистом и демонстрируется, как некий экзот.

Наука оказалась деморализована и повержена.

Ей оставили при человечестве лишь роль придворного фокусника, изобретателя всяких приятных «штучек», вроде влагоемких прокладок, бомб и телефончиков.

На смену Павлову и Крику, на арену вечной борьбы вползло поколение вялых и впечатлительных доцентов.

Из их уст вновь зазвучал лепет о «творце», «душе», «демиурге» и некой «высшей силе», которая, по всей вероятности и стала «первопричиной мира». Довершая карикатурность картины, из всех щелей, вновь полезли осмелевшие попы.

Впрочем, дело было не только в атаке культуры. И разумеется, не в попах.

Важнейшей причиной нового торжества метафизики над знанием стало отсутствие научной дисциплины, которая бы специализированно и целеустремленно занималась именно вопросом происхождения жизни.

Да, существует биохимия, биофизика, астрофизика, теоретическая физика, кристаллография, палеозоология, палеоботаника, эволюционная генетика, сравнительная анатомия, молекулярная, теоретическая и математическая биологии, физиология, геология, космология et cetera.

Да, каждая из этих дисциплин соприкасается с нашим основным вопросом и предлагает на него некий камерный ответ, находящийся строго в рамках своей компетенции. Но эти ответы никак не коммутированы в единое научное явление.

Почему?

Потому что служение каждой из этих дисциплин требует пожизненной и фанатичной сосредоточенности только на своем предмете и не допускает никаких отвлечений. Невозможно представить себе персонаж, который мог бы вместить в себя одновременно и во всей полноте хотя бы физиологию, структурную геологию и квантовую механику. (А это всего три компоненты из, как минимум, двух десятков).

В известном смысле, биохимия и биофизика могут ненадолго «соприкоснуться» в силу взаимозависимости, равно как и геология с палеозоологией, но для единой и крепкой картины нужен синтез всех без исключения дисциплин.

Более того, этот синтез должен быть хорошо защищен и постоянно обновляем. Для каждой мелочи, открытой генетиками или палеоботаниками в нем немедленно должно находиться критическое осмысление и нужное место.

Такой научной отрасли, увы, не существует. Нет, разумеется, и персонажа, который мог бы владеть всей полнотой упомянутых знаний. Повторим, каждое из них требует целой жизни, фанатичной заикленности на одном, максимум двух строго специальных вопросах.

Итак, дисциплины не существует, некой титанической фигуры, которая бы аккумулировала все знания, имеющие прямое или косвенное отношение к происхождению жизни, тоже нет.

Но не все так скверно, как это кажется на первый взгляд.

По-прежнему существует метод, который позволяет выбрать из всех наук их суть, а выбрав, сложить эти сути в более или менее достоверную

широкую парадигму.

Это — картезианство.

А что такое картезианство?

Это — прежде всего, умение «снимать сливки».

Поясним.

Как мы помним, в XVII столетии во Франции оказалась востребована реалистическая доктрина, проясняющая феномен (как тогда казалось) человеческого разума.

Это стремление к ясности было закономерно.

Факт способности человека к мышлению уже требовал разгадки. Религиозная версия почти утратила свою силу, оставаясь убедительной только для фанатиков веры, которых с каждым годом становилось все меньше. А скопившиеся за множество веков знания распирали общество изнутри. Возникла уверенность, что механика рассудка может быть объяснена с такой же легкостью, как законы оптики или астрономии.

Разумеется, накопленные знания были самого разного качества. Но их было много и они гораздо сильнее обжигали разум, чем сегодняшние научные труды.

Сегодня любые, даже сенсационные исследования воспринимаются, как нечто, само собой разумеющееся и проистекающее из общего порядка вещей.

А в XVII столетии наука еще была откровением, переворачивающим жизнь всякому, кто с ней соприкасался. Это было время, когда «книги не читались, а выучивались наизусть», а наличие знаний могло либо дорого обойтись их обладателю, либо стать причиной его возвышения и невероятного благополучия.

Из нашего двадцать первого века общие объемы научной информации шестнадцатого столетия кажутся незначительными. Это нелепая иллюзия.

Они были воистину огромны.

Астрономия XVII века была соткана из причудливой смеси Птолемея, Пурбаха, Региомонтана, Тосканелли, Ринальдини, Коперника, Бруно, Галилея, Браге, Кеплера, систем Аверроэса, Аристотеля, Архимеда, Аристарха, Аль-Фергани, Араабхаты, Варамишры, Улугбека и Николая Кузанского.

Тысячи полновесных томов заключали в себе представления о минералах, магнетизме, металлоредении, электричестве, зоологии, географии, ботанике, скорости, преломлении и волновой природе света, оптике, эффекте цвета и электричества, об анатомии, медицине, логарифмах, алгебре, вакууме, размножении насекомых, механике,

пиротехнике, палеонтологии и баллистике.

Напомним, что к тому времени уже существовали труды Роджера и Френсиса Бэконов, фон Герике, Агриколы, Стуртеванта, Гилберта, Кабео, Гассенди, Торричелли, Юнгиуса, Франческо Лана Терци, Гюйгенса, Ферма, Гримальди, Парацельса, Марко Марчи, Де Доминиса, Кардануса, Телезио, Нуньеца, Меркатора, Мигеля Сервета, Гарвея, Никколо Цукки, Амбруаза Паре, Везалиуса, Фаллопия, Сильвиуса, Ван-Гельмонта, Ремера, Сваммердама, Санторио, Неемии Грю, Джона Рэя, Мэйо, Оккамы, Дунса Скотта, Гебера, Северуса Себокта, Тартальи, Бенедетти, Мальпигия, Симона Стевина, Фризиуса, Снеллиуса, Санторио, Гартмана, Бернара Палисси, Тартальи, Бенедетти, Бирингуччо, Тосканелли, Геснера, Ронделе, Галена et cetera.

Мы сейчас перечислили лишь имена первой величины, но кроме них следует вспомнить Мерсенна, Арнольда из Вильнева, Муциана Руфа, Маттеуса Сильватикуса, Ульриха фон Гуттена, Пьер Бейля, Пьетро Верджерио, Иоганна Христиана Эдельмана, Авраама Сакуто, Де Прада, Пьетро Д, Абана, Лоренцо Валла, Генриха Корнелия Агриппу, Пьетро Помпонацци, Отто Брунфельса, Иоганна Вейера, Улисса Альдрованди, Джона Ди, Джузеппе Франческо Борри, Шарля Эстьена, Жоффруа Валле, Чекко Д, Асколи, Виета, Фредерико Чези, Эккио, Франеско Стелутти.

Разгорались звезды Бойля, Мариотта, Кассини, Борелли, Гука, Галлея, Ньютона, Лейбница и Левенгука.

Корнелиус Дреббель уже испытывал первую подводную лодку, а Магалотти приводил в порядок «Очерки о естественнонаучной деятельности Академии опытов», описывая работу термометров, гидрометров, маятников, часов, барометров, микроскопов и телескопов.

Напомним, что еще в 1560 году в Неаполе организовалась *Academia secretorum naturae* (Академия тайн природы), основанная Джованни Баттиста Порта, а в 1603 создавалась *Accademia dei Lincei*, тоже изучавшая вопросы физики и (условно говоря) химии.

Частной, но сильной иллюстрацией истинного объема знаний XVII века может служить физиология мозга.

Итак, что было известно на тот момент?

Джакомо Беренгарио (Giacomo Berengario 1502–1550) обнаружил и описал полосатое тело;

Ахиллини (Alessandro Achillini 1463–1512) изучил первую и четвертую пары черепных нервов, т. е. обонятельный и блоковый нервы;

Габриэль Фаллопий (Gabriele Fallopio 1523–1562) еще более точно и подробно описал четвертую пару и создал крепкий набросок девятой, т. е.

глоссофарингеуса. Кроме того, он заложил основы изучения анатомии лабиринта, тимпанической хорды и языкоглоточного нерва;

Фернелиус (Jean F. Fernelius 1497–1558) создал описание центрального канала спинного мозга и гипотезу о роли нервов, как передатчиков влияния головного мозга на мышцы;

Сильвиус I (Jacobus Sylvius 1478–1555) обнаружил синингомиелические полости и топографировал извилины коры;

Варолий (Constanzo Varolio 1543–1575) описал мост мозга, ножки и оптический нерв;

Конрад Шнейнер (1614–1680) высказался о роли коры, как о месте локализации памяти, а о мозжечке, как о центре рефлексов. (Ошибочность его выводов — малосущественный фактор, главное здесь сам факт поиска.);

Хуан Гуарте (Juan Huarte 1529–1588) суммировал некоторые, весьма спорные и разрозненные данные о следствиях травм головы;

Лоренц Фриз (Lorenz Frisius? — 1531), судя по его рисункам в малоизвестной книге «Зеркало врача» тщательно изучал хиазму и глубину коры;

Томас Эраст (Thomas Erastus 1524–1583) и Фернелиус (Jean F. Fernelius 1497–1558) в тишине своих лабораторий исследовали природу эпилепсии;

Андреас Везалиус (Andreas Vesalius 1514–1564) в седьмой книге своего труда «О строении человеческого тела» полностью описал и топографировал мозг. Более того им были высказаны сенсационные предположения о возможных функциях его многочисленных структур.

Разумеется, нам удалось вспомнить лишь малую часть тех, кого вспомнить бы следовало.

Но помимо создателей и собирателей точных знаний о мире, которые все, в той или иной степени, были изгоями, существовала и официальная наука Ватикана.

Именно она, кстати, и считалась настоящей ученостью, а такие, как Бруно, Коперник, Галилей и Везалий имели репутацию «фриков», экзотических прыщиков, вскочивших на благородном носу подлинного знания.

Коперник не случайно так долго тянул с публикациями своих открытий, понимая, что «De Revolutionibus Orbium Coelestium Libri Sex» будет квалифицированно осмеян и объявлен лженаукой. Он писал: «Меня пугает мысль о презрении из-за новизны и отличий моей теории» (*цит. по М. В. Hall — The Scientific renaissance 1450–1630*).

Как выяснилось чуть позже, Коперник оказался прав. Его труд на

долгое время стал объектом не академических обсуждений, а лишь насмешек. Над ним глумились многие. От авторов популярных дидактических поэм и энциклопедий (Де Бартаса и Ж. Бодена) до столпов науки (Тихо Браге и Ф. Бэкона).

С церковной же точки зрения никакого особого криминала в работе Коперника не наблюдалось. Папа Лев X отнесся к ней иронично, но весьма доброжелательно, а кардинальская курия его поддержала. В 1532 году система Коперника была официально представлена на чтениях в Ватиканских садах, причем не кем-то, а личным секретарем Папы. Коперниканство вообще воспринималось благодушно, пока ситуацию не обострил Бруно, объявивший себя его верным адептом.

В XVI–XVII веке научная ревность уже существовала. «Специалисты» умели защищать свои «владения» от любых чужаков. Чтобы получить право голоса в науке, необходимо было примкнуть к соответствующей касте (астрономов, химиков, картографов), разумеется, полностью разделяя ее взгляды по всем ключевым вопросам. Была отработана и тактика нейтрализации диссидентов и чужаков, нелегально пробравшихся в дисциплину. Она была примитивна, но она работала.

Каста умело использовала тактические преимущества своей «высоты». Она устраивала академический погром новых взглядов, а затем обязательно спускала свою оценку «этажом ниже» к беллетристам, прессе и интеллигенции (в самом широком смысле этих понятий, вполне применительных и к семнадцатому веку). Те, мало понимавшие в сути вопроса, но доверяющие званиям и титулам, охотно начинали травлю, за пару лет превращая практически любого новатора в посмешище. Так повторялось из века в век.

Копернику, разумеется, припомнили то, что по профессии он церковный староста, но в астрономии — дилетант; Галилею рекомендовали глядеть в клистир, а не в телескоп, намекая на его основную профессию. (Галилео был медиком.)

Периодически возникали отчаянные персонажи, которые пытались ломать хребты и касте и подпевалам. Если дело доходило до открытого и упорного противостояния, то в ход шли дрова. Как показал пример Бруно, трех полениц, как правило, хватало, чтобы прекратить спор зашедший слишком далеко.

Члены знаменитой академии «деи Линчеи» вынуждены были общаться меж собой при помощи шифров из страха не перед инквизицией, а исключительно перед научным сообществом. Напомню, что неформальным главой академии был герцог Фредерико Чези, вполне способный защитить

ее от церковного преследования, но бессильный перед тогдашними кафедрами Рима, Болоньи и Флоренции.

Мы делаем ошибку, размежевывая науку того времени и церковь. Это неверно. Церковь и наука были одним целым.

В XVII веке официальных ученых, ориентированных на обеспечение богословской картины мира, были тысячи. Каждый из них имел возможность публиковаться, занимать кафедры лучших университетов и ставить на колени всяких «галилеев». Мы можем, конечно, следуя традиции, назвать их «схоластами», но это обозначение будет очень условным.

Отметим, что среди «схоластов» были не только мастера красивого шарлатанства или подтасовщики фактов. Ничего подобного. В большинстве это были абсолютно добросовестные исследователи.

Да, они не сумели преодолеть притяжение «христианской истины» и именно под нее «гнули и рихтовали» естественные науки. Но делали они это вполне искренне и самоотверженно.

Перечисляя ярких «схоластов» века мы обязаны вспомнить Фортиниуса Люцетуса, Леона Аллатиуса, Джймса Ашера, Людовико дела Коломбе, Афанасия Кирхерия et cetera.

Чем же они прославились?

Люцетус (Fortinius lucetus 1577–1675) — автор очень влиятельной концепции того, что Луна практически целиком сделана из фосфора, а эффект ее свечения основан на фосфоресценции. Самое забавное, что гипотеза базировалась на крайне убедительных экспериментах. Люцетус брал болонский камень (фосфоресцирующий шпат) и изготавливал из него диски и полусферы. Их свечение было практически незаметно днем, но при наступлении темноты они ярко разгорались, приобретая весьма реалистичное сходство с Луной.

На основании многочисленных опытов, при которых диски и полусферы наблюдались на разных расстояниях, под разными углами и в условиях разной освещенности, Люцетус с абсолютной уверенностью объявил, что Луна имеет фосфорную природу.

Как следствие:

Своей красотой и опорой на естественные явления гипотеза произвела огромное впечатление на современников, а Люцетус приобрел славу авторитетнейшего астронома и ученого.

Рассмотрим второго фигуранта из нашего списка — Леона Аллатиуса (Leo Allatius 1586–1669), Хранителя Ватиканской Библиотеки.

Он создал прелестную теорию, согласно которой кольца Сатурна

состоят из крайней плоти Иисуса Христа, вознесшейся после обрезания.

Как следствие:

Состоялось (как минимум) два диспута с участием богословов и большинства астрономов, которые решали возможность включения этой гипотезы в университетские курсы.

Третий герой — профессор Джеймс Ашшер (James Ussher 1581–1656). На основании библейской хронологии он вычислил день сотворения мира, т. е. 23 октября 4004 г. до н. э. и таким образом установил «очень точный» возраст планеты.

Как следствие:

На протяжении долгого времени данная цифра считалась единственно верной и доказанной наукой.

Зачем мы перечисляем все эти нелепости?

Исключительно для того, чтобы создать объемное и максимально сочное представление о естествознании того времени.

А также затем, чтобы прояснить мощь и универсальность того метода, что позволил отделить «овец от козлищ» и снять подлинно научные «сливки» со всех дисциплин.

Аллатиус, Беллармини, Люцетус, Кирхерий и еще тысяча (как минимум) «схоластов» не имели на титульных листах своих трудов специальных меток, предупреждавших, о том, что их изучение — пустая трата времени.

Напротив. Как мы уже говорили — на тот момент это были весьма авторитетные авторы. Ознакомление с их фолиантами было обязательным.

Конечно, наука XVII столетия была фантасмагорическим месивом, в котором обоснованное и точное переплелось с самыми дикими домыслами. Работы Кеплера соседствовали с улетевшим к Сатурну препуцием Христа, а грубейшие ошибки Кирхериуса имели тот же вес, что и открытия Ферма.

Углубление во всё без исключения тогда было столь же нереальным, как и сегодня. Или еще невозможнее.

Сегодня у нас есть законы естествознания. Все, что им противоречит может быть смело и безоговорочно отбраковано. Мы можем не принимать во внимание (или не воспринимать всерьез) летающие препуции, психотерапии или «внетелесные ощущения».

Тогда эти ориентиры еще не были сформулированы. Все было гораздо сложнее и запутанней.

И это было прекрасно, так как только безбрежный и бездонный эпистемологический хаос XVII века мог породить фигуру, способную этот хаос укротить и упорядочить. По логике развития науки она непременно

должна была выйти из «пены столетия».

Эта «Афродита» не замедлила явиться.

Ею стал профессиональный солдат-наемник, картежник, пират и дуэлянт Рене де Декарт. Он же Картезий или Картезиус, т. к. академические правила того времени требовали от ученого латинизировать имя.

Его образование ограничилось иезуитской школой в Ля Флеш, где Декарта обучили латыни, начаткам простой математики, а также иезуитской логике.

Окончив школу, Декарт отправился воевать.

Разумеется, не за родную Францию, а за талеры и гульденy. Под знаменами Максимилиана Баварского он брал Прагу, а под барабаны принца Оранского громил Арминиан.

Попутно он странствовал, картежничал, брюхатил дам и девиц, богохульничал, пьянствовал, пиратствовал, курил табак, дрался на дуэлях, т. е. вел очень здоровый образ жизни.

Периодически Декарт затворялся в глуши и шлифовал линзы. Или навещал бойни, где изучал свиные сердца.

Впрочем, не только сердца и не только свиные.

Вспомним известный пример, характеризующий его, как весьма дерзкого экспериментатора.

Проделав в ставне на окне своего кабинета отверстие, Декарт закрепил в нем свежесрезанный бычий глаз, «смотрящий наружу». С задней стенки глаза он соскоблил слой тканей и получил возможность «через глаз» созерцать миниатюрное, перевернутое изображение собственного двора.

Его эмбриологические занятия тоже стоят отдельного упоминания.

«Я однажды заставил убить корову, которая, как я знал, недавно зачала, исключительно с целью осмотреть ее плод». *(Декарт-письмо к Мерсену от 2 ноября 1646 г.)*

Он никогда и нигде не преподавал, почти не читал лекций, да и вообще избегал академической среды. В частности, известно, что по необъяснимым причинам Декарт уклонился от знакомства даже с Галилеем.

Свои дни он закончил при дворе шведской королевы Кристины, приняв отравленную облатку из рук иезуита Жака Виоге, так как орден Иисуса стало раздражать влияние Картезиуса на юную королеву.

Конечно, ему больше пошел бы костер, но сентиментальные иезуиты решили по-братски обойтись с выпускником школы Ля Флеш и ограничились ядом в причастии.

Чем именно начинил Виоге «тело христово» осталось неизвестным, но умер Декарт в муках.

Дальше все складывалось еще удачнее: его сочинения были внесены в INDEX LIBRORUM PROHIBITORUM, а специальным указом Людовика XIV во всех университетах Франции было запрещено поминать даже имя Картезия.

Жизнеописание Декарта, разумеется, не может вызвать ничего, кроме зависти. Хотя по экзотичности его отчасти и перещеголял Хокинг с боковым амиотрофическим синдромом, тем не менее, биография Рене де Декарта и по сей день является эталонной для ученого. Прежде всего тем, что это биография человека, для которого храбрость была привычкой.

Впрочем, дело не в этом.

Следует напомнить, что мы говорим о человеке, который с поразительной легкостью перевернул и структурировал европейскую науку.

Он подарил метод, с помощью которого из любого месива знаний можно изъять самое необходимое и важное, отсеяв пустяки и лишние подробности.

Картезий утвердил очевидное: «все науки настолько связаны между собой, что легче их изучать все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих....». (*Декарт «Правила для руководства ума» правило 1-е.*)

Его «Рассуждение о методе, позволяющем направлять свой разум и отыскивать истину в науках» не утратило эффективности и сегодня. Определенные неудобства доставляет архаичность стиля, но ее преодоление щедро вознаграждается.

Более того, без применения декартовского метода «снятия сливок со всех наук» попытка разобраться в происхождении жизни сегодня обречена на полный провал.

Не случайно один из первых авторов теории абиогенеза Джон Бэрдон Сандерсон Холдейн (1892–1964), основоположник биохимической генетики, основал общество «картезианцев» и первым в XX веке применил разработанные Рене Декартом методы познания сложных явлений.

Необходимо уточнение.

Под картезианством, (в данном случае), имеется в виду не философская система и не мерещившаяся Декарту во мгле его века «двойственность мира и человека».

Отнюдь.

Мы говорим лишь о картезианской механике мышления. О способности дерзко состыковывать данные самых различных наук для получения ответов на глобальные вопросы.

Картезианство учит идти против всех догм и научных приличий. Оно

основано на бесстрашии, бестрепетности и отсутствии авторитетов.

По сути, это пиратство.

Конечно, применение этого метода обрекает на некоторую поверхностность, а порой и на забавные мелкие ошибки.

По поводу ошибок можно не беспокоиться. Если идея имеет ценность, то в науке достаточно уборщиц, которые охотно приберут неизбежный мусор.

Конечно, картезианство гарантирует конфликт с «узкими специалистами», но этих бедолаг следует понимать и прощать.

Будучи, преимущественно, евнухами, призванными охранять и поддерживать порядок в своём фактологическом «гареме», специалисты и обязаны сопротивляться проникновениям в него всяких наглецов.

Разумеется, обнаружив забравшегося в «гарем» чужака, евнухи-доценты обязательно поднимут разоблачительный ревнивый крик. Притвориться «одним из них» не удастся. Можно даже и не пробовать. Даже если актерских способностей хватит на имитацию их мимики и речи, то все равно, рано или поздно, наступит момент «снимать шаровары». Тут-то все и откроется. Так что лучше сразу действовать дерзко и уверенно, не обращая внимание на возмущение.

Основательно пошалив в «гареме» с самыми красивыми идеями и набив карманы драгоценными фактами, напоследок надо вежливо раскланяться. Затем следует восхититься самоотверженностью евнухов-хранителей, тратящих свою жизнь на охрану и благополучие «гарема». После этого, «сделав ручкой», можно выпрыгивать из окна.

(Это называется академической междисциплинарной этикой и ее следует неукоснительно соблюдать).

Столь же малой проблемой является и т. н. «поверхностность». Разумеется, она весьма условна и «поверхностностью» может быть названа с большой натяжкой.

Но!

Одно дело создавать и развивать научную дисциплину, другое — пользоваться ею и снимать с нее «сливки». Конечно, это совершенно разные уровни. Первое требует абсолютной углубленности и жертвенности, детального постижения всех нюансов. Второе — всего лишь структурированного трезвого знакомства с нею.

Приведем самый простой пример поверхностности, допустимой для решения тех задач, что мы себе поставили.

Говоря о происхождении жизни, трудно не задеть вопрос о геологической «развитости» той или иной планеты.

Что является элементарным индикатором такой развитости?

Разумеется, в первую очередь, это многообразие минерального состава ее коры.

Что именно минералы могут поведать о том планетном теле, где они появились?

Очень многое.

Зная примерное количество минералов и тот химизм, который их порождает, можно легко и почти безошибочно набросать «портрет» планеты от момента ее образования до наших дней.

Наличие или отсутствие сульфатов, арсенатов, боратов, хлоридов, фторидов, углеродистых соединений и нитратов дает четкое представление о вулканизме, рельефе, наличии и виде жидкой воды, температурах, возрасте, магнетизме, радиоактивности, массе и даже об угловой скорости осевого вращения планеты в разные периоды.

Как известно, чем больше скорость осевого вращения, тем более пологим становится общий рельеф. (Как выражаются планетологи, он выполаживается). А выполаживание несколько меняет минералогический портрет верхнего слоя планеты.

Разумеется, чтобы говорить о минералах, надо отчетливо представлять себе их эволюцию.

Она, как и все прочее, началась в момент возникновения Вселенной.

Сейчас мы произнесли роковые слова. Мы отворили бездну, кишащую астрофизическими и космологическими теориями. Бездна живописна, безбрежна и соблазнительна.

Отметим, что нам в нее не надо.

Более того, чтобы спокойно обсудить вопрос происхождения минералов, нам необходимо уклониться от участия в бесконечных спекуляциях об общем происхождении материи.

Нам нужно лишь выстроить в нужном порядке те факты, что на сегодняшний день выглядят, как относительно бесспорные.

Для этого следует вспомнить наставление очередного картезианца,

профессора А. Д. Сперанского, любимого ученика Ивана Петровича.

«Для того, чтобы неподвижная группа разрозненных фактов приобрела жизнь, не требуется непременно добавить в нее некоторое число новых фактов. Нужно лишь соединить факты в динамическую систему. Если это достигается по отношению к беспорядочной группе неиспользованных фактов, то так же и с тем же успехом можно поступить и со старым материалом, уже входившим в состав тех или иных комбинаций, ибо у фактов нет самостоятельного и изолированного значения.»

Сейчас нам предстоит совершить очень непростой маневр. Чтобы пробраться к нашим минералам, нам надо проскользнуть меж свирепо грызущимися монстрами основных гипотез космологии.

Главная опасность заключается в демоническом обаянии теоретической физики и астрофизики. Они засасывают и пожирают без остатка даже тех, кто просто идет мимо них по своим делам. Не говоря уже о безумцах, которые решились устроить серфинг на пылающих волнах теорий происхождения Вселенной.

Поскольку наша задача значительно скромнее, чем критическое осмысление «начала начал», то мы возьмем за основу т. н. «Стандартную Модель», которая является, общепринятой в современной астрономии и астрофизике. Именно Стандартная Модель имеет косвенное, но сильное подтверждение в фундаментальном уравнении Фридмана, трудах по космологии Вайнберга, Хаббла, Сагана и Хокинга.

Итак.

Сперва не было ничего. Ни времени, ни пространства, ни материи.

В этом «ничего» случился некий взрыв. Его обычно называют «Большим» и с этим, в принципе, можно согласиться. Хотя бы потому, что определение «Маленький» к нему явно не подходит.

«Затем в мгновение ока появилось не просто нечто, а все, чему предстояло существовать, и все сразу. В этот момент объем Вселенной был меньше ядра атома». (*R. M. Hazen The story of earth 2012*)

В самом факте какого-то взрыва сомневаться не приходится. т. к. реликтовое излучение Хаббла действительно доказывает, что вся материя и энергия Вселенной получили в какой-то момент резкое и существенное ускорение, сила которого не ослабевает и до настоящей минуты.

Пропорциональность скорости удаления сравнительно близких галактик расстоянию до них. Коэффициент пропорциональности называется постоянной Хаббла.

Все действительно разлетелось и продолжает разлетаться. В этом легко убедиться и самостоятельно, сопоставив наблюдаемую и абсолютную

светимости звезд или взглянув на известную теорему Биргкофа.

Но!

Космология на сегодняшний день сделала все возможное, чтобы происхождение Большого Взрыва стало полностью необъяснимым. Взрыв появляется, как черт из табакерки. Без всякой причины и без малейшей необходимости.

Разумеется, в качестве довеска к Стандартной Модели прилагается и версия о некой точке сингулярности. Применяв ее к гипотезе Большого Взрыва, появляется возможность все окончательно запутать и обесмыслить.

Сформулируем ее, опираясь на известные труды Хокинга, Крауса, Хейзена, Поттера, Хаббла, Хойла, Вайнберга и Сагана.

Итак.

Точка сингулярности была, когда ничего еще не было и быть не могло. Хотя ничего не было, все уже было и это «все» помещалось в сверхплотном объеме неустановимо малого размера. Несмотря на то что все уже было, ничего не было, включая размер и даже саму «точку». Однако, несмотря на то, что этого не было, это было и даже сумело шандарахнуть так, что материя, а также всяческие дыры и клочья времени до сих пор разлетаются из точки, в которой их никогда не было.

Сингулярная версия, конечно, очаровывает абсурдностью, которой позавидовали бы даже отцы церкви. Взрыв был и остается самым слабым местом космологии и астрофизики. Впрочем, от него пахнет не богом, а простой неразвитостью науки, простительной для диковатого XXI века.

Возможно, через пару столетий сингулярность и версия «чертика из табакерки» будет забавлять космологов примерно так же, как нас сегодня забавляет «препущий Христа» в трактовке профессора Лео Аллатиуса.

Жирно подчеркнем: мы сомневаемся не в факте Большого Взрыва, а в его безродности. В том, что ему не предшествовала длинная цепь квантовых и кварковых космологических событий. Да, мы пока их не знаем и не можем даже фантазировать по их поводу. Но они, несомненно, имели место, т. к. Взрыв имеет все характеристики весьма сложного, многокомпонентного и, если можно так выразиться, весьма «развитого» события.

Отношение к Взрыву, как к «началу начал» столь же нелепо, как объявление, к примеру, антракозавра точкой отсчета всякой наземной жизни.

Поясню.

Предположим, наши палеонтологические находки были бы

ограничены только протогеринусом (разновидностью антракозавров), весьма симпатичным ящеровидным существом каменноугольного периода.

Действительно, определенная часть земной фауны ведет свой род именно от него. Антракозавр имел своим эволюционным продолжением (в том числе) и зверозубых ящеров терапсид, а им выпал эволюционный жребий дать жизнь млекопитающим.

А вот всех тех, кто предшествовал антракозавру, мы бы еще не обнаружили и не имели бы о них никакого понятия.

У нас бы не было классификаторов, согласно которым нашему протоящеру предшествовали акантостеги, ихтиостеги, латимерии и пр. Мы бы не знали этих наименований и не имели бы счастья прикасаться к скелетам этих существ.

Разумеется, у нас отсутствовали бы представления и о его более ранних предках: о трилобитах, аномалокарисах и мякотных организмах эдиакарского периода.

У нас был бы только протогеринус. Великолепный, но одинокий. Ему бы очень пошло наименование «сингулярный».

Тем не менее, морфологическая сложность и развитость нашего ящера никогда не позволили бы нам считать, что с него-то «все и началось».

По одной простой причине мы в состоянии заметить весьма существенную разницу между протогеринусом и поздними рептилиями, его прямыми потомками.

Сравнив нашего «сингулярного» ящера с диметродоном, а затем и с еще более развитыми синапсидами, мы увидим все приметы продолжающегося совершенствования мозга, организма, функций и морфологии.

Эти приметы несомненного развития «вверх» обязывают нас предположить то, что необходим и «обратный отсчет». От антракозавра вниз, ко все более и более простым особям.

Перед нами встала бы задача искать и найти их.

Примерно такая же история и с Большим Взрывом.

Нет ни малейшей возможности предположить, что в космологической цепи он был «первым» событием, что его породила некая мистическая сингулярность, не имеющая объяснений.

По всей вероятности, Взрыву предшествовала длинная цепь явлений, которая, возможно, когда-нибудь станет известна астрофизике. Взрыв перестанет быть «сиротой», у него появятся не только породившие его факторы, но и понятные причины. Сингулярность будет либо сдана в архив, либо получит внятные объяснения.

Возможно, самым перспективным направлением поиска будет все-же гипотеза «квантовой пены». Вернее та ее часть, где С. Бильсон-Томпсоном высказано предположение о возможности субкомпонентнов элементарных частиц к самоорганизации. (Петлевая квантовая теория).

Поскольку наш путь к минералам пролегает через грандиозные этапы космической истории, то нам придется уточнить еще один момент.

Дело в том, что мы не можем ходить на поводке, даже если его сплели для нас Саган или Вейнберг.

Вернемся к Взрыву. Суть рабочих теорий сводится к тому, что 13,7 млрд лет тому назад протоэнергия вышла из точки события. Но для того, чтобы выйти из нее, протоэнергии пришлось овеществиться. (Примерно такую же картину мы можем увидеть, наблюдая весной за почкой любого дерева.)

Астрофизика говорит об одном таком событии. Но, по логике вещей, таких попыток (выхода из точки) должны были быть квадриллионы.

Только та попытка, где сработал «естественный отбор», где сложился, наконец, способ овеществления и стала началом Вселенной.

Этим способом оказалась нужная пропорция слабого и сильного ядерных взаимодействий, а также гравитации и электромагнитных сил.

Тогда же, по всей вероятности, возник и пятый фактор (время), который дал силам некоторый маневр и позволил, наконец, сработать, их механизмам.

Неудачных попыток сотворения Вселенной, при которых протоэнергия оставалась сама в себе, бессильная покинуть «квантовый пузырек», по всей вероятности, было неисчислимое множество. Возможно, конфуз случался и чуть позже, когда выход происходил, но неверный баланс сил не позволял протоматерии набрать нужную мощь движения и температуру. Тогда все умирало, едва родившись.

Мы многократно на всех, без исключения примерах убеждались, что все в природе свершается в результате секстиллионов «проб и ошибок» и только в результате постепенного эволюционного развития и кропотливого подбора работающей схемы.

Момент удачи наступает в результате неизбежной случайности.

Ее неизбежность обусловлена неограниченной множественностью «экспериментов» и тенденцией материи к самоорганизации.

Это объясняет все загадки «первых мгновений». И точность подобранной температуры, и угаданную скорость расширения пространства. И отчасти суперсимметрию.

Ни на одном из этапов эволюции ничто не получается с «первого

раза», а красивый принцип «чертика из табакерки» никогда не работает.

У нас нет ни малейших оснований предполагать, что и Большой Взрыв имел какое-то иное происхождение, нежели любое другое природное явление, подчиненное четырем силам (+времени). Конечно, его разгадка — в его истории. Но она пока от нас закрыта.

Впрочем, пусть с этим разбираются астрофизики, т. к. к происхождению минералов это имеет очень мало отношения.

Квантовая теория поля допускает рост изначального квантового пузырька до 10^{-27} степени, что, по идее, достаточно, чтобы в нем произошел первый процесс, потребовавший некоторого «времени», т. е. особого вида пространства для возможности последовательных действий сил.» Лучше всех об этом сказал Эйнштейн: «Время существует для того, чтобы все не случилось одновременно».

Какие еще «силы» и факторы, кроме этих, тогда использовались, но были отбракованы рвущейся из своей точки протоэнергией, как неэффективные для решения конкретно этой проблемы, мы вероятно, узнаем не скоро. С какими-то из них мы, возможно, встречаемся в квантовом мире, но не «здороваемся», поскольку «не знакомы», а для их примерного обозначения в нашем языке нет ни слов, ни терминов, ни понятий.

Попробуем объяснить еще понятнее. На еще более простом примере.

История Большого Взрыва (по всей вероятности) очень отдаленно напоминает эпопею возникновения дезоксирибонуклеиновой кислоты.

Большой взрыв когда-то дал жизнь барионной материи и пространству, благодаря чему появилась Вселенная с ее квазарами, пульсарами и другой атрибутикой космоса.

Все оказалось сложнее, чем представлялось в первые несколько мгновений, когда «Сверхплотный космос появился в виде чистой однородной энергии и никакие частицы не нарушали его абсолютное единообразие». Результатом этой красивой картины, увы, стали образования звезд и планет, гравитационный разбой черных дыр и колясочка Хокинга.

Примерно такая же история только в меньших масштабах повторилась и с ДНК.

ДНК когда-то породила органику, проявив удивительную ловкость в обращении с аминокислотами. По всей вероятности для этого у нее были некие глубоко личные причины (в тот момент). Но эволюционный механизм вдруг заработал, и ДНК стала главнокомандующей весьма специфической формой жизни, обреченной вечно строить из аминокислот

белки, из белков клетки, а из клеток организмы.

Но до того момента, когда «ДНК» получила свои золотые эполеты, она была всего лишь дезоксирибонуклеиновой кислотой, одной из многих кислот, которые появились на Земле в результате первоначального химизма.

История ее появления не содержит ничего загадочного или чрезвычайного. Она, конечно, высокомолекулярное, но не слишком сложно устроенное соединение производных рибозы и фосфорной кислоты.

Та самая первая эпоха, что называется Гадейским эоном, наплодила таких кислот великое множество.

Правда, у самой нуклеиновой кислоты (лежащей в основе ДНК) есть очень романтическая подробность биографии.

В некоторых метеоритах, прилетевших на Землю из глубокого космоса за последние 50 лет, был обнаружен гликоальдегид. Через цепь простых реакций он превращается в рибозу, ключевой ингредиент рибонуклеиновой кислоты (РНК). При удалении из нее одного атома кислорода РНК легко превращается в ДНК.

Впрочем, особой необходимости в космическом происхождении у дезоксирибонуклеиновой кислоты не было. Она обречена была появиться и в результате естественных процессов на ранней Земле.

Мы помним, что в эпоху ее рождения у всех элементов была ежесекундная возможность вступать меж собою в любые реакции.

Гадейский эон был временем местом великой химической оргии, которая, увы, никогда больше не повторится.

Вся планета была единой лабораторией, оснащенной ретортами тысяч вулканов, экстракторами гидро-и геотермальных источников, а также всеми видами природных реакторов, дефлегматоров, дистилляторов, холодильников и испарителей.

Да, все это отчасти сохранилось и по сей день, но интенсивность последовательных химических соитий, тогда была в миллионы раз больше, чем сегодня. И во столько же раз эффективнее.

Почему мы решаемся это утверждать?

Во-первых, потому что вездесущий свободный кислород, который умеет попачкать и «отупить через окисление» любой эксперимент, еще не получил на Земле власти. Его попросту тогда не было. Соответственно и никакого защитного озонового слоя тоже не было. Была сочная смесь радиоактивных паров и раскаленных газов, захваченная и удерживаемая гравитацией Земли, а все виды космической радиации творили с ней (а заодно с литосферой) все, что хотели.

Во-вторых, потому, что палитра энергетических воздействий на

элементы и их связи была значительно богаче.

Она включала все виды излучений, взрывную и разрядную энергии, любые виды нагревов, охлаждений и давления. Как мы уже установили, ничто не препятствовало коротковолновому ультрафиолету и метеоритным дождям жечь, облучать и бомбардировать планету.

Радиоактивность ранней Геи была сумасшедшей. В ту пору все радиоактивные элементы были молоды, полны сил и даже не помышляли ни о каких распадах или полураспадах.

По самым грубым подсчетам тория было на четверть больше, чем сейчас, а ²³⁸ и ²³⁵ урана — в три раза. Содержание трансурановых элементов (плутония и кюрия) могло в отдельных местах достигать 1 %. Из недр шел раскаленный водород, вовлекая трансураны в локальные термоядерные реакции, а взрывные и площадные излияния лав из вулканов поднимали вверх и радиогенный аргон, который добавлял пикантности этой картине.

Также следует упомянуть, что значительно выше была и электроразрядная (молнийная) активность, атакующая миллионами вольт адскую смесь свободного водорода, сероводорода, угольной кислоты, паров серы, хлора, фтора и воды. В этом коктейле конденсировались и трансмутировали кислоты, то выпадавшие дождями, то покрывавшие все окислами.

На окислах осаждались облака космической пыли, наполненной всеми видами кристаллитов и молекулами тяжелых элементов.

Удары астероидов и метеоритов обеспечивали бесконечные взрывы, сотрясения, ударные волны, разломы тонкой коры и всплески температур. Кроме того, астероиды приносили в себе на планету все новые и новые элементы. Те, что рождались только в глубоком космосе, при взрывах звезд.

Напомним, что интенсивность метеоритных бомбардировок в сотни раз превышала сегодняшнюю, так как Солнечная Система еще не сложилась окончательно, и космос был переполнен отходами планетообразования.

Миллионы квадратных километров реактивных химических масс прессовались, рыхлились, вновь запекались и остывали. Коктейли радиоактивных паров и газов раскаляли их снова, а вулканы затапливали глубинной магмой и засыпали чрезвычайно содержательным мелкодисперсным пеплом, провоцирующим тонкие реакции. Вулканические пеплы и золы, как известно, богаты (в том числе) азотом, что в сочетании с массой других факторов просто не могло не запустить синтез азотистых соединений.

Солнце, то приближалось, то отдалялось.

Соответственно этому колебалась и сила его гравитационного воздействия на Землю, то замедляя, то ускоряя скорость ее вращения.

От этого начинались подвижки тогда еще совсем тоненькой коры, образовавшейся в процессе первоначального остывания внешнего слоя планеты.

Кора натягивалась, лопалась и дыбилась, выпуская из глубин магматические волны и диапиры. Образовывались разломы. А в них обрушивались кислотно-водные океаны успевшие конденсироваться на поверхности. Это опять-таки вызывало паровые взрывы в сотни километров длиной и невероятные комбинации и рекомбинации элементов. Возможно, в этот период образовались те фосфорные кислоты, которые были так необходимы для создания ДНК.

По зонам разломов шла и дегазация верхней мантии, насыщавшая первичную атмосферу гексафторидом серы, урана, вольфрама, а также парами ртути.

В такт сбоям вращения, как всегда, активировались землетрясения. Они перемешивали водяные линзы и подземные источники с расплавленными магматическими слоями. Все вновь взрывалось, сплавлялось и смешивалось, еще более обогащая концентрацию реагентов и облегчая им связи.

Но самым главным и неповторимым фактором Гадейского эона, по всей вероятности, был именно союз разветвленных цепных химических и цепных же ядерных реакций. Благодаря этому вещество могло проходить все мыслимые стадии своих изменений. Разумеется, при нахождении некоей оптимальной формы оно «останавливалось», как «остановились» в кристалле кварца «встретившиеся» кремний и кислород.

Все величие процессов описать невозможно, как невозможно и дать представление об их масштабе. Но важно понимать, что в ядерно-химической трансмутациях, в течении миллиарда лет ежесекундно участвовал каждый микрограмм огромного планетного тела.

Разумеется, мы говорим сейчас лишь о штатных, относительно спокойных ситуациях. Все, что происходило в моменты отделения Луны от Земли или при ударах в нее особо крупных тел, было еще живописнее. В частности, Р. Хейзен полагает, что гравитационная сила Луны, первоначально находившейся от Земли всего в 24.000 км., была демонически велика. Под ее воздействием «каждые несколько часов расплавленная магма на поверхности Земли вспухала гигантскими волнами высотой больше километра».

Теперь, имея некоторое представление о мощи лаборатории в которой требовалось всего-лишь окислить несколько фосфатов и через энергетические воздействия получить рибозу, а затем через простую N-гликозидную связь объединить фосфорную кислоту с производными рибозы в полинуклеотид, нам не придется сомневаться в том, что процесс был не слишком сложным, хотя долгим и мучительным.

Дезоксирибонуклеиновая кислота лишается репутации «сложной», когда мы рассматриваем ее составные части. Возьмем для примера Пурин. Его молекула состоит из пяти атомов углерода, четырех атомов азота и четырех атомов водорода.

Артур Корнберг, конечно же, синтезировал ДНК в лаборатории. Ему не требовалось ни миллиарда лет ни землетрясений. Ни попадания в его лабораторию особо крупных метеоритов. Но он брал уже сложившиеся элементы.

Мы имеем слишком много примеров образования химических соединений, происшедших в этот период и превосходящих ДНК сложностью.

Возможно, он занял не менее полумиллиарда лет непрерывного поиска того конечного субстрата, который уже сам обладал химической цельностью и мог вступать в эффективные реакции. По идее нам даже не нужна «космическая» рибоза, принесенная из неведомых областей галактики, хотя для подстраховки мы и ее держим в уме.

В результате бесконечного множества этих геохимических событий, в какой-то момент сошлись вместе и распределились, наконец, в нужной пропорции аденин-тимин-гуанин-цитозин (+ некий протофермент, имя которого, пока не установлено, но который вполне мог быть нуклеотидом). Дезоксирибонуклеиновая кислота появилась и начала функционировать.

Мы вправе предположить, что и первоначальное овеществление, было весьма затрудненным процессом. Но так было только вначале, в эпоху «квантовой пены», т. е. тех бесчисленных пузырьков один из которых, собственно, и разродилась вселенная.

Дальше все развивалось поживее.

«Протоэнергия» наконец вырвалась из точки и приобрела черты энергии уже в более понятном смысле этого слова.

Каждый последующий шаг (то, что называется «фазовыми переходами») всегда диктовался сиюминутной необходимостью и всегда был вызван некой конкретной причиной.

Все они в той или иной степени вычисляемы, но остановимся на самой главной и самой простой.

Она в том, что энергия, оказавшись во власти «микста» из ядерных взаимодействий, гравитации, электромагнетизма и времени никаким другим образом вести себя и не могла.

Да, «микст» (эта вселенская ДНК) сам еще складывался и формировался (несомненно, что и он имел свою эволюцию, скрытую от нас в глубинах квантового мира). Но его интегративная мощь никакого выбора для юной материи не оставляла. «Микст» управлял породившей его средой все увереннее и деспотичнее.

Впрочем, и энергия тоже не осталась в накладе. Она получила, что хотела. Вероятнее всего, это было т. н. «развитие», т. е. возможность безграничного распространения, следствием которого стало появление пространства.

В результате всех этих событий почти мгновенно образовалась т. н. «кварк-глюонная» плазма, состоящая из всех видов квантов, кварков, бозонов, глюонов и т. д.

Разумеется, никаких элементов и целых атомов в составе плазмы еще не было, но «силы» сразу начали выстраивать плохо управляемые квантовые частицы во что-нибудь посолиднее. В то, что было бы полностью им покорно.

Это оказалось делом не сложным. Потребовалось всего лишь запереть часть кварков в протоны и нейтроны, слепить ядро и прицепить к нему электроны.

Именно тогда у сильного ядерного взаимодействия впервые появилась возможность как следует размяться и приобрести профессиональные навыки. Впрочем, данные процессы настолько красиво описывает квантовая хромодинамика (КХД), что прибавить к Фейнману, Альтарелли или Индурайну хоть что-нибудь новенькое пока не представляется возможным.

В результате на свет появился первый атом. Он был легким, простеньким, но самое главное, он уже (почти) полностью детерминировался силами.

Попутно, как свидетельствует космология, происходило множество очень важных событий: образование антиматерии, суперсимметрии и снижение температур с «температуры Планка» (10^{32}) до 10^{27} .

(Тут все не очень ясно, так как остается совершенно не понятным, кому именно была отдана часть температуры, если вокруг большого плазменного пуха, который и являлся на тот момент пространством, не существовало еще ничего, способного «взять» часть градусов. Вероятнее всего, никакой «отдачи» и не могло быть, а свершилась капсюляция,

благополучно заточившая энергию в атомы.)

Но по поводу суперсимметрии, антиматерии, темной материи и энергии, а также «температурных часов» образования Вселенной пусть и дальше бодаются астрофизики. Мы не дадим себя в это втянуть, так как для вопроса происхождения минералов все это не слишком существенно.

Так или иначе, но у наших «генералов» (сил) появился первый «солдат» (атом) способный выполнять приказы.

Квантовая анархия, конечно, никуда не делась, но она (частично) переместилась в «солдата» и по грубой аналогии может быть уподоблена клеточным и межклеточным процессам, упакованным в солдатский организм. Они, конечно, могущественны и могут помешать исполнению генеральского приказа, но могут и не помешать.

К примеру, эти процессы могут заставить солдата предпочесть сидение на горшке участию в параде. Такое, конечно, возможно, но на статистическую картину, как показывает история вида homo, не очень-то и влияет. Парады проводятся регулярно.

Итак, возник первый атом.

Хотя данное событие не было отмечено банкетом, но в силу известных причин именно этот момент мы можем считать официальным началом процесса общей эволюции барионной (видимой) материи.

(Чуть позже история возникновения атома водорода отчасти повторится с протоклеткой, которая даст начало уже следующему этапу эволюции, т. е. органическому).

Впрочем, водород был не совсем одинок. Малый процент общей массы юного вещества занимали атомы гелия, дейтерия, и судя по всему, лития. Это было уже практически видимое овеществление.

Опять заработали силы, которые вновь укрупнили объекты своего воздействия. Появились первые, весьма простые по своей конструкции молекулы. Через некоторое время часть пространства заволкло газово-молекулярными туманами.

Гравитация лихо накрутила из туманов огромные диски и продолжала их вращать. Их центры все сильнее сжимались, так-как на них все сильнее давили периферические массы. Это были шары из турбулентного газа (водородно-гелиевые) приговоренные своими циклопическими массами к роли бесконечного ядерного взрыва. Впрочем, наступает момент, когда такая звезда, спалив запас водорода, превращается в красного гиганта и начинает уже гореть гелий. Это горение позволяет образоваться ядрам углерода и кислорода. Затем происходит возникновение все более и более тяжелых элементов, горит углерод, производя неон, магний и еще больше

кислорода. Реакции вновь меняются, уже новообразованные элементы вступают во взаимодействия. Но в это же время продолжает работать гравитационная сила, доводя атомы и электроны до предела спрессованности. Затем срабатывает принцип Паули. Самые последние процессы производят уже атомы железа. Если такую пылающую штуку быстро разобрать и обследовать, то в ней уже возможно обнаружить (помимо водорода, гелия, кислорода, дейтерия, углерода, неона, железа) еще множество различных элементов, включая серу, магний, кремний и азот. Все заканчивается взрывом. Ко всеобщему удовольствию все взрывается к чертовой матери и наполняет вселенную новыми элементами уже в виде облаков. Чуть позже взаимодействие четырех основных сил сформировало из газовой-пылевой (небулярных) облаков космические тела.

Мы знаем, что литосфера Земли состоит из нескольких тысяч различных минералов. Большая их часть имеет собственную вещьность и осязаемость. Меньшая присутствует в виде отдельных атомов и молекул, вкрапленных в другие субстраты или породы.

Осязаемые (стабильные) минералы подразделяются по своему происхождению на осадочные, гидротермальные и магматические.

Здесь очень важно не погрузиться в тягомотнейшую тряси́ну академических споров меж научными школами, которые считают и классифицируют эти минералы немного по-разному. Да, эта «трясина» восхитительна, но она насчитывает несколько сотен томов и состоит из доводов и контрдоводов советской, американской и европейской школ.

Советская астро-геология, где до сих пор царствует тень профессора Каттерфельда признает «стабильными» лишь 2.000 минералов Земли, автор теории «минеральной эволюции» Роберт Хейзен таковыми считает не менее 3.700, а планетолог Энди Ноул отстаивает совсем иные цифры. При желании мы можем набрать еще примерно 30 мнений по данному поводу, конфликтующих меж собой, но выглядящих вполне академично и обоснованно.

Все дело в том, что Каттерфельд считает только «химически чистые» минералы, образовавшиеся в добиологический период планеты, а (к примеру) Хейзен признает минералами и те, что формировались под влиянием зародившейся органической формы жизни.

Категорически рознятся меж собой и данные по количеству минералов на Луне и Марсе. Каттерфельд полагает, что мы с уверенностью можем говорить лишь о 89 лунных минералах. Отчасти это справедливо, т. к. в тех 400 килограммах лунного грунта, что было доставлено «Аполлонами» в земные лаборатории, их именно столько. Американская астро-геология

оценивает минеральный потенциал Луны чуть-чуть щедрее.

Такая же история с Марсом.

(Как бы яростно не бодались меж собой геологи, астро-геологи и планетологи различных школ, но все они, в принципе, согласны как в наличии существенной количественной, так и качественных разниц меж Землей, Луной, Марсом)

Зная эти цифры и тот химизм, который порождает минералы, комбинируя элементы в разных условиях, можно легко и почти безошибочно набросать «портрет» планеты от момента ее образования до наших дней.

Через эти, очень простые данные мы получаем представление о вулканизме, рельефе, наличии жидкой воды, температурах, возрасте, магнетизме, радиоактивности, массе и даже об угловой скорости её осевого вращения в разные периоды.

Как известно, чем больше скорость осевого вращения, тем более пологим становится общий рельеф. (Как выражаются планетологи, он выполаживается). А выполаживание несколько меняет минералогический портрет верхнего слоя планеты.

Существенная доля боратов и фторидов подсказывает нам, что горы — это сравнительно недавнее приобретение Земли. Следовательно, когда-то скорость осевого вращения была значительно больше. Мы понимаем, что земные сутки продолжались 4—6—8 часов, рельеф был пологим, а соответственно, моря мелкими и горячими.

Эти выводы добавляют живописные подробности.

Конечно, чтобы вынести вердикт о развитости или не развитости космического тела, нам потребуется для сравнения еще несколько планетных объектов (примерно) того же типа, что и Земля.

Возьмем хорошо изученную Луну.

В тех 400 килограммов ее грунта, что было доставлено «Аполлонами» в земные лаборатории, мы увидим всего 89 минералов. Допустим щедрое предположение, что их в три раза больше, чем удалось собрать. Но минералогическая развитость Земли и Луны все равно останется несопоставимой.

Примерно такой же будет история с Марсом, где обнаружен базальт, андезит, дацит, полевые шпаты, но нет ни кварца, ни слюды. Осторожные предположения о составе Ио и Энцелада характеризуют их минералогическую развитость, как весьма среднюю, по сравнению с Землей.

Все это даст нам право уже уверенно оперировать понятиями

«развитость» в отношении таких сверхсложных тел, как планеты и проводить необходимые аналогии.

Конечно, перечисленное нами — это едва лишь одна стотысячная тех знаний, которыми располагает наука о космических объектах. Мы сейчас проявили возмутительное легкомыслие, поведав о взаимосвязях минералов и развитии планетного тела. Это следовало делать через трехмерные диаграммы, вычисления их гелиоцентрического расстояния от планетных тел и «законы содержания силикатов в зависимости от их близости к Солнцу».

В астро-геологии Каттерфельда значения массы, размера, плотности и вулканизма планеты будут определяться через формулы $M_k = 6 \times 10^{22}$ кг, $D_k = 3.300$ km, $d_k = 3,25$ g/sm. В эволюционной минералогии, которую ныне блестяще представляет профессор Хейзен, к тем же самым выводам требуется идти совсем другим путем.

Происхождение минералов можно определять по Вернадскому или Шопфу. Можно руководствоваться Брейзером или Хейзенем. Это конфликтующие школы. Они видят процессы минералотворения несколько по разному.

Безусловно, все эти нюансы будут сверхпринципиальными для планетологов. Но нам они совершенно безразличны.

Мы свои «сливки» сняли. Мы приобрели инструмент, позволяющий в отношении самоорганизующихся архисложных структур применять понятие «развитость — не развитость». (Чуть позже нам это очень понадобится.)

В хорошо разработанной науке выводы и формулировки, как правило, настолько отчетливы, что их можно без всяких искажений переносить в картезианскую «ткань» обобщений. Декартовский метод позволяет оперировать данными из любых дисциплин, почти полностью освободившись от них самих.

Завершая эту лекцию следует еще раз вспомнить слова картезианца Питера Медавара (1915–1987, НП — 1960) и его блестящую формулировку: «По мере того, как наука прогрессирует, конкретные факты поглощаются ею, и, в некотором смысле, исчезают в общих утверждениях возрастающей объясняющей силы. Нам больше не нужно представлять себе в явном виде весь объем фактов. Во всех науках мы постепенно освобождаемся от груза единичных примеров, от тирании конкретного».

Примечания

«Эрарта» — музей современного искусства в Санкт-Петербурге.